РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр корейских исследований

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

В ПОИСКАХ МИРА И ПРОЦВЕТАНИЯ

В двух томах

Том 2

Москва
ИДВ РАН
2019

УДК 32/33(519)
ББК 65/66(5Коо+5Кор)
К66

Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН

Редакторы:
к.полит.н. А.З. Жебин (отв. ред.), к.и.н. К.В. Асмолов, к.э.н. Л.В. Захарова,
к.ф.н. Ким Ен Ун, д.э.н. С.С. Суслина, А.Л. Поленова

К66 Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В двух томах. Т. 2. — М.: ИДВ РАН, 2019. — 224 с.

ISBN 978-5-8381-0357-4
ISBN 978-5-8381-0359-8

В сборнике статей российских кореееведов основное внимание уделено позитивным переменам на Корейском полуострове, произошедшим в течение 2018 г. Анализируются итоги состоявшихся саммитов лидера КНДР с руководителями КНР, США и Южной Кореи. Рассматривается влияние этих встреч на перспективы урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова. Исследуются проблемы создания нового механизма поддержания мира на полуострове с учетом обеспечения интересов безопасности России. Рассматриваются вопросы отношений двух корейских государств с их соседями в регионе СВА. Большое внимание уделено состоянию и перспективам торгово-экономических связей Республики Корея с Россией, анализу некоторых аспектов опыта экономического развития РК в плане использования его в РФ. Отдельные главы посвящены вопросам корейского исторического и культурного наследия и его связи с современностью, в частности 100-летию Первомартовского движения 1919 г. за независимость Кореи. В основу книги легли материалы 23-й конференции кореееведов России и стран СНГ, проведенной 28—29 марта 2019 г. при содействии Академии корейских исследований Республики Корея.

УДК 32/33(519)
ББК 65/66(5Коо+5Кор)

ISBN 978-5-8381-0357-4
ISBN 978-5-8381-0359-8

© Коллектив авторов, 2019
© ИДВ РАН, 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center for Korean Studies

THE KOREAN PENINSULA IN SEARCH FOR PEACE AND PROSPERITY

Vol. 2

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies
2019

Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of sciences

The Korean peninsula in search for peace and prosperity. Moscow, RAS IFES Press, 2019.

The collection of articles by Russian scholars focuses on the positive changes on the Korean Peninsula that occurred during 2018. The results of the North Korean leader's summits with the leaders of China, the USA and South Korea held in 2018 are analyzed. The impact of these meetings on the prospects of resolving the nuclear issue of the Korean Peninsula is considered. The problems of creating a new mechanism for maintaining peace on the peninsula, taking into account the security interests of Russia, are studied. The issues of relations between the two Korean states and their neighbors in the NEA region are considered. Much attention is given to the state and prospects of trade and economic relations between the Republic of Korea and Russia, the analysis of some aspects of the experience of economic development of the ROK in terms of its use in Russia. Separate chapters are devoted to the issues of Korean historical and cultural heritage and its connection with the modern days, in particular, to the 100th anniversary of the March 1st movement of 1919 for the independence of Korea. The book was prepared on the basis of papers presented at the 23rd Conference of Russia and CIS Koreanists, held on March 28—29, 2019 in Moscow with support of the Academy of Korean Studies, the Republic of Korea (Grant AKS-2018-C-15).

© The Authors Board, 2019
© IFES RAS, 2019

Содержание

Раздел III
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Глава 1. К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОМАРТОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Ким Ен Ун
Общенациональный характер Первомартовского движения и его влияние на историю Кореи 9

Вишнякова В.В.
Декларации независимости от 8 февраля и 1 марта 1919 г. через призму ценностей и оценок 22

Овчинникова Л.В.
Первомартовское движение 1919 года и реформы «культурного управления» 36

Пак А.В.
Христианский фактор в Первомартовском движении 1919 года 47

Глава 2. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

Дьякова О.В.
Неизвестные факты истории Корё и Дун Ся 57

Болтач Ю.В.
Формирование текста «Самгук юса» и проблемы его перевода на русский язык 65

Мусинова И.А., Логиновский Е.Л.
Переворот 1884 г. в политическом и научном дискурсе КНДР (1992—2012) 75

Курбанов С.О.
Первый преподаватель-кореевед Петербургского университета Ким Пён-ок (1874—?): неизвестные интервью 85
Ермолаева Е.М.
Идеология и СМИ в Южной Корее в период Первой республики ... 97
Волощак В.И.
Вопросы развития альянса Республики Корея и США при Д. Эйзенхауэре (1953—1961) 107
Хренов В.В., Булатова Е.А.
Формирование и развитие профсоюзного движения в Южной Корее 118

Глава 3. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Солдатова М.В.
Южнокорейская литература эпохи постмодерна: творчество Пак Мингю и Ким Ёнха 131
Гурьева А.А.
«Книжная полка президента»: чтение как стратегия успешности в Республике Корея 144
Ли Сан Юн
Традиционные мотивы в современной литературе РК (на примере романа Чхон Мёнгвана «Кит») 157
Цой И.В.
«Люди-деревья» в современной прозе Кореи (на примере романа Хан Ган «Вегетарианка») 168
Хохлова Е.А.
Декорации для политического спектакля: искусство на межкорейском саммите в Пханмучжоме 183
Лазарева О.В.
Развитие визуальной образности в музыкальной индустрии Республики Корея 198

Summary 210

Список авторов 222

Content

Part III
HISTORY AND CULTURE

Chapter 1. Centinellian Anniversary of March 1 Movement in Korea

Kim En Un
Nationwide Scale of the March First Movement
and Its Influence on the Korean History 9

Vishnyakova V.V.
Declarations of Independence of February 8 and March 1
Through the Prism of Values and Assessments 22

Ovchinnikova L.V.
March First Uprising of 1919 and Reforms of "Cultural Rule" 36

Pak A.V.
Christian Factor in the March First Movement of 1919 47

Chapter 2. History

Dyakova O.V.
Unknown Facts of the History of Koryo and Dun Xia 57

Boltach Y.V.
Formation of the Text of Samguk Yusa and the Problems
of Its Translation into the Russian Language 65

Musinova I.A., Loginovsky E.L.
Revolution or Reform: The 1884 Coup Viewed in DPRK Political
and Scholarly Discourse, 1992—2012 75

Kurbanov S.O.
First Teacher of the Korean Language at St. Petersburg University Kim Byeong-ok (1874—?): Unknown Interviews 85

Ermolaeva E.M.
South Korea: Media and Ideology during Rhee Syngman's Presidency 97

Voloshchak V.I.
The Problems of U.S.-ROK Alliance under D. Eisenhower Administration (1953—1961) 107

Khrenov V.V., Bulatova E.A.
Formation and Development of the Trade Union Movement in South Korea 118

Chapter 3. Literature and Art

Soldatova M.V.
Postmodern Literature of South Korea: Works of Park Min-gyu and Kim Young-ha 131

Gurieva A.A.
"President's Bookshelf": Reading as a Strategy of Success in the Republic of Korea 144

Lee San Youn
Traditional Motives in Contemporary South Korean Literature (referencing Cheon Myun-Gwan's novel "Whale") 157

Choi I.V.
"Plants-people" in the Contemporary Prose of Korea (at the example of "Vegetarian" novel by Han Gang) 168

Khokhlova E.A.
Stage Set for "a Political Spectacle": Art at Inter-Korean Summit in Panmunjom 183

Lazareva O.V.
The Development of Visual Imagery in the South Korea Music Industry . . . 198

Summary 210

List of Authors 222

Раздел III
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Глава 1
К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОМАРТОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Ким Ен Ун

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПЕРВОМАРТОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИСТОРИЮ КОРЕИ

Первомартовское движение 1919 г. не было первым или последним выступлением корейского народа против японского колониального ига. Оно родилось как протест против жесточайшей колониальной политики Японии в Корее. И оно также опиралось на традиции борьбы предшественников. Каждый слой населения, каждый класс по-своему, с недостатками, часто неэффективно, в меру своих возможностей, но каждый в интересах своего народа, своей страны вел борьбу против японского господства.

Первомартовское движение — одно из ярчайших событий в многотысячелетней истории корейского народа, которым он будет гордиться, и потому нужно сохранять верность его идеалам.

Ключевые слова: Первомартовское движение, Корея, Япония, японский колониализм, геноцид, предшественники, последователи.

Первомартовское движение, 100-летие которого недавно отметили праздничными мероприятиями в Республике Корея, было, пожалуй, первым и последним для всей корейской нации после Имчжинской войны 1592—1598 гг. выступлением против японских интервентов. В нем приняли участие все слои населения всех возрастов: и простолюдины, и дворяне, и священники, и мужчины, и женщины. Даже японо-китайская война 1894—1895 гг., которая по большей части велась на территории Кореи, и установление протектората в 1905 г., ликвидация государства при помощи жульнического «договора об объединении» 1910 г. не встретили на тот момент такого сопротивления всего народа. Даже такие выдающиеся события в жизни корейского народа, как Апрельская революция 1960 г., июньские события 1987 г., вынудившие военно-диктаторский режим отказаться в конечном счете от власти и согласиться на демократическую конституцию и демократизацию страны, не имели такой общенародной поддержки, а главное — участия народа. В этом смысле Первомартовское движение — это уникальное явление в жизни корейского народа.

Корея — одна из немногих стран на нашей планете, которая имеет почти пятитысячелетнюю историю государственности. За последние две с лишним тысячи лет возникало и исчезло много самых разных, в том числе и могущественных, государственных образований и народов. А на Корейском полуострове, то дробясь, то объединяясь, все эти годы существовала государственность. Были времена, когда страна находилась в вассальной зависимости от китайских династий, от монголов и даже кратковременно существовавшего в первой половине XIII в. мало кому сейчас известного чжурчженьского государства под названием Восточное Ся, но корейцы никогда не теряли своего государства. И здесь дело не только в самом народном сопротивлении иностранным захватчикам, но и мудрости руководителей государства, на протяжении многих тысяч лет неоднократно не столько военными, сколько дипломатическими методами добивавшихся сохранения государства.

И вот в самом начале XX в. исчезает само понятие Корейского государства, поскольку оно превратилось в колонию в результате аннексии Японией. И этот период потери корейцами своей государ-

ственности впервые за всю её историю длился 35 лет, а с учетом периода 1905—1910 гг., когда она была протекторатом Японии, т. е. зависимой страной, лишенной права заниматься внешнеполитическими связями, а с 1907 г. лишенной и вооруженных сил, которые хоть и были слабыми, но могли бы теоретически защищать страну, — и все 40 лет.

Вполне понятно, что не мог народ, который имел столь длительную историю своей государственности и внес большой вклад в развитие не только восточно-азиатской, но и мировой цивилизации, смириться с иностранным колониальных владычеством. Причем владычеством, которое практически с самого начала аннексии ставило задачу ликвидировать корейцев как нацию, народ. Япония, выдвинув фальшивую теорию о якобы едином народе, объединяющем японцев и корейцев, предпринимала меры по лишению последних своей культуры, традиций и языка, форсированно внедряя японизацию просвещения, культуры, бытовых обрядов, аппарата управления и т. д. Японские власти запретили издание газет на корейском языке, преподавание корейского языка.

Колонизаторы прежде всего захватили минеральные, земельные и рыбные ресурсы Кореи. По минеральным ресурсам ситуация сложилась такая. В 1909 г. корейский капитал в горнорудной промышленности Кореи составлял 325 тыс. вон, а японский — 1,2 млн вон. К 1918 г. доля корейского капитала снизилась до 299 тыс. вон, а доля японского — выросла до 24,6 млн вон[1].

По изданному в 1912 г. Указу о земельных обследованиях колониальные власти перевели в собственность японского генерал-губернаторства земли почтовой службы, все категории государственных земель, находившиеся в коллективном пользовании деревень, а также все луга и леса, составлявшие 50 % всех лесных угодий страны, у которых не было владельцев или у их пользователей не было документов на право владения. Это привело к тому, что к 1918 г. число арендаторов и полуарендаторов составляло 75 % от общего числа крестьян. Причем до 1905 г. в Корее не существовало понятия «аренда» (*соджак*)[2].

По изданному в 1911 г. Указу о рыболовецком промысле все рыболовецкие предприятия Кореи стали собственностью Японии, при

этом корейским рыбакам было разрешено иметь только деревянные суда, а судостроительным предприятиям корейцев запрещалось, соответственно, строить металлические рыболовные суда. К тому же началась массовая миграция японских рыбаков с Корею и создание японских посёлков рыболовов. Это привело к тому, что в 1918 г у корейцев было 39 тыс. рыбацких судов с общей численностью экипажей 272 077 человек и их улов оценивался в 14 млн 670 тыс. вон, а у японцев — 14 118 судов, при числе занятых 74 349 человек, улов же оценивался в 18 млн 193 тыс. вон[3].

О бедственном положении корейцев, особенно крестьян, можно судить по одному факту. По данным газеты «Тона ильбо» от 21 октября 1924 г., в пров. Чолладо, имевшей одну из самых крупных и плодородных площадей пахотных земель, 23,6 % крестьян ели только один раз в день, 45,2 % — два раза в день. Что говорить о других районах страны, например пров. Пхенаннамдо, где у крестьян села Гансо годовой доход от сельского хозяйства составлял 514 вон, тогда как расходы на ведение хозяйства составляли 547 вон, т. е. они работали себе в убыток[4]. И это в ситуации, когда не было, как в России или Китае, гражданской войны или каких-то стихийных бедствий. И причины такого ужасного положения были в колониальной политике Японии. В частности, мер, принятых японскими властями, чтобы лишить корейцев, подавляющее большинство которых занималось земледелием, источника существования — земли. Кроме того, японцы ввели обязательные всё увеличивавшиеся поставки риса из Кореи в Японию, из-за чего стала меняться зерновая база питания корейцев. Все вышеперечисленные причины привели к тому, что антияпонское освободительное движение стало всенародным.

Каждый слой населения, каждый класс по-своему, часто не так, как казалось другим силам, каждый с большими недостатками, каждый несовершенно, часто неэффективно, каждый в меру своих позитивных и ограниченных возможностей, но каждый в интересах своего народа, своей гордой страны вел борьбу против японского господства.

Первомартовское движение — это социально-политическое и духовное движение, имевшее не узко местное, корейское значение, а вписывавшееся в панораму мировых событий и оказавшее влияние

на всё мировое развитие. После Первомартовских событий произошли крупнейшие выступления за национальное освобождение в Китае, Индии, Египте, Йемене. Нельзя сказать, что именно корейские события оказали решающее влияние на выступления в этих колониях и полуколониях, но их совпадение примерно в одинаковом временном диапазоне говорит о том, что они представляли собой звено в событиях мировой истории того периода и что каждая страна, каждый народ, несмотря на самобытность, развивается в среде всего человечества, а не изолированно от других народов.

В те годы выступления за национальное и социальное освобождение в большинстве случаев происходили в виде революций, сопровождавшихся гражданской войной. Первомартовское движение в этом ряду выделялось тем, что с самого начала оно было ориентировано на мирные методы борьбы. Основными формами борьбы были мирные митинги и мирные же демонстрации. Вместе с тем во время первомартовских событий погибло по данным советских ученых, около 8 тыс. человек, ранено почти 16 тыс., арестовано 52 770 человек[5]. 1 марта 2019 г. президент Мун Чжэ Ин в своей речи на мероприятии в память о 100-летии Первомартовского движения назвал несколько иные цифры, которые не очень сильно отличаются, но, по его данным, было убито более 7500 человек, ранено более 16 тыс., задержано и арестовано не менее 46 тыс. человек[6].

Первыми были убиты демонстранты в Пхеньяне. В общей сложности во время демонстраций полицейскими там было убито 650 человек, в уезде Говоне (пров. Хамгеннамдо) — 439, в Сакчжу (пров. Пхенанбукдо) — 300, г. Менсан (пров. Пхенаннамдо) — 236), Бекдон (пров. Пхенанбукдо) 236, т. е. всего 1861 человек[7]. Это только те города и уезды в Северной Корее, где число убитых превышало 100 человек и случаи убийств были документально известны. Тогда, как и сейчас, численность населения северной части страны была в 2 раза меньше, чем в южной части.

Практически не было случаев, когда демонстранты или митингующие первыми применяли силу, это всегда было инициативой и действиями японских властей и их карательных органов. Необходимо отметить также, что за время антияпонских выступлений 1919—1920 гг., в которых приняло участие 2,2 млн человек (на тот

момент 10 % населения страны), в Корее не был убит ни один мирный японец.

В этой борьбе были знаковые события и даты, имена, например юная патриотка 16-летняя школьница Юн Гван Сун, которая была арестована за раздачу национальных флажков для участников демонстрации за независимость, заключена в одну из самых мрачных и суровых по условиям пребывания тюрем Кореи — «Содемун» в Сеуле[8] и через год была казнена, не отказавшись от своих убеждений. Были периоды резкого роста возмущения тиранией японских оккупантов, их беззастенчивым грабежом природных, экономических, культурных и людских богатств Кореи. Были и периоды относительного спада движения. Это нормальная динамика всякого общественного, в особенности национально-освободительного, движения.

Важно понимать, что ни одно движение, явление общественной жизни не возникает без связи с другими, без определенных мероприятий и идей, предшествовавших им и ставших питательной средой для них, если даже не сразу можно видеть прямую связь между ними. Но все эти, может быть, несовершенные, неудачные выступления, в сумме дают то, что называется всенародной борьбой за национальную свободу.

Первомартовское движение не было первым или последним выступлением народа Кореи против японского колониального ига. Оно родилось как протест против жесточайшей колониальной политики Японии в Корее. И оно также опиралось на традиции борьбы предшественников, среди которых и те, кто боролся в отрядах Ыйбен (Армия справедливости) уже с 1905 по 1911 г. и пытался донести боль своего народа до делегатов Гаагской мирной конференции 1907 г., и те, кто выносил приговоры нанесшим наибольший урон корейскому народу и приводил в исполнение эти приговоры, как, например, патриот и мученик, католик по вероисповеданию Ан Чжун Гын и его мама Чо Сонне[9] (Мария по католическому имени), которая отказалась обжаловать смертный приговор, вынесенный её сыну японским военным трибуналом в Порт-Артуре, обосновав это следующими словами: «Если я буду обжаловать решение суда, это означало бы попрошайничество пред японским империалистами. Вместо того, чтобы трусливо выпрашивать сохранить жизнь, лучше

умереть, выполняя свой долг, в этом — проявление почтительности к родителям»[10]. Она сама сшила саван на гроб своего сына и передала через племянника, который поехал навестить Ан Чжун Гына перед казнью. Напомним, что все ее сыновья приняли участие в антияпонской борьбе и сама она также принимала участие в ней в Приморье и поддерживала Временное правительство до конца своей жизни. Умерла Чо Сонне в 1927 г. в возрасте 66 лет.

С начала японской интервенции на российский Дальний Восток в 1918 г. корейские партизанские и войсковые части воевали против японских интервентов на стороне Красной Армии, понеся большие потери, но и вписав в историю славные страницы, отраженные в народных песнях, например в известной в России песне «По долинам и по взгорьям». Русские корейцы были тогда на стороне красных не только потому, что их привлекала идея справедливости и освобождения крестьян и рабочих, трудового люда, но и потому что Красная Армия воевала в японскими интервентами. Белые были союзниками японцев в этой войне, корейцы же, естественно, не могли поддерживать тех, кто был союзником Японии.

Первомартовское движение также опиралось на опыт борьбы подпольных организаций, на декларации и заявления о независимости Кореи, которые появились раньше, чем Декларация от 1 марта 1919 г., а некоторые из них имели программы антияпонской борьбы более радикальные, чем вышеуказанный документ. Здесь можно упомянуть не только Декларацию независимости Кореи года Муо, опубликованную в ноябре 1918 г., но и имена 26 корейцев, находившихся на территории России и ведших антияпонскую борьбу, которых посол Японии в России Мотоно в 1915 г. требовал от Министерства иностранных дел России выдать Японии. Среди них Ли Бом Юн (в августе 1910 г. вместе с Ким Хак Манном и Ю Ин Соком написал обращение ко всем корейцам России не признавать японскую аннексию и отказаться от японского подданства), Ли Дон Нен, Ли Дон Хви (все будущие члены Временного правительства Кореи, созданного в апреле 1919 г. в Шанхае), Ан Тхэк Гын и Ан Кон Гын (старший и младший братья Ан Чжун Гына). 23 марта 1917 г. в Пхеньяне была создана организация под названием «Чосон кукминхве» (Народное собрание Кореи), возникшая из ранее созданной ор-

ганизации под названием «Чосон докрип чоннендан» (Корейский молодежный союз) и которая взяла курс на вооруженную антияпонскую борьбу. Она приобрела 20 пистолетов и винтовок, проводила военное обучение. К концу 1917 г. она насчитывала около 100 человек. В феврале 1918 г. эта организация была разгромлена, 25 ее членов были арестованы, а остальные сумели уйти в другие места и принимали участие в Первомартовском движении. Инициатор создания и ее руководитель, выпускник школы Сунсил, тайно ездивший в 1912 и 1914 гг. на Гавайские острова и встречавшийся с лидерами местной корейской диаспоры, бизнесмен, просветитель, учредивший школу, религиозную общину Чондогё, Чан Ил Хван 10 апреля того же года был убит с результате истязаний японскими полицейскими. В руководстве этой организации состоял школьный учитель Ким Хен Чжик, отец Ким Ир Сена и прапрадед нынешнего лидера КНДР Ким Чен Ына. Он избежал смерти только потому, что не был её руководителем, а только четвертым в списке руководителей организации[11]. По полученному от Чан Ил Хвана поручению он после освобождения уехал в Китай, чтобы там продолжать борьбу против японских колонизаторов.

Особо необходимо отметить, что непосредственно 1 марта 1919 г. антияпонские выступления с провозглашением деклараций независимости имели место на юге только в одном Сеуле, а на севере — в шести населенных пунктах, и по времени они проходили чуть раньше или одновременно с выступлениями в Сеуле. И первые массовые убийства корейцев, участников *«мансе ундон»* произошли на севере Кореи. Всем известно в Южной Корее массовое убийство в местечке Чжеамри (제암리) 15 апреля 1919 г., когда японцы объявили его жителям о необходимости прийти для важного сообщения в церковь. Ничего не подозревавшие селяне, некоторые с детьми, пришли к церкви, их пригласили зайти внутрь якобы для зачтения обещанного сообщения, а когда все вошли, заперли дверь церкви снаружи и подожгли ее. Пытавшихся спастись от огня людей, которые выпрыгивали через окна, японские полицейские хладнокровнее расстреляли. Так было убито 29 человек.

Месяцем раньше, 10 марта в поселке Мэнсан (맹산) пров. Пхеньянамдо 200 верующих сторонников Чондогё также пришли к зда-

нию местного жандармского управления по вызову. Когда они собрались на улице около жандармского управления, к ним подошли полицейские и жандармы и арестовали четверых активистов церкви, принимавших участие в митинге 6 марта, среди них был учитель. Возмущенные люди вошли во двор жандармского управления, чтобы потребовать освобождения арестованных. Японцы стали расстреливать их из винтовок и пулеметов, убив 54 человека. Так первая кровь была пролита на севере. Конечно, в течение года число антияпонских выступлений так называемых *мансе ундон* на юге было больше, чем на севере, хотя бы потому, что на юге жило в два раза больше людей, чем на севере, как и сейчас.

Первомартовское движение как движение *«мансе ундон»* потерпело поражение из-за слабой организации и особой жестокости японских колониальных властей при подавлении этого движения. Но оно разбудило не только те политические и социальные силы, которые имелись на тот момент, но и оказало влияние на новые силы и движения, возникшие позже. *«Мансе ундон»* было ориентировано на мирные формы борьбы и в основном проводилось в форме митингов и демонстраций, хотя и были отдельные стычки с полицейскими. А возникшие позже движения, как, например, пролетарские, использовали такие мирные формы, как забастовки, стачки, т. е. привнесли в движение классовые мотивы и требования, а также стали использовать подпольную организационно-идеологическую работу среди народных масс и вооруженную борьбу против японских империалистов. Появление коммунистического и социалистического движения также способствовало активизации антиимпериалистического, антиколониального движения. Эти движения по формам и лозунгам стали применять гораздо более широкие и совершенные, эффективные формы борьбы, которых не было в Первомартовском движении. Но они выросли на идеях национальной независимости и социальной справедливости, выдвинутых участниками Первомартовского движения.

В декларациях независимости Кореи 1918—1920 гг. видно не только косвенное отражение идей свободы, социальной справедливости и национального самоопределения, с которыми выступала молодая Советская Россия, но и прямое указание на влияние Ок-

тябрьской революции в России на освободительное движение на Востоке. Конечно, слова о влиянии Октябрьской революции на освободительное движение в Корее ни в коей мере не умаляют внутренних, глубоко национальных социально-экономических, нравственно-духовных причин возникновения Первомартовского движения. Вместе с тем нельзя рассматривать его изолированно от всего богатства мировых событий, определявших развитие международной жизни в конце 10-х — начале 20-х годов XX в.

Картина антияпонской освободительной борьбы корейского народа не должна быть сведена только к отдельным видам борьбы или отдельным личностям. Это была действительно всенародная борьба. И народ применял все ему известные и доступные формы освободительной борьбы.

Конечно, оценка самих этих событий в двух частях Кореи будет иметь несколько иные акценты, например, в КНДР они характеризуются как *Первомартовское восстание*, т. е. ограниченное по времени выступление народных масс, потерпевшее поражение. В РК они называются *Первомартовским движением*, т. е. явлением общественного характера, оказавшим существенное влияние на всю национально-освободительную борьбу корейского народа против японского колониального владычества. В Южной Корее считается, что прямым следствием этого движения является образование Временного правительства Республики Корея, которое, как оценивают историки и власти страны, возглавляло борьбу за независимость корейского народа и стало предшественником провозглашенной 15 августа 1948 г. Республики Корея.

В РК при этом опираются в основном на доступные документы того периода, и создается впечатление, что начали движение и главные события происходили на юге полуострова. Во многом это связано с тем, что южнокорейские историки не имеют доступа к документам того периода, хранящимся в архивах КНДР, как и северокорейские историки не могут получить доступа к источникам, хранящимся в архивах РК.

В северной части страны инициаторами митингов и выступлении были священники Чондогё, христианских и буддистских общин, в частности католики и методисты, тогда как на юге — представите-

ли студенчества и учащейся молодежи, а также представители пресвитерианской церкви. Известно также, что Декларация от 1 марта не была первой после аннексии Кореи, до нее провозглашались более радикальные по содержанию декларации или воззвания к независимости. По-видимому, настало время и на юге и на севере провести тщательную работу по обнародованию всех относящихся к 1 марта 1919 г. и последовавших затем событий, включая жесточайшие расправы японских колониальных властей над участниками длившейся год антияпонской борьбы, их выступлений. И, наконец, договориться, воздать должное всем участникам антияпонской борьбы, независимо от их идейных, религиозных и политических взглядов и действий. Разумеется, речь идет о тех, кто реально боролся с японскими колонизаторами, в том числе и в зарубежных странах, как с помощью мирных, так и вооруженных форм борьбы.

Хотя Первомартовское движение как общественное явление потерпело поражение, но выдвинутые идеи, мужественная и жертвенная борьба всех слоев общества оказали огромное влияние на антиколониальную борьбу народа, хотя она велась уже и другими средствами, и другими социальными слоями, и другими методами. Кроме того, Япония была вынуждена, при всей жестокости карательных мер против антияпонских выступлений народных масс, все же пойти на ряд уступок и несколько изменить формы и средства управления, не затрагивая, конечно, цели и сути колониального управления. Первомартовское движение было одним из ярчайших событий в многотысячелетней истории корейского народа, которым он и впредь будет гордиться, и потому нужно сохранять верность его идеалам.

Примечания

[1] История Кореи (новое прочтение) / под ред. А. В. Торкунова. М.: МГИМО (У); (РОССПЭН), 2003. С. 282.

[2] *Хан Ёнъу*. История Кореи: новый взгляд / Хан Ёнъу; пер. с корейского под ред. М.Н. Пака. М.: Вост. лит., 2010. С. 453.

[3] *Ли Ги Бек*. История Кореи: новая трактовка. М.: Русское слово — РС, 2000. С. 336.

[4] A Korean History for international Readers. What Do Koreans Talk About Their Own History and Culture? Written by The Association of Korean history Teachers — Seoul, Humanist Publishing Group Inc., 2010. P. 254.

[5] История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т. II. М.: Наука, 1974. С. 48.

[6] *Мун Чжэ Ин*. Речь на праздновании 100-летия Первомартовского движения. 1 марта 2019. URL: http://www1.president.go.kr/articles/5607 (дата обращения: 03.03.2019).

[7] *Хон Гук Ки*. Букнек тан мансеундон «сончжи» Пхеньян, Мэнсан : [Движение «Мансе» на Севере, Пхеньян, Мэнсан]. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20190108159600504? section=politics/all&site=major_news01_related (дата обращения: 15.01.2019).

[8] В 1990-е годы она превращена в музей, автор этих строк был там и обнаружил, например, что в этой тюрьме не было отопления. Как бы в Корее ни было тепло, все же зимой температура падает до минус 10—15 °С. Кстати, в этой тюрьме уже после освобождения сидели многие из борцов за демократию в стране в годы диктаторских режимов.

[9] Она была католичкой по вере, приняла имя Мария и с этим именем вошла в историю борьбы за национальное освобождение.

[10] Ан Джунгын — национальный герой Кореи. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 163.

[11] *Цой Сон Ен*. Сикминчжи чоги чведэ бимилгелса чосон кукминхве. Созданная в начальный период колониализма тайная организация «Корейский национальный совет». URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20190104038500504?section=news (дата обращения: 20.01.2019).

References

1. History of Korea (New reading) / Ed. A.V. Torkunov. M.: Moscow state Institute of international relations (University); “Russian political encyclopedia” (ROSSPEN), 2003. P. 282.

2. *Han Yong U.* A history of Korea: a new look / Han Yong U; translated from the Korean under the editorship of M. N. Park. M.: Eastern Literature, 2010. P. 453.

3. *Lee Ki Baek*. Korean history: a new interpretation. M.: JSC “TID”; “Russkoye slovo-RS”, 2000. P. 336.

4. A Korean History for international Readers. What Do Koreans Talk About Their Own History and Culture? Written by The Association of Korean history Teachers — Seoul, Humanist Publishing Group Inc., 2010. P. 254.

5. History of Korea (from ancient times to the present day). T. II. M.: Publishing House “Science”, East. lit-ry Edition., 1974. P. 48.

6. Moon Jae-In. Speech at the celebration of the 100th anniversary of the First March Movement. March 1, 2019. URL: http://www1.president.go.kr/articles/5607 (accessed: 03.03.2019).

7. *Hong Gook Ki.* Mance movement in the North, Pyongyang, Maengson. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20190108159600504?section=politics/all&site=major_news01_related (accessed: 15.01.2019).

8. An Joong Geun — national hero of Korea. M.: Institute of Orientalistic Studies of RAS, 2012. P. 163.

9. Choi Son Young. The secret organization “Korean national Council”, created in the initial period of colonialism. URL: https://www.yna.co.kr/view/AKR20190104038500504?section=news (accessed: 20.01.2019).

В.В. Вишнякова

ДЕКЛАРАЦИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ОТ 8 ФЕВРАЛЯ И 1 МАРТА 1919 г. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЦЕННОСТЕЙ И ОЦЕНОК

В работе анализируются аксиологические компоненты апелляций к общечеловеческим ценностям в декларациях независимости Первомартовского движения 1919 г. Адресант Декларации от 8 февраля — молодежь, выступает с позиции лидера, обвиняя японские власти и западные страны в сложившейся ситуации. Авторы Декларации от 1 марта — интеллигенция — вступают в диалог равных — с японскими властями и лидерами западных стран. Авторы обеих деклараций апеллируют к общечеловеческим ценностям: справедливость, независимость, свобода. Особое внимание в работе уделено характеру иллокутивной силы оценочных высказываний, призывающих к борьбе за отнятые японскими властями ценности.

Ключевые слова: условия искренности, иллокутивная сила, ценности, оценки, декларация независимости.

Цель настоящей статьи предполагает два этапа исследования: 1) обоснование тезиса о том, что субъективная природа ценностей не позволяет полагать их как равные в ценностной картине мира человека; 2) анализ в контексте принятого утверждения деклараций независимости, опубликованных в Корее в 1919 г.

Категория ценностей остается в философии ключевой. В последнее время активно развивается положение о ее субъективности и даже взаимосвязи с внутренним миром отдельно взятого человека.

Радикальный вывод на этом направлении делает В.К. Шохин, утверждающий, что ценности «в собственном смысле принципиально "субъективны" и необъективируемы и даже не вербализируемы»[1]. Менее категоричен А.А. Ивин, определяющий ценность как «предмет некоторого интереса, желания, стремления и т. п. ... объект *значимый для человека или группы лиц*»[2] (выделено нами. — *В.В.*). Схожее определение дает толковый Кембриджский словарь: «Важность и значимость чего-либо для кого-либо»[3]. Анализ эволюции этого признака в рамках общего положения о субъективности категории ценностей позволяет прийти к результатам, свидетельствующим — в общих чертах — о его градуированном характере.

О субъективном характере ценностей

Категория ценностей, исследуемая в философии на протяжении двадцати трех столетий, стимулировала в XIX в. возникновение аксиологии. Последняя, в свою очередь, эволюционировала от формальной к материальной парадигме[4]. Очевидно, что такое развитие во многом повторяет эволюцию логики, которая в середины XX в. развивается в неформальной парадигме.

Для аксиологии такой переход имеет революционное значение. Категория ценностей рассматривалась со времён Аристотеля через призму понятия «истина»; нередко утверждалось об их синонимичности. В целом у античных философов категория «ценность» не связана с субъектом и его внутренним миром и, скорее, рассматривается как сущность вещи per se[5]. Переломный момент наступает с выходом в свет работ Г. Лотце. Именно он вывел ценности в ранг категории, которую полагал как субъектно-объектную. По Лотце, «без субъекта объект как таковой ценностью не обладает, но ценность в нем все же "заготовлена" для субъекта, который может ее только реализовать, но не создать»[6]. Очевидно, что аристотелевский барьер объективности здесь преодолён лишь наполовину.

Ценности окончательно признаются субъективной категорией в конце XIX в. в работах европейских философов, среди которых выделяется Э. Гуссерль. Именно он предложил наряду с формальной аксиологией (схожей с формальной логикой) разработать матери-

альную этику ценностей[7] — фактически *неформальную аксиологию*. В центре последней — субъект, которому и принадлежит мир ценностей.

Закономерным витком эволюции, обусловленным интересом к восприятию действительности через призму собственных переживаний и ценностей, а в конечном счёте — к личной картине мира, стало смещение в сторону психологических категорий оценочности и эмоциональности. К середине прошлого века количественные приращения знаний привели к качественному перелому — появлению неформальной логики и теории аргументации.

Основоположником неформальной логики традиционно считают С. Тулмина, включившего в традиционное поле исследования категорию модальности[8]. Практически одновременно появляется работа Х. Перельмана, доказывающего статус категории ценностей как базовой в теории аргументации. Доводы Х. Перельмана в пользу присутствия в том или ином виде ценностей во всех аргументах весьма убедительны[9].

С одной стороны, субъективный характер ценностей, с другой — их устойчивое присутствие в аргументации ставят вопрос о способах их выражения в языке. Начать следует с того, что значимость чего-либо для кого-либо как ключевой признак ценностей побуждает субъекта к соответствующему изменению мира. Отсюда рождаются оценки, которые являются прагматическими номинациями сообразных с желаемым объектом действий. «Цель оценки — сделать так, чтобы мир отвечал словам»[10], т. е. соответствовал тем ценностям, к которым стремится субъект.

Прагматическая номинация действий осуществляется с помощью оценочных высказываний, которые выступают как «стандарт, норма, план, перспектива»[11]. Безусловное большинство таких высказываний, согласно теории речевых актов, предложенной Дж. Остином[12], доработанной Дж. Серлем[13] и Д. Вандервекеном[14], принадлежит ассертивам, или речевым актам, заявляющим о соответствии мира слову. В свою очередь, речевой акт обладает иллокутивной силой, которая является условием реализации иллокутивной цели, или намерения, плана адресанта изменить точку зрения адресата. Важным фактором иллокутивной силы являются условия ис-

кренности, под которыми понимается заинтересованность адресанта в достижении иллокутивной цели и способствующие этому ресурсы: властный статус, влияние на аудиторию, психологическое состояние и т. п.

Оценочные высказывания, направленные на изменение мира с целью его соответствия представлениям/ценностям говорящего, могут обладать разной иллокутивной силой. Апелляция к ценностям — весьма влиятельная составляющая иллокутивной силы, но степень влияния напрямую связана с характером ценности. Так, ценности, непосредственно восходящие к архетипам, имеют, как правило, природу неинтенциональных состояний (ср.: «свобода», «равенство», «справедливость»). В определённом смысле производны от них такие ценности, как, например, «ответственность», «самостоятельность», «неравнодушие», которые отражают интенциональные состояния. Целесообразно полагать первые базовыми, вторые — производными.

Таким образом, правомерно сделать вывод о том, что система ценностей организована иерархически и выстраивается от общечеловеческих, восходящих к архетипам, через множество культурных, субкультурных и групповых, к личным ценностям, далеко не всегда находящимся в поле рационального мышления человека. (Радикальный пример — перерождение базовой ценности «свобода» в личную, — или узкогрупповую, — подходящее имя которой — «вседозволенность».)

Для наших последующих рассуждений важен вывод о том, что апелляция адресанта к базовым ценностям оптимизирует потенциал иллокутивной силы высказывания и, следовательно, обеспечивает максимальный эффект речевого воздействия на адресата.

Оценочные стратегии в декларациях независимости Кореи

Как показано выше, система ценностей имеет иерархическую организацию. В условиях дискурса эта особенность сохраняется. Характерно, что при этом базовые ценности вербализуются в сильных позициях, оптимизируя иллокутивную силу соответствующих высказываний. Проиллюстрируем наше утверждение конкретными

примерами — знаковыми политическими документами, изданными в Корее 100 лет назад.

Первомартовское движение 1919 г. в корейской истории интересно для исследования тем, что представляет собой первый массовый протест корейского народа против внешних завоевателей. Если до этого корейскому народу всегда удавалось обороняться от захватчиков на рубежах своей страны, то японская оккупация 1910—1945 г.г. впервые в истории стала полным порабощением страны. Первомартовское движение 1919 г., которое переросло в массовые демонстрации, акции протеста, восстания и забастовки по всей стране, стало символом единения корейского народа в борьбе за независимость, сохранение национальной идентичности, свободу против японских властей.

Тексты деклараций независимости, которые создавались накануне движения и непосредственно во время массовых протестов, выбраны в качестве материала для исследования не случайно. Основные коммуникативные опоры контекста ситуации представлены четырьмя агентами: авторами текстов, угнетенным корейским народом, японскими властями и руководителями ведущих европейских стран. Риторическая стратегия документов близка к прототипической для жанра манифеста и напоминает Декларацию независимости США или Манифест коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса.

В роли адресата манифестов выступают три из четырёх вышеуказанных агентов. Безусловно, ключевой адресат — корейский народ, но в список получателей включено японское правительство и руководители развитых европейских стран. Такую «карту» адресатов объяснить нетрудно. Решающую роль в политической игре должен сыграть народ, изменив соотношение политических сил. При этом важно учесть, с одной стороны, возможную силу противодействия японских властей и, с другой стороны, силу поддержки корейского народа европейскими странами. Адресант играет классическую роль лидера в жанре манифеста: отождествляя себя с угнетённым народом, он одновременно к народу обращается, освобождая соответствующую линию коммуникации от нежелательной оппозиции «мы vs они».

В рассматриваемый период было выпущено более 20 деклараций независимости. В настоящей работе рассматриваются только две: Декларация независимости от 8 февраля (созданная корейскими студентами в Токио)[15] и Декларация независимости от 1 марта (разработанная корейской интеллигенцией)[16].

Причина выбора именно этих деклараций — радикально различающиеся условия искренности. Молодёжный манифест связывается базовой ценностью «справедливость». Авторы конструируют дискурс по правилам обвинительной речи. Разумеется, в роли обвинителя, наделенного правами называть Японию преступником, — авторы, отождествляющие себя с народом (см. выше). Условия искренности авторов Декларации от 1 марта иные. Документ подготовлен представителями интеллигенции, апеллирующими к базовой ценности «равенство». Поэтому реконструируется в целом аргументативный дискурс, спор протагониста (адресант) с антагонистом (японские власти), когда ведется диалог равноправных сторон. Протагонист предъявляет аргументы и надеется получить от антагониста контраргументы.

Такие разные установки, с позиции которых выступают авторы рассматриваемых деклараций, рождают и совершенно разные по жанру тексты. Декларация молодежи создана в духе манифеста коммунистической партии, декларация интеллигенции больше похожа на проповедь, обращенную протагонистом антагонисту. Тем не менее в обоих документах доминируют обращения, призывающие вернуть отнятые японскими властями общечеловеческие ценности: «справедливость», «независимость» и «свободу». Именно в таком порядке они манифестируются авторами деклараций.

Последнее обстоятельство весьма значимо: «справедливость» как базовая ценность идёт первой (адресанты называют её как первую цель, которую необходимо достичь). «Справедливость» восходит к архетипу равенства. Отсутствие равенства означает нарушение справедливости и ведёт к потере независимости одной из сторон. Независимость начинается с поиска справедливости, которая ведет к борьбе за независимость. Свобода же является последней как осознание состояния в условиях независимости. Такой представляется нам иерархия ценностей, скрепляющая тексты деклараций.

Текст декларации молодежи значим не только потому, что он был создан раньше, но и по причине заявления в нём не характерной для традиционных корейских политиков позиции силы.

Авторы декларации в духе коммунистического манифеста призывают своего ключевого адресата — корейский народ, объединиться и начать борьбу против японских захватчиков. Совокупная иллокутивная цель манифеста — восстановить справедливость и вернуть отнятую независимость — достигается посредствам использования оценочных стратегий. Крайне действенной стратегией можно считать апелляцию к «справедливости» — ценности, отражающей неинтенциональное (лежащее за гранью сознательного) состояние, сопряженное с архетипом «равенство», ср.: «Если посмотреть на политику Японии в отношении управления Кореей, то можно увидеть, что Япония, нарушая договоренности, пренебрегает счастьем и благополучием корейского народа, использует старые негуманные методы завоевателей, *запрещает народу управлять своей страной, отняла свободу на собрания, свободу печати, к тому же ограничила свободу вероисповедания, а полиция, судебные и административными органы регулируют частные права граждан*»[17] (выделено нами. — *В.В.*). Иллокутивная сила данного высказывания включает два основных фактора. *Во-первых*, условия искренности, с которыми выступает молодежь: позиция обвинителя — не характерна для традиционного корейского политического дискурса того времени. Такое новое, революционное позиционирование напрямую отсылает к архетипу «равенства»: каждый народ имеет право на суверенитет и независимость, в случае его нарушения, народ имеет право его отстаивать любыми способами. Иными словами, адресант, выступая с позиции силы, убеждает адресата в том, что сам адресант имеет достаточно ресурсов и аргументов, чтобы так смело выступать против врага. *Во-вторых*, повторы, такие как «*Япония отняла свободу*», относятся к устойчивым признакам манипуляции. Неоднократно повторяя адресату о том, что он лишен свободы, адресант усиливает своё воздействие, призывая адресата к действиям. Так, иллокутивная сила, включающая два влиятельных фактора, имеет наивысшую степень. Отмеченные условия искренности и повторы позволяют привести в действие достаточно эффективный механизм перехода от производных ценностей к непроизводным, от

интенционального состояния к неинтенциональному. Осознание того, что свобода отнята, ведет к борьбе за независимость, возращение которой будет означать восстановление справедливости — равенство всех.

Апелляция к архетипу равенства прослеживается и в следующем высказывании: «Япония полностью подчинила нашу нацию себе, она переписала нашу историю, тем самым начав процесс разрушения нашего исторического прошлого и традиций. Во всех организациях: образовательных, СМИ, военных — работают в подавляющем большинстве японцы, такая политика проводится для того, чтобы наш народ не имел возможности накапливать свой собственный опыт управления государством, наш народ *в условиях такого неравноправия* лишен возможности на развитие и существование»[18] (выделено нами. — *В.В.*). Пропозициональное содержание высказывания заключается в констатации факта нарушения равноправия, полном подчинении корейского народа японским властям. Иллокутивная сила содержит такой фактор, как предсказание: потеря свободы приведет к потере национальной идентичности и исчезновению корейского народа. Иллокутивная цель — изменить положение, восстановить равноправие, чтобы сохранить нацию. Для этого необходимо бороться за независимость, встать на защиту будущего своего народа, не дать завоевателям переписать историю и отнять у потомков историческую память. Приобретение независимости приведет к восстановлению справедливости, исторического баланса: корейский народ обладает тем же правами, что и любой другой, а ущемление этих прав является нарушением общечеловеческим норм, правил, стандартов. Борьба — главный инструмент в достижении цели.

Совсем с других условий искренности выступают авторы Декларации от 1 марта. Ученые и религиозные деятели ведут диалог равных: в тексте декларации нет явных обвинений или многочисленных фактов ущемления прав, но есть призывы начать переговоры, предоставить корейскому народу возможность самим определять свое будущее. Главный тезис Декларации от 1 марта: «Мы готовы забыть все зло, которое нам причинили японские власти, мы не будем преследовать и обвинять кого-либо, мы будем строить новую свободную страну»[19].

К оценочным стратегиям можно отнести метафоры, аналогии и противопоставления. Интеллигенция, применяя отличный от молодежного инструментарий, апеллирует к тем же базовым ценностям: «справедливость», «независимость». Авторы декларации видят опору для восстановления справедливости в новом, зарождающемся мире: «удачный момент мирового преобразования, которое восходит к проявлению человеческой совести», «жертвы политической агрессии, являющейся наследием прошлого», «сильное течение мировой культуры», «стали жертвами политики старого мира», «новый мир развивается в безопасности», «уходит старый (пещерный) мир силы, приходит мир морали», «в мир приходит новое время»[20]. Напомним, что этот период связан с перераспределением сил после Первой мировой войны, революций в России. Противопоставления «новый — старый» усиливают эффект, вселяя надежду в адресата на обновление, которое повлечет исправление сложившейся ситуации и восстановление равновесия на новом, более качественном уровне. А это также придает уверенность корейскому народу, что у него есть шанс начать все заново, построить независимую, сильную страну по образу и подобию западных. Все это побуждает адресата действовать, ведь время пришло, лучшего случая может и не быть.

Наиболее действенным инструментом является метафора. Она напрямую связана с воздействием на чувственное восприятие и воображение адресата. Интеллигенция, воспитанная в духе конфуцианских традиций, когда гармония с природой и окружающим миром является основополагающим принципом существования, использует в тексте метафоры природы как главный источник концептуализации общественной жизни. Ср.: «Всему свое время: было время, когда мы не выходили из дома, потому что на улице была ледяная стужа, а сейчас пришло время, когда на свежем весеннем ветру разогревается кровь и появляется бодрость. Сейчас встретились небо и земля, судьба и рок», «построим чистую нацию в мире, наполненном весной»[21]. Если в западной традиции метафоры природы обладают более слабым эмоциональным потенциалом, чем метафоры жизни и смерти, то в восточной наоборот. Именно природа является источником энергии и жизни. В связи с этим обращение к сравнению с весенним пробуждением определяет иллокутивную силу высказывания, которая обес-

печивается оценочными смыслами, свидетельствующими о призывах к действиям: «Наступил подходящий момент, проснуться и начать преобразовывать свою страну»[22]. Преобразование заключается, прежде всего, в приобретении независимости и восстановлении справедливости. И только «проснувшись» и осознав действительно положение дел — угнетение народа, можно что-то изменить.

Если молодежь демонстрирует свою силу нестандартными способами — позиционирует себя как обвинитель, то интеллигенция обращается к традиционным инструментам — аргументации к авторитету, в данном случае к божественным силам: «приказ неба», «святым становится радостное и счастливое возрождение», «далекий божественный дух выбрал нас»[23]. Иллокутивная сила подобных высказываний подкреплена оценочными смыслами, направленными на убеждение адресата в том, что высшие силы на стороне тех, кто выступает за справедливость, независимость — общечеловеческие, базовые ценности.

Если обращение за помощью к божественному духу — внешним силам — свойственно только интеллигенции, то призыв к западному сообществу включен в обе декларации. Как уже отмечалось выше, лидеры западных стран включены в адресаты деклараций. Молодежь, выступая обвинителем, призывает исправить допущенные западными лидерами ошибки: «Америка и Англия, которые занимают лидирующие позиции в формировании мира, должны нести ответственность за свои старые грехи, так как стали причиной аннексии и покровительства»[24]. В свою очередь, авторы Декларации от 1 марта и в обращении к западным странам сохраняют позицию диалога равноправных. Несмотря на то что западный мир напрямую не указывается в качестве адресата, текст декларации выстроен таким образом, что становится очевидным: в адресаты включены и представители западного сообщества. Ср.: «в прекрасный (удачный) момент всемирного обновления (улучшения)», «новая весна, которая пришла в мир», «говоря об этом [Корея — независимая страна] всем странам мира», «новый мир строится на безопасности»[25]. Безусловно, авторы Декларации от 1 марта, оглашая её, понимали, что вместо контраргументов и диалога они могут получить жесткую расправу властей и молчание западных стран. Однако мирный настрой Первомартовской декларации и обращение на

равных к адресатам лишил оппонентов права выдвинуть обвинения против авторов в призыве к борьбе, к перевороту. Интеллигенция призывала к восстановлению справедливости, но считала, что её можно достичь мирно — путем споров и переговоров одной стороны с другой. В отличие от неё молодежь, совершенно правильно оценивая время культуры, требующее радикальных, жестких мер, призывала к борьбе против несправедливости, виновниками которой были японские власти и лидеры западных стран.

Общим для обеих деклараций является наличие в них оценочных высказываний, апеллирующих к базовым ценностям «семьи»: «*народ с пятитысячной историей*»[26], что коррелирует с архетипом *рода, предков*. Во-первых, такое обращение к сильному в конфуцианской традиции архетипу напоминает адресату о его принадлежности к роду, во-вторых, побуждает его к действиям защищать интересы этого рода. Ср.: «за всю историю Кореи наш народ ни разу не был порабощен, Корея всегда была нашей Кореей», «они [японские власти] презирают и разрушают наши исторические священные традиции и благородство», «наш народ несет достойную культуру и пятитысячный опыт государственности»[27] или «чтобы восстановить верное и доброе государство и национальную совесть», «защищая право на свободу, которое дано нам историей»[28].

Совокупная иллокутивная сила таких высказываний включает факторы убеждения: *наш великий народ, наделенный правом на свободу и независимость, первый раз в истории порабощен, мы допустили это, и мы должны сами исправить, чтобы не было стыдно перед нашими потомками*. Здесь также наблюдается апелляция к личной ценности «свобода», лишение которой рождает желание защищать и отнятые японскими властями общечеловеческие ценности — независимость и справедливость.

Анализ деклараций Первомартовского движения 1919 г. обнаруживает характерные особенности организации аксиологического компонента. Оценочные высказывания, представленные в декларациях, обращены, в первую очередь, к побуждению адресата восстановить нарушенную японскими властями справедливость. Борьба за независимость, к которой призывают адресата, является реакцией на отказ японского правительства восстановить справедливость и

вернуть отнятые силой права на свободу. Как следствие свобода, за которую должен бороться корейский народ, является результатом осознания состояния независимости от японских поработителей. Из триады адресатов — корейский народ, японское правительство и западные страны — первый выдвигается на роль приоритетного как наделенного правами на борьбу за свою независимость. Ведущим фактором иллокутивной силы высказываний являются условия искренности, апелляция к общечеловеческим ценностям (справедливость, независимость и свобода). В свою очередь, оценочные высказывания, используемые для активизации интенсиональных смыслов, близких к архетипам, носят субъективный характер и определяются лингвистическими условиями, обусловленными корейским менталитетом и временем культуры.

Примечания

[1] *Шохин В.К.* Классическая философия ценностей: предыстория, проблемы, результаты // Альфа и Омега. Вып. 3 (17). 1998. С. 295—317.

[2] *Ивин А.А.* Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы // Философия и научное познание. Вып. 1 (14). 2010. С. 66—78.

[3] Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/value (дата обращения: 02.04.2019).

[4] *Шохин В.* Указ. соч. С. 296.

[5] *Ивин А.А.* Аксиология. Научное издание. М.: Высш. шк., 2006. С. 28—30.

[6] *Шохин В.* Указ. соч. С. 302.

[7] Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/1936712 (дата обращения: 02.04.2019).

[8] *Toulmin S.* The Uses of Arguments. Updated Addition. Cambridge University of Press, 2003. 259 p.

[9] *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: a Treatise on Argumentation. London, 1958. 543 p.

[10] *Ивин А.* Указ. соч. С. 8.

[11] Там же. С. 9.

[12] Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник; пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ.ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. 424 с.

[13] *Searle J.R.* Meaning, Communication, and Representation // Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 209—226.

[14] *Vanderveken D.* Meaning and Speech Acts: Volum 1, Princioles of Language Use. Cambridge University Press, 1990. 244 p.

[15] Тэхантоннипсононсо чоннам : [полное собрание деклараций независимости]. Покджимунхваса. Сеул. 1996. С. 47.

[16] Там же. С. 75.

[17] Там же. С. 48.

[18] Там же. С. 49—50.

[19] Там же. С. 71.

[20] Там же. С. 61—72.

[21] Там же. С. 72.

[22] Там же. С. 72.

[23] Там же. С. 67, 72.

[24] Там же. С. 41.

[25] Там же. С. 67.

References

1. *Shokhin K.* The classic philosophy of values: background, problems, results // Alfa and Omega. Vol. 3 (17). 1998. P. 295—317.

2. *Ivin A.* Modern axiology: some actual problems // Philosophy and scientific knowledge. Vol. 1 (14). 2010. P. 66—78.

3. Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/value (дата обращения: 02.04.2019).

4. *Shokhin K.* Op. cit. P. 296.

5. *Ivin A.* Axiology. Moscow, 2006. P. 28—30.

6. *Shokhin K.* Op. cit. P. 302.

7. Great Russian Encyclopedia. URL: https://bigenc.ru/philosophy/text/1936712 (accessed: 02.04.2019).

8. *Toulmin S.* The Uses of Arguments. Updated Addition. Cambridge University of Press, 2003. 259 p.

9. *Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L.* The New Rhetoric: a Treatise on Argumentation. London. 1958. 543 p.

10. *Ivin A.* Op. cit. P. 8.

11. Ibid. P. 9.

12. New in the Foreign Linguistic: Vol. 17. Speech Acts of Theory. Moscow. 1986. 424 p.

13. *Searle J.R.* Meaning, Communication, and Representation // Philosophical Grounds of Rationality: Intentions, Categories, and Ends. Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 209—226.

14. *Vanderveken D.* Meaning and Speech Acts: Volum 1, Princioles of Language Use. Cambridge University Press, 1990. 244 p.

15. Collection of the Korean Declaration of Independence. Seoul. 1996. P. 47.

16. Op. cit. P. 75.

17. Ibid. P. 48.

18. Ibid. P. 49—50.

19. Ibid. P. 71.

20. Ibid. P. 61—72.

21. Ibid. P. 72.

22. Ibid. P. 72.

23. Ibid. P. 67, 72.

24. Ibid. P. 41.

25. Ibid. P. 67.

Л.В. Овчинникова

ПЕРВОМАРТОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1919 ГОДА И РЕФОРМЫ «КУЛЬТУРНОГО УПРАВЛЕНИЯ»

Первомартовское движение 1919 г. было самым крупным в те времена на колониальном Востоке выступлением за национальное освобождение. Хотя оно было жестоко подавлено, за ним последовали реформы периода «культурного управления», которые пришли на смену «сабельному режиму». Реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, — одна из побед народного движения 1919 г. Старые методы управления в колонии в новых мировых и внутренних условиях требовали значительных изменений. Реформы охватывали различные области общественной жизни, урезанные, но вместе с тем ощутимые для народа. При всей ограниченности реформ, они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антияпонской борьбы.

Ключевые слова: колониальная Корея, Первомартовское движение, реформы «культурного управления».

Тема колониальной истории Японии и Кореи продолжает остается актуальной и в наши дни. В год столетия Первомартовского движения 1919 г. представляется необходимым вновь обратиться к ситуации на Корейском полуострове в конце 10-х — 20-х годах XX в., в частности к активизации освободительной борьбы.

В настоящей статье ставится задача рассмотреть и реализуемую в этот период политику «культурного управления», которая, как ут-

верждали чиновники японской колониальной администрации, пришла на смену «сабельному режиму». В работе использованы служебные материалы, выпущенные на японском языке в Сеуле японским генерал-губернаторством. Это — закрытые материалы полиции, суда, прокуратуры, предназначенные для узкого круга чиновников японской колониальной администрации.

Издания эти стали доступны советским корееведам, проживавшим в Сеуле в период освобождения Кореи Советской Армией. После капитуляции Японии секретные материалы уничтожались, сжигались. Но некоторые из них служащие генерал-губернаторства продали букинистам; так эти книги оказались в книжных лавках. Среди сотрудников Генерального консульства СССР оказалась Ф.И. Шабшина (Куликова), которая пробыла в Корее несколько лет — с небольшим перерывом — в 1940—1946 гг. со своим мужем, вице-консулом СССР в Сеуле. После возвращения она стала одним из ведущих специалистов в области истории Кореи. Впоследствии эти издания были переданы автору. Ф.И. Шабшина первой среди отечественных кореистов исследовала некоторые из этих материалов, приводила отдельные данные из них в своих книгах «Очерки новейшей истории Кореи», «В колониальной Корее». Исследуемые японские издания содержат важный материал для изучения ситуации на Корейском полуострове в конце 10-х и в 20-е годы XX в.

В этот период протест против национального гнета и социального бесправия достиг острого накала, что предопределяло взрыв народного недовольства. Это вылилось в самое крупное в те времена на колониальном Востоке освободительное Первомартовское движение 1919 г., привело к распространению среди корейцев идей национальной независимости и социальной справедливости.

Первомартовское движение было продолжением антияпонской борьбы, начавшейся после заключения Договора о протекторате и усилившейся после 1910 г. Непосредственной же причиной его возникновения стали события внутри страны и за рубежом. В 1917 г. произошли революционные события в России, с окончанием Первой мировой войны и поражения Германии распространилась вера в начало новой эпохи отступления милитаризма и империализма и торжества идей гуманизма, мира и самоопределения народов. С соз-

данием Лиги наций и провозглашения принципов самоопределения наций усилилась вера в преобразование мира. В самой Корее произошло событие, которое усилило антияпонские настроения — внезапная смерть императора Коджона, до конца отвергавшего японские требования отказаться от борьбы за независимость, который, по слухам, был отравлен японцами. К тому же участники национального движения за рубежом воспользовались открытием Парижской мирной конференции и развернули активную деятельность во имя независимости Кореи, послужившей стимулом для деятелей национального движения внутри страны.

В феврале 1919 г. корейские студенты в Токио провозгласили Декларацию независимости Кореи. Среди участников движения за независимость были и религиозные деятели; они уделяли большое внимание просветительской и культурной деятельности, также активно реагировали на развитие международной ситуации. В это время приверженцы Чхондогё христианские и буддийских деятели сплотились и, следуя трем принципам — массовости, единению и ненасилию, — разработали курс на подъем антияпонского движения. Выступление было намечено на полдень 1 марта; была подготовлена и распространена по стране Декларация независимости, подписанная 33 представителями нации. Представители нации в Сеуле сначала собирались провозгласить Декларацию независимости в Парке пагоды (Тхапколь конвон), но, опасаясь столкновения с полицией, собрались в ресторане «Тхехвагван». Они прочитали Декларацию, а затем сообщили о ней японским властям, после чего были арестованы. Тогда студенты, собравшиеся в Парке пагоды, провозгласив Декларацию, возглавили массовую демонстрацию.

Одновременно с демонстрациями в Сеуле движение за провозглашение независимости началось во всех крупнейших городах севера, а затем распространилось на все города и территории Южной Кореи. В этом движении участвовало более двух миллионов жителей всех 218 округов и уездов страны, которые провели более полутора тысяч демонстраций и митингов, показывая свое стремление к независимости. Руководили ими представители интеллигенции, молодежи, учащихся и религиозные деятели; одновременно в движение были вовлечены мелкие и средние предприниматели, крестьяне.

Первомартовское движение, начавшееся как мирное и ненасильственное, в ходе расширения масштабов демонстраций постепенно приобретало более агрессивные формы — забастовки солидарности, а затем его участники перешли к насильственным действиям, например разрушению наземных сооружений на рудниках, нападению на административные учреждения, жандармские пункты.

Эти выступления были жестоко подавлены. Колониальная администрация объявила их мятежом, мобилизовала войска, жандармерию и силы полиции; их участников стали расстреливать, подвергать пыткам, другим средствам подавления. В стране было убито 7500 человек, арестовано более 40 тыс., более 16 тыс. получило ранения. Как уже было сказано выше, за Первомартовским движением последовали реформы периода «культурного управления». Оно также оказало большое влияние на подъем национально-освободительной борьбы народов различных стран мира.

Как трактуют события рассматриваемого периода служебные издания генерал-губернаторства? Оценка ими происходящих событий в первую очередь касается внешних и внутренних факторов, как стимулировавших, так и ограничивающих эту борьбу. В частности, в объемном издании «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» говорится об этих внешних факторах. Отмечается большое влияние на Корею революционных событий в России, где в то время находилось большое число корейских отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов; участие корейцев в гражданской войне на Дальнем Востоке.

Один из главных, проходящих через все издания тезисов сводится к тому, что в Корее не было внутренних условий для активной освободительной борьбы, что она экспортировалась Москвой. В то же время материалы этих публикаций — с таблицами, схемами, приводимой персоналией борьбы за независимость, судебными делами о многочисленных процессах, арестах — дают основание не согласиться, что все это только насаждалось извне. В изданиях также говорится о воздействии на Корею не только Советской России, но и США, в частности «14 пунктов Вильсона» (имеются в виду «14 мирных пунктов», подготовленных и разработанных американским президентом Вудро Вильсоном об условиях мира после Первой миро-

вой войны и посланных конгрессу США в 1918 г.). Из всей совокупности материалов следует, что для значительной части корейского населения — среднего класса, особенно интеллигенции, — была характерна ориентация на США. И это не мешало ей оставаться на позициях активного патриотизма.

Такое соотношение внешних и внутренних факторов освободительной борьбы в Корее присуще и трактовкам народного движения 1919 г. Специальная секретная публикация издания штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корее» свидетельствует, что выступление это серьезно беспокоило японскую администрацию. Издание «Корейская полиция» также отмечает: «В начале Первой мировой войны в Корее было много недовольных. Но особенно это недовольство и движение народных умов возросло после второй русской революции 1917 г., а также интервенции в Сибири. Стало нарастать движение за независимость, разжигаемое корейцами, находящимися за границей»[1]. В закрытых японских изданиях оно неизменно связывалось с «рукой Москвы», утверждалось, что «...среди народа насаждаются идеи о том, что только решительной борьбой, насилием можно добиться независимости. Характерно, что движение за независимость инициируется интеллигенцией, идеи подхватываются массами»[2]. Выступления с освободительными лозунгами, в той или иной степени связанные с революционными событиями в России, стали именоваться «идеологическими преступлениями». Другое закрытое издание «Словарь тайной полиции» также пишет, что «идеи независимости в это время (конец 1910-х годов) получили распространение среди широких народных масс»[3]. В издании «Корейская полиция» содержатся материалы об активизации партизанской и других форм борьбы. «С февраля 1919 г., — говорится в нем, — партизаны действовали небольшими группами в районе гор и лесов. Очень часто местное население содействовало их борьбе, укрывало их и даже помогало разрушать полицейские посты и официальные учреждения... Были проведены аресты и очищение районов путем неоднократных облав»[4]. Издание указывает, что в 1920 г. был зарегистрирован 1651 случай нападения партизан, а участвовало в них 4613 человек. (Не исключено, что цифры завышены, тем не менее они показательны.)[5]

В «Вестнике идеологии» содержатся данные об арестах по так называемому делу «добровольческих войск», как и о деятельности других «подрывных элементов». Указывается, в частности, что эта группа была связана с Москвой; своей целью она провозгласила борьбу за независимость[6]. Сообщается и о других аналогичных организациях, действовавших в 1923—1924 гг.[7] Японские издания приводят и сведения о зарубежных коммунистических группах, неизменно и настойчиво проводя тезис, что в Корее подобная идеология искусственно насаждалась Москвой, причем при этом экспортировались не только идеи, инспирировались и конкретные действия на корейской земле под руководством Москвы.

Думается, что не следует безоговорочно принимать основной тезис японских изданий о диктате Москвы при полном отсутствии внутренних условий для Первомартовского движения в частности и освободительного движения в стране в целом. Все же автор считает необходимым напомнить о существенной помощи со стороны Советской России, не говоря уже о большой роли Коминтерна, Профинтерна, других международных революционных организаций. Их решения, указания, рекомендации, как известно, были далеко неоднозначны: наряду с дельными советами и практической помощью в Корее насаждались большевистские приемы, советский опыт, механически воспринимавшийся патриотами, что вело к огромным издержкам и жертвам.

Итак, служебные издания японской колониальной администрации говорят о тесном переплетении в освободительной борьбе корейцев этого периода двух внешнеполитических ориентаций, что убедительно засвидетельствовали события 1919 г. Они же подтвердили и наличие внутренних условий борьбы.

Реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, — одна из побед народного движения 1919 г. Именно после народных волнений 1919 г. японские власти встали перед необходимостью реформ, о чем свидетельствует хотя бы названное выше издание штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корее»[8].

Необходимо сказать, что принципы японской колониальной политики, которые позже легли в основу «культурного управления», формировались еще в конце XIX — начале XX в. Уже тогда некото-

рые политические деятели предлагали применять принципы «постепенной и умеренной» ассимиляции, подчеркивая важность «безопасности» и «общественного спокойствия» в колонии, поэтапного, постепенного подхода к реформам. Говорилось о важности не столько колонизации, сколько ассимиляции Кореи. Эти принципы продолжил развивать после Первомартовского движения в Корее 1919 г. генерал Хасэгава Ёсимити, который подчеркивал, что нужно идти не к «экономической эксплуатации» колонии, а к её экономическому развитию, что послужит пользе обеим сторонам. По его словам, в управлении колонией надо стремиться к гармонии и согласию, умиротворению; в процессе ассимиляции подчеркивалась важнейшая роль образования. Уже в это время он говорил о совместном образовании корейцев и японцев в учебных заведениях, начиная со средней школы; подчеркивал важность постепенной ассимиляции, что должно было способствовать росту патриотизма. При этом Хасэгава считал меры управления и контроля в колонии в период до 1919 г. слишком жёсткими, призывая ослабить, умерить их, советуя чиновникам наладить связь с населением. Он предлагал дать корейцам право голосовать и выдвигать своих представителей в верхнюю палату японского парламента управления, что даст осознание себя подданными империи.

Эту же линию продолжил адмирал Сайто Макото, назначенный генерал-губернатором Кореи (1919—1927). Он воплотил в жизнь многие из реформ, задуманные ещё Хасэгава, которые и составили суть времени так называемого культурного управления, которое продолжалось в 1920-е годы. Подчеркивалось, что включение народа колонии в национальную политику может быть реализовано именно путем ассимиляции, что, по сути, должно было дать корейцам привилегии подданства империи и представительства в парламенте. Это был центральный принцип ассимиляции, который значительно ослабил жесткий контроль со стороны властей в эпоху «сабельного режима».

Итак, старые методы управления в колонии в новых мировых и внутренних условиях требовали значительных изменений, и они произошли, охватив различные области общественной жизни, урезанные, но, вместе с тем, ощутимые для народа. Наиболее существенным результатом реформ было некоторое расширение сфер дея-

тельности корейской буржуазии — укрепление социальной опоры японских властей. В 1920 г. был отменен Закон о компаниях, существенно ограничивавший возможность создавать компании, торгово-промышленные общества, банки, что дало толчок к росту корейской буржуазии. Реформы коснулись и политической сферы: была создана система «местного самоуправления».

В качестве самой радикальной реформы объявлялось предоставление политических свобод. Разрешался выпуск некоторых новых корейских газет, свободу организаций власти пытались свести к созданию спортивных, деловых и научных обществ. При всей ограниченности курса реформ они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антияпонской борьбы. Стала возможной, хоть и в ограниченной форме, легальная деятельность организаций и печати. В корейских газетах появились публикации о событиях в России, о коммунистическом учении, о Ленине. В материалах полиции этот период именуется как время легальной деятельности патриотических сил.

В справочнике «Корейская полиция» содержится материал, касающийся широко разрекламированной реформы «Ликвидация жандармерии». Данные материалы показывают, что на самом деле произошло укрепление и расширение полицейского корпуса, что главным методом колониального господства остались репрессии. По сравнению с 1917 г. число полицейских управлений в результате реорганизации в 1921 г. было увеличено на 155 %, участков — на 52 %, постов — на 36 %. Как указывает издание «Корейская полиция», почти на 50 % — по сравнению с периодом до реформ — возрос и полицейский корпус[9]. В связи с тем, что охрана границы в 1923 г. перешла в ведение полиции, число полицейских увеличилось на 3254 человека и достигло к 1923 г. 20 758 человек[10]. Расширилась и сеть тайной полиции.

По утверждению служебных изданий японской колониальной администрации с введением реформ 1919 г. окончился период военно-полицейских методов контроля и началась «эра культурного управления». Основные акции колониальные власти направили в сферу укрепления своей социальной опоры, нейтрализацию недовольства и сопротивления национальной буржуазии.

Некоторая либерализация режима привела к активизации антияпонской борьбы. И все же аппарат подавления японской администрацией был еще более укреплен и продолжал функционировать. Основное внимание он сосредоточил не на легальной деятельности патриотов, а на подпольных леворадикальных организациях, большинство которых назывались «коммунистическими». В японских источниках их деятельность рассматривается исключительно как продукт экспорта Москвы непосредственно через Китай и Японию при отсутствии для нее в стране внутренней почвы.

В источниках содержится тезис, что в период 1920—1925 гг. леворадикальное, или «коммунистическое», как его именуют авторы японских изданий, «преобладало над националистическим», подавляя его. Тезис этот требует корректировки. Рассматриваемое пятилетие было временем так называемого культурного управления, реформ, проведенных после событий 1919 г. Несколько расширились возможности легальной деятельности левых сил. В условиях большого влияния на Корею революционных событий в России многие националисты потянулись в марксистские кружки, леворадикальные группы. То была дань моде. Думается, источники все же завышают степень влияния леворадикальных групп в массах, оно было сильным, но не преобладало над другими организациями, выступающими с антияпонскими лозунгами.

Материалы источников показывают, что в данный период националистические организации и деятели блокировались с леворадикальными, коммунистическими группами, в частности во время июньских событий 1926 г. Они говорят о высоком патриотическом подъеме разных слоев населения, в первую очередь интеллигенции, учащейся молодежи. Накал антияпонских настроений в это время был особенно велик. Активную роль играло и религиозное общество Чхондогё, руководство которого было представлено его левым крылом Чхонудан; во время июньских событий они выступили совместно с леворадикальными силами. Несмотря на массовые аресты, сотрудничество патриотических организаций продолжалась, на что указывает, в частности, и деятельность общества Синганхве, созданного в 1927 г., правда действовало оно недолго.

Итак, реформы, на которые была вынуждена пойти Япония, — одна из побед народного движения 1919 г. Старые методы управления в колонии в новых мировых и внутренних условиях требовали значительных изменений, и реформы были проведены. Они охватывали различные области общественной жизни, урезанные, но, вместе с тем, ощутимые для народа. При всей ограниченности курса реформ, они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антияпонской борьбы.

Одновременно они показали многоплановость системы мер, предпринятых Японией, маневренность и гибкость её политики. Эти реформы не меняли сути колониального управления; они были неким камуфляжем японской политики, которую колониальная администрация была вынуждена проводить после столь масштабного выступления корейского народа за независимость. В последующий период Япония вернулась к своим прежним, более жестким формам управления и контроля, что наиболее отчетливо проявилось в 1930-е годы и в годы Второй мировой войны. В это время особое внимание уделялось политико-идеологической обработке населения. В общественное сознание внедрялись идеи величия Японской империи, необходимости содействовать её победе; внушались идеи японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония — одно целое» должен был ослабить национальный протест. Для создаваемой японскими колонизаторами мощной идеологической системы в этот период была характерна не только наступательность, которая по жёстокости и цинизму превосходила политику времени «сабельного режима», но и осмотрительность, умение приспосабливаться к обстоятельствам, учитывать корейские национальные традиции.

Примечания

[1] «Тё:сэн кэйсацугайё:» : [«Корейская полиция»] 朝鮮警察概要. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1938. С. 65.

[2] Там же.

[3] «Ко:то: кэйсацу ё:годзитэн» : [«Словарь тайной полиции»] 高等警察用語辞典. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1935. С. 275.

[4] Там же. С. 49.

[5] «Тё:сэн кэйсацугайё:» : [«Корейская полиция»] 朝鮮警察概要. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1938. С. 65.

[6] «Сисо: ихо:» : [«Вестник идеологии»] 思想彙報. Вып. 1937 г. № 11. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1937. С. 62.

[7] Там же. С. 63.

[8] «Тё:сэн со:дзё: дзё:кё:» 朝鮮騒擾状況 : [«Беспорядки в Корее»]. Сеул, 1930.

[9] «Тё:сэн кэйсацугайё:» [«Корейская полиция»] 朝鮮警察概要. Сеул: издание генерал-губернаторства, 1938. С. 23.

[10] Там же. С. 5—6.

References

1. «Chousen keĭsatsugaĭyou» (朝鮮警察概要), [Korean Police]. Seoul: General Governor Office Publ., 1938.

2. Ibid.

3. «Koutou keĭsatsu yougojiten» (高等警察用語辞典), [«Korean Police Dictionary of Terms»]. Seoul: Governor General Office Publ., 1935.

4. Ibid. P. 49.

5. «Chousen keĭsatsugaĭyou» (朝鮮警察概要), [Korean Police]. Seoul: General Governor Office Publ., 1938. P. 65.

6. «Shisou ihou» (思想彙報), [«Ideological Review»]. 1937. № 11. Seoul: Governor General Office Publ., 1937. P. 62.

7. Ibid. P. 63.

8. «Chousen soujou jikyou» 朝鮮騒擾状況 [Riots in Korea]. Seoul: General Governor Office Publ., 1930.

9. «Chousen keĭsatsugaĭyou» (朝鮮警察概要), [Korean Police]. Seoul: General Governor Office Publ., 1938. P. 23.

10. Ibid. P. 5—6.

А.В. Пак

ХРИСТИАНСКИЙ ФАКТОР В ПЕРВОМАРТОВСКОМ ДВИЖЕНИИ 1919 ГОДА

Спустя девять лет после насильственного присоединения Кореи к Японии вспыхнуло Первомартовское восстание. Оно стало первым общенациональным движением в Корее с участием христиан, а также представителей всех классов и слоёв корейского общества. Протестантская церковь в лице простых прихожан и проповедников достойно прошла этот критический момент своей истории, сумев, вопреки всем препонам и жестоким репрессиям, придать изначально стихийному движению за независимость организационную мощь и обеспечив ему легитимный статус.

Несмотря на своё формальное поражение, и бесчисленные человеческие жертвы, март 1919 г. надолго стал символом духовной победы корейского народа.

Ключевые слова: Первомартовское движение 1919 г., христианский фактор, протестантские миссионеры, деревня Чеамри.

Спустя девять лет после насильственного присоединения Кореи к Японии вспыхнуло Первомартовское восстание, ставшее значимым событием в истории Кореи нового времени. Оно стало первым общенациональным движением представителей всех классов и слоёв тогдашнего корейского общества.

Главной причиной восстания, за сравнительно короткий срок сплотившего вокруг себя различные социальные группы, был не-

стерпимый колониальный гнёт. Он заключался в разграблении японцами богатств Кореи и эксплуатации её народа, удушении ими корейской культуры, унижении национального достоинства народа. Так что главный «зачинщик» Первомартовского восстания, его первопричина — японский империализм и установленный им в Корее колониальный режим.

Хорошо известно, что всякое историческое событие большого масштаба обычно по-разному воспринимается современниками и последующими поколениями в зависимости от имеющихся у них конкретных данных, научных и идейных позиций исследователей и т. д. Не составляет исключения и Первомартовское движение 1919 г., поскольку до сих пор существует целый комплекс проблем по оценке его характера, движущих сил и исторического значения, по которым у ряда современных исследователей до сих пор нет единого мнения.

Одной из таких проблем является изучение влияния христианского, и в частности протестантского, фактора в событиях 1919 г. Прежде всего следует отметить, что к тому времени протестантская церковь уже имела достаточно длительную и успешную историю своего развития и богатый опыт участия в корейских патриотических организациях. Начавшись с 80—90-х годов XIX в. как приобщение корейцев к диковинной «американской вере», она, благодаря проповеднической энергии и предприимчивости англо-американских миссионеров, растущей заинтересованности среди части корейской элиты и прогрессивной интеллигенции в современных знаниях, со временем стала своеобразным синонимом модернизации и обновления традиционного корейского общества. При посредничестве европейских проповедников открывались современные учебные заведения, благотворительные организации, больницы, типографии и пр.

Неслучайно ещё в доколониальную эпоху именно посредством обучения в таких христианских учебных заведениях, как Пэджэ и Ихва многие передовые корейцы не только впервые узнали о Библии и религиозных канонах, но и познакомились со значимыми событиями мировой истории. Например, с работами о Великой Французской революции, восстании Спартака, войне за независимость в

США и другими трудами, на деле весьма далёкими от христианской апологетики[1].

Однако деятельность протестантов не ограничивалась лишь сферой образования и благотворительностью. Они активно занимались политической деятельностью ещё в 90-х годах XIX в. что наглядно проявило себя в работе «Общества независимости» («Тоннип хёпхве»), ратовавшего за превращение Кореи в современное, сильное и экономически развитое государство[2].

Развитие протестантской церкви продолжилось и в трагический период с 1905 по 1910 г., когда страна под агрессивным натиском японского империализма фактически утратила национальную государственность. Причём корейская церковь продолжала развиваться не только как вполне самостоятельная религиозно-культовая организация, но и как легальное прикрытие для национально-патриотической деятельности, поскольку указами колониальных властей корейцам было запрещено участвовать в деятельности любых общественных организаций, за исключением религиозных[3].

Всё это закономерно привело к тому, что множество корейцев стали активно пополнять ряды протестантов. Уже к 1910 г. в Корее насчитывалось 687 церквей, а из 200 тыс. верующих христиан 144 261 был пресвитерианцем, и 37 722 методистами[4]. При этом практически каждая церковь имела свою частную школу, а многие протестантские общества даже издавали свои газеты, в которых выходили статьи не только на религиозные темы.

Хаотично разбросанные по различным провинциям протестантские церкви имели чёткую и отлаженную структуру, своих местных христианских лидеров, многочисленную паству и широкую коммуникационную сеть по всей Корее. При этом следует учесть, что в то время иного корейского сообщества, сопоставимого с протестантской церковью, просто не существовало.

И хотя структура церкви, христианские идеи и просветительство не были напрямую приспособлены для политической деятельности, корейцы в особых условиях колониального правления сумели адаптировать её для нужд национально-освободительного движения. Именно стихийный союз между церковью и корейским антияпон-

ским движением стал основной причиной быстрого роста протестантизма в ранний колониальный период.

Неслучайно ещё за 10 лет до Первомартовского восстания японские колониальные власти, почувствовав угрозу своему правлению в Корее, разразились через свои СМИ целой серией статей, клеймивших протестантскую церковь и корейских христиан. В одной из таких статей журнала Japan Herald, в частности говорилось:

«Если кто-либо желает воочию увидеть страну, в которой главенствует религия безбожников, верующих без религии, и верующих, не способных к истинной вере, то достаточно лишь указать пальцем в сторону Кореи, находящейся ныне под протекторатом Японии. Бесспорно, что такое положение вещей имеет не только катастрофические последствия для самой Кореи, но и для эффективного управления ею Японией. Ответственность, которая превратила положение дел от плохого к худшему, должна частично взять на себя сама Япония из-за её ошибок в дипломатической политике, которая привела к настоящему хаосу. В этом злосчастном состоянии, которое постепенно набирает обороты и растёт в геометрической прогрессии, оно сегодня имеет все шансы разрушить политику Японии в отношении Кореи»[5].

Неслучайно после заключения договора о протекторате, и особенно после аннексии Кореи в 1910 г., корейские христиане, наряду с другими группами населения, активнейшим образом включились в антияпонское движение. Наряду с этим протестанты составляли большинство в корейских патриотических организациях в период *«кемон ундон»* в 1905—1910 гг., среди которых наиболее известным было общество «Синминхве».

Численное преобладание и активное участие в национально-освободительном движении христиан предопределило специфику Первомартовского движения 1919 г. С одной стороны, оно носило мирный и ненасильственный характер, а с другой — имело ярко выраженную религиозную оболочку. Причины этого были следующие:

1) отсутствие в Корее политических партий западного типа, руководящих центров и формальных лидеров движения за независимость[6];

2) недавно прошедшее по всей стране христианское возрожденческое движение 1907—1910 гг., в ходе которого увеличилось число христиан и возросло духовное влияние протестантской церкви;

3) первоначальные надежды корейских патриотов, что Япония будет втянута в войну с какой-либо великой державой и тогда представится шанс свергнуть власть колонизаторов вооружённым методом, путём вторжения извне с одновременным восстанием внутри страны, себя не оправдали;

4) обстановка внутри страны также была крайне неблагоприятна для вооружённой борьбы как вследствие численного превосходства Японии по населению, так и в силу тотального контроля над наиболее опасными с точки зрения властей общественными объединениями[7].

Следует отметить, что именно участие в Первомартовском движении христианских церквей и отсутствие единого организационного центра позволило провести его подготовку максимально скрытно. И хотя общий план восстания был разработан Чхондогё, его лидеры посчитали необходимым объединиться с протестантскими церквями для формирования единого антияпонского фронта, на что христианские лидеры, которые в своем большинстве были представлены пресвитерианами и методистами, охотно согласились[8]. Причиной этого вынужденного союза с протестантами было признание того, что христиане не только имели авторитет и общественное влияние на национальном уровне, но и прямой выход на международные контакты вне Кореи, поскольку многие корейские пасторы и христианские деятели лично знали и находились в дружеских отношениях со многими европейскими миссионерами, иностранными журналистами и дипломатами.

В ходе самого восстания корейские протестанты проявили себя с героической стороны, фактически приняв на себя основной удар со стороны колониальной власти. О жестокости расправ над христианами в крупных городах сохранилось немало свидетельств очевидцев. Вот как описал один корейский пастор то, что происходило во время подавления японцами мирных демонстраций в Сеуле:

«Жестокость японских жандармов и полиции всё более усиливалась. Они пытали и сажали в тюрьмы даже женщин, стреляли из

винтовок по беззащитным старикам, насиловали девушек, пронзали людей пожарными баграми, а всадники рубили саблями безоружных демонстрантов»[9].

Ещё более жестокими были репрессии в сельской местности в отношении деревень, где проживали христиане. Наиболее известной является история деревни Чеамри, жители которой были почти поголовно истреблены только по причине своей христианской веры. 15 апреля 1919 г. взвод японских солдат вошёл в эту деревню[10]. Японский офицер отдал приказ, чтобы все взрослые христиане собрались в местной церкви, якобы для прослушивания лекции. Однако когда простодушные жители зашли внутрь, японцы немедленно окружили здание, закрыли двери и открыли огонь из винтовок по людям. После того как большинство было убито либо ранено, солдаты обложили церковь соломой и подожгли. Немногие, включая женщин и детей, сумевшие вырваться из огня, тут же были заколоты штыками или добиты выстрелами[11].

Известный американский миссионер Гораций Андервуд, посетивший Чеамри на следующий день, когда дым от пожаров ещё не успел рассеяться, узнал от встреченного местного крестьянина, что деревня была сожжена просто потому, что в ней проживали христиане[12].

Подобные массовые убийства христиан не были исключением, но правилом во время подавления восстания японцами. Аналогичные случаи убийств, расстрелов и сожжения корейцев были отмечены в деревнях Сучхонри, Хвасури, Чонджу, Мэнсан, Кансо, Чхонан, Ыйджу, Канге, Кваксан, Тхевон, Чхансон и др.

Жертвы, понесённые корейским мирным населением во время Первомартовского восстания, были огромны. Общее число убитых за два месяца (март—апрель) составило 7909 человек, раненных — 15 961, арестованных — 52 770 человек[13].

Небезынтересна реакция на жертвы среди мирного корейского населения со стороны японских христиан. Один из японских христианских лидеров церкви Кумиай (конгрегационной) в Корее посоветовал властям применять даже более жёсткие меры против демонстрантов для восстановления мира и порядка, а другой в Кэсоне заявил, что он совершенно не сочувствует погибшим, а насильст-

венные методы подавления бунтовщиков является единственным и наилучшим средством для приручения корейцев, которые не способны оценить блага современной культуры и цивилизации[14].

Напротив, огромное значение для восставших оказала неожиданная морально-нравственная поддержка со стороны европейских миссионеров, которые, расходясь с корейцами во взглядах на политические проблемы страны и на перспективу обретения ею независимости, поддержали их на гуманитарном уровне в период жестоких репрессий со стороны колониальной власти.

Вот что говорилось в официальном заявлении, подписанном иностранными миссионерами и направленном ими в адрес колониальной администрации.

«Помимо политического вопроса, есть вещи, которые касаются всех людей, и тогда они должны поступать, как граждане мира, а не как иностранцы. Несправедливость, притеснение и жестокость, где бы они ни совершались, требуют протеста со стороны всех, кто об этом знает. Когда нам стало известно, что полиция, жандармы и солдаты преднамеренно стреляли, рубили, пронзали штыками и убивали безоружных людей, мы сообщили об этом правительственным чиновникам, но наши сообщения были восприняты как праздные россказни или опровергнуты как ложные. Когда число погибших людей возросло, а число заключенных достигло нескольких тысяч и стало известно, что их жестоко пытают, а тысячи из них были подвергнуты изуверским пыткам до тех пор, пока многие из них не умерли; когда целые деревни были сожжены дотла (317 домов только в одном районе), а людей загоняли в дома, расстреливали и закалывали штыками, а потом ещё и заживо сжигали, мы больше не смогли сдержать наши чувства, и мы осознали, что невозможно жить среди этого без информирования мира об этих фактах...»[15].

Именно благодаря подвижничеству и моральному мужеству со стороны таких европейских миссионеров, как Фредерик Маккензи, Гораций Андервуд, Френсис Шофельд и многих других, кто с риском для собственной жизни фотографировал, документировал и собирал свидетельства очевидцев, укрывал раненных, помогал хоронить погибших и т. д., информация о жестоких методах японцев в отношении мирных жителей смогла дойти до мировой общественности.

Так или иначе, страдания и потери, пережитые корейским народом, не были напрасны. Несмотря на своё формальное поражение и бесчисленные человеческие жертвы, март 1919 г. надолго стал символом духовной победы корейского народа. Путём придания гласности фактов жестокого подавления мирных демонстраций через иностранных миссионеров перед лицом всего мира, впервые был поколеблен «культурно-цивилизаторский» имидж Японии в Корее. Власти были вынуждены сесть за стол переговоров, пойти на вынужденный диалог с корейцами, а впоследствии и смягчить условия колониального правления.

Неслучайно во время разгара полицейских репрессий в отношении корейских христиан многие из христианских лидеров проявили мужество и несгибаемость духа. В частности, когда японская полиция арестовала Ли Сан Джэ, который на тот момент являлся генеральным секретарём Сеульского YMCA, последний смело заявил, что является протестантом и сторонником независимости Кореи[16].

Другим итогом Первомартовского восстания 1919 г. стало то, что его духовное влияние, благодаря деятельности протестантской церкви и корейских патриотических организаций, в которых было немало христиан, сумело широко распространиться и за пределами Кореи. Корейцы, волею судьбы оказавшиеся за пределами своей Родины, вне зависимости от своего местонахождения, по сути, каждый в своей душе писали свою «Декларацию независимости». Вот, как оценивали корейцы Российского Дальнего Востока роль христианства и своё место в этой священной борьбе за свободу:

«В настоящее время христианство в Корее приобрело значение национальной религии. Значение христианства для жаждущего свободы корейского народа огромно, так как оно служит самым лучшим проводником демократических идей Запада, идей свободы и братства...

Мировая демократия должна сказать своё, правдивое слово, что Япония ради достижения целей своего военного могущества, ради удержания за собой Кореи, в своей политике по отношению к последней стремится в самом корне подорвать благополучие и все жизненные ресурсы корейского народа, но корейский народ твёрдо и определённо заявляет, что он никогда, ни при каких обстоятельст-

вах, не падал духом, а мужественно нес свой тяжелый крест, не переставая лелеять излюбленную мысль бороться всеми силами за свою независимость, свободу и счастье.

И этот великий час ныне пробил.

Мы заявляем всему миру, что Корея не была покорена Японией, а захвачена ею самым разбойным вероломством.

Мы от имени всего 20-миллионного корейского народа требуем восстановления его полного суверенитета, без каких бы то ни было ограничений, требуем возвращения ему независимости и его суверенных прав на его родную страну и достояния.

Во имя того, чтобы добиться своих священных прав на независимость и свободное существование, мы не остановимся и перед самыми величайшими жертвами, если это окажется необходимым.

Мы смело пойдем против деспотов и тиранов в священной борьбе за свободу, за справедливость, за общий мир и лучшие идеалы человечества»[17].

Примечания

[1] Христианство в Южной и Восточной Азии. М., 2016. С. 132.

[2] *Пак А.В.* Общество независимости в Корее 1896—1898 гг. М., 2011. С. 229.

[3] *Park Chung-Shin*. Protestantism and Politics in Korea. Seattle, 2003. P. 33.

[4] Ibid.

[5] АВПРИ. Ф. 191. Миссия в Сеуле. Д. 293. Л. 4.

[6] Колониальная Корея. Из публикаций в СССР 1920-х — 1930-х гг. М., 2007. С. 36.

[7] *Shin Yong-Ha*. Essays in Korean History. Seoul, 2003. P. 427.

[8] *Min Kyoun Bae*. A History of Christian Churches in Korea. P. 296.

[9] Ibid. P. 303.

[10] *Min Kyoun Bae*. A History of Christian Churches in Korea. P. 305.

[11] *Cynn Heung-Wo*. The Rebirth of Korea. P. 69.

[12] *Min Kyoun Bae*. A History of Christian Churches in Korea. P. 305.

[13] *Шабшина Ф.И.* Народное восстание 1919 г. в Корее. М., 1952. С. 146.

[14] *Min Kyoun Bae*. A History of Christian Churches in Korea. P. 325.

[15] *Cynn Heung-Wo*. The Rebirth of Korea. P. 219.

[16] *Pak Ung Kyu*. Millennialism in the Korean Protestant Church. New York, 2005. P. 128.

[17] *Пак Б.Д.* Борьба российских корейцев за независимость Кореи 1905—1919 гг. М., 2009. С. 370—371.

References

1. Christianity in South and East Asia. Moscow, 2016. P. 132.

2. *Pak A.V.* Independence Society in Korea 1896—1898 Moscow, 2011. P. 229.

3. *Park Chung-Shin.* Protestantism and Politics in Korea. Seattle, 2003. P. 33.

4. Ibid.

5. Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE), F.191. Mission in Seoul. C. 293. S. 4.

6. Colonial Korea. From publications in the USSR of the 1920s — 1930s. Moscow, 2007. P. 36.

7. *Shin Yong-Ha.* Essays in Korean History. Seoul, 2003. P. 427.

8. *Min Kyoun Bae*. A History of Christian Churches in Korea. P. 296.

9. Ibid. P. 303.

10. *Min Kyoun Bae.* A History of Christian Churches in Korea. P. 305.

11. *Cynn Heung-Wo.* The Rebirth of Korea. P. 69.

12. *Min Kyoun Bae.* A History of Christian Churches in Korea. P. 305.

13. *Shabshina F.I.* Popular uprising in 1919 in Korea. Moscow, 1952. P.146.

14. *Min Kyoun Bae.* A History of Christian Churches in Korea. P.325.

15. *Cynn Heung-Wo*. The Rebirth of Korea. P.219.

16. *Pak Ung Kyu*. Millennialism in the Korean Protestant Church. New York, 2005. P. 128.

17. *Pak B.D.* The struggle of the Russian Koreans for the independence of Korea 1905—1919. Moscow, 2009. P. 370—371.

Глава 2
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

О.В. Дьякова

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ КОРЁ И ДУН СЯ

Взаимоотношения Корё и чжурчжэньских государств Цзинь (1115—1234) и Дун Ся (1215—1234) не освещены в корейской и российской историографии. Монголы и Восточное Ся заключили договор, обязывавший Корё выплачивать им дань. Государство Дун Ся использовалось монголами как проходная дорога в Корё. Считается, что Дун Ся пало от рук монголов в 1234 г. Однако письменные источники свидетельствуют, что Дун Ся до 1259 г. активно участвовало в военных походах монголов против Корё. В Приморье городища Дун Ся продолжали существовать вплоть до минского времени. Не исключено, что их разрушило Корё, а не монголы.

Ключевые слова: Дун Ся, Корё, монголы, Юань, Мин.

История государства Корё (918—1392) сложна и изобилует «белыми пятнами». Это обусловлено не только её «транзитным» географическим положением (континентально-морская страна, перманентно привлекавшая внимание ближних и дальних соседей — Китая, Японии, Бохая, Ляо, Цзинь, Юань), но и агрессивным характером самой эпохи средневековья. Азиатские «варвары» несколько раз последовательно перекраивали карту мира (гунны, тюрки, монголы). Рушились старые империи, возникали новые государства, устанавливался новый миропорядок. При этом далеко не всякое положение, в котором оказывались страны, было для них «достойным».

О таких фактах, как правило, предпочитают забывать. В корейской историографии, например, старательно игнорируется проблема вассального подчинения Корё чжурчжэньской империи Цзинь и государству Дун Ся (Восточное Ся)[1]. На это есть серьёзные причины. Чжурчжэни являлись северо-восточными соседями Корё. В догосударственный период, до XII в., отношения Корё и пограничных племён чжурчжэней складывались хорошо. Чжурчжэни свободно переселялись в Корё, вели взаимовыгодную торговлю, положительно воспринимали корёские культурные традиции. Чжурчжэньские вожди часто становились данниками Корё и регулярно делали подношения из товаров «местного производства». В ответ Корё одаривало их почетными чинами. Чжурчжэни для Корё были полезными соседями. Они служили «поясом безопасности» на северо-восточном пограничье Корё.

Ситуация резко изменилась на противоположную после объединения чжурчжэней в государство Цзинь (1115—1234). В регионе началась борьба за лидерство, сопровождавшаяся военными конфликтами, в которых Корё, раздираемое к этому времени внутренними противоречиями, проиграло. Чжурчжэни, создав государство, разбили киданьскую империю Ляо, Китай и почувствовали себя равными Поднебесной. Корё превратилось в *вассальный* удел чжурчжэньской империи Цзинь, обязанный регулярно поставлять дань. При этом, несмотря на политические конфликты, между государствами сохранялись разнообразные отношения: жители ездили в гости друг к другу, активно торговали. Но в начале XIII в. чжурчжэньская империя Цзинь, владевшая огромными территориями, столкнулась с монгольской агрессией. Главной целью военного плана Чингисхана являлся захват северо-восточных территорий Цзинь. Борьба велась за важнейший стратегический район Ляоси, через который проходили пути сообщения, соединявшие северо-восток со столичными областями Срединной равнины. Потеря Ляоси означала для Цзинь потерю всего северо-востока. В марте 1211 г. монголы потревожили западные районы Цзинь, затем северные. В 1212 г. они вторглись на территорию Ляоси и Ляодуна. Кидани, находившиеся под властью чжурчжэней, воспользовались агрессией монголов и подняли мятеж. Чжурчжэни потерпели поражение.

В сложившихся обстоятельствах начальник ляодунской пограничной области Пусянь Ванну решил «забыть про Цзиньский двор» и создать на северо-восточной и восточной территориях Цзинь своё государство. Как записано в «Истории Цзинь» и «Истории Юань», Пусянь Ванну со 100-тысячным войском совершил дерзкий переход на самый восток империи Цзинь, где в г. Кайюань весной 1215 г. провозгласил государство Дун Ся[2]. Западная граница Дун Ся доходила до южной части пров. Хэйлунцзян; южные территории граничили с Корё (граница проходила по восточной окраине государства Чосон древней стены Чонъпхён, т. е. современные районы КНДР Рянгандо и Хамгёндо); восточная граница включала пров. Хамгён и Приморский край России, прилегающий к Японскому морю. Самостоятельно Пусянь Ванну не мог устоять против монголов и избрал гибкую, но коварную политику. Во избежание монгольского вторжения он заявил о покорности Чингисхану и отправил к нему своего сына. Затем переместил управление и армию в район нижнего течения р. Ялуцзян и перекрыл прямой доступ монголов к Корё.

В Корё в этот период из-за внутренних смут был упадок. Этим воспользовался Пусянь Ванну и стал принуждать Корё делать подношения не Цзинь, а Дун Ся. Корё попыталось решить проблему при помощи Цзинь. Но ситуацию осложняли кидани, грабившие страну. Пусянь Ванну, под предлогом защиты Корё от киданей, вместе с монголами в 1218 г. вторгся на территорию страны, чтобы «одной стрелой уничтожить двух ястребов». Согласно записи в «Цзинь ши» в главе «История Корё», в 1218 г. объединённые войска Дун Ся и монголов вынудили Корё заключить Цзяндунчэнский договор. По договору Корё было обязано ежегодно платить дань Дун Ся и монголам. Добровольный привоз дани монголам и Дун Ся заменили на получение дани в Корё. В этом случае монгольский эмиссар должен получать у Пусянь Ванну разрешение на проезд в Корё через территорию Дун Ся. Таким образом, Корё своим согласием на установление «церемонии династийного подношения ежегодных подарков» признало Дун Ся «царствующим домом» над Корё. Тем не менее Корё покорилось монголам, но не хотело склонять голову перед Дун Ся: «Сначала надо поклониться далёкому монгольскому императору, а во-вторых церемониально уважать императора Ванну. На небе

нет двух солнц, у народа нет двух ванов, разве может быть в Поднебесной два умиротворителя? Надо строго покланяться монгольскому императору»[3].

С 1219 по 1224 г. Дун Ся послали в Корё за данью пять делегаций, а Монголия восемь. Во время подписания договора возможности Дун Ся и Монголии были не равны. Монголия играла ведущую роль, а Дун Ся второстепенную. Поэтому в первые несколько лет после подписания договора Дун Ся поддерживало нормальные отношения с монголами и сохраняло дружеские отношения с Корё. В 1219, 1221 гг. посланцы Монголии и Дун Ся трижды совместно прибывали за данью в Корё и посылали войска «контролировать взятие ежегодной дани»[4]. Дружественные отношения длились пять лет до 1224 г. Затем отношения Монголии и Дун Ся стали изменяться на противостояние. В 1224 г. Дун Ся отправило в Корё две верительные грамоты. В одной сообщалось, что Дун Ся и монголы разорвали межгосударственные связи, во второй грамоте содержалась просьба о продолжении торговых отношений с Корё. Пусянь Ванну, используя ослабление внимания монголов к Корё, в одностороннем порядке вышел из договора с ними и начал подбивать Корё на восстание против последних, побуждая Корё подчиниться и перейти на службу в Дун Ся. В результате Дун Ся и Корё заключили между собой тайный союз, что значительно усилило военную мощь Дун Ся, т. е. Пусянь Ванну «ухватил быка за уши».

Одновременно с этим Корё приняло решение «монгольских посланников за дарами одарить сполна, оказать им помощь лошадьми и отправить в западный город»[5]. Приём монгольских посланников прошёл по старому распорядку, но в 1224 г. монгольская делегация, прибывшая в Корё за данью, на обратном пути была полностью перебита. Корё и монголы разорвали межгосударственные отношения.

По данному инциденту Корё дало объяснения, сказав, что это событие не имеет отношения к правительству, что это сделали чжурчжэни, обитающие за р. Ялуцзян. Монголы отправили чиновников для расследования этого случая, но когда они находились на территории Корё в низовьях р. Ялуцзян, то вновь подверглись нападению. Правительство Корё написало подробный документ, в котором утверждалось, что Пусянь Ванну, выйдя из договора между монголами

и Корё, замаскировал своих людей под корёсцев, и они, затаившись в горных долинах, напали на монгольских чиновников. Японский исследователь Янути Акира в работе «Монголия управляет и осваивает Корё» оценил эти события иначе: «Ситуация с монгольской делегацией необязательно связана только с Двором Корё. На территорию Корё вторгались и приносили много бед кидани. Совместные войска монголов и Дун Ся пришли Корё на помощь и уничтожили бешеных бандитов, за что им изначально были благодарны. Но приход на помощь вооружённых сил двух государств совершён без приглашения со стороны Корё (*«они слёзно не молили помочь им вооружённым путём»*). Обе страны по собственному желанию вводили войска, чтобы вмешаться во внутренние дела Корё. А последнее не могло вежливо отказаться. Получалось, что Корё «от парадной двери отгоняет тигра, а в задние двери лезет волк». С одной стороны Корё выражает благодарность за милосердие под Цзяндунчэн, с другой стороны, оба эти государства принуждают Корё выплачивать ежегодную дань. К тому же во время заключения договора монгольские посланники вели себя крайне грубо и своенравно. И впоследствии они своевольно нарушали достигнутые договорённости: чаще чем раз в год посылали делегации за данью; помимо вещей, определённых в качестве дани, командиры царских кровей без устали обирали и отнимали вещи у населения. Корё было этим крайне недовольно. Из этого следует, что эксцессы с монгольскими посланниками связаны с правительством Корё. Вероятно, был приказ или подстрекательство к свершению этих эксцессов. Это не что иное, как перенесение ответственности с больной головы на здоровую. *Во-первых*, данная территория не находилась под управлением Дун Ся, и Пусянь Ванну не мог послать туда вооружённых людей. *Во-вторых*, в 1224 г., ещё до этих событий, Пусянь Ванну разорвал межгосударственные отношения с монголами, и монгольские посланники не могли ехать за данью в Корё через территорию Дун Ся. *В-третьих*, монголы публично предъявили обвинение Корё, ясно сказав, что монголы понимают настоящую суть происшедших событий и что случившиеся эксцессы никак не связаны с Дун Ся»[6].

Тем не менее нельзя забывать, что именно Дун Ся послало в Корё две грамоты, повлиявшие на разрыв отношений между послед-

ним и монголами. Поэтому напряжение в межгосударственных отношениях Дун Ся и Корё выразилось в следующих трёх сферах: 1) Корё разорвало отношения с Дун Ся в части выплаты дани. Согласно «Истории Корё» последнюю делегацию в Корё за данью Дун Ся послало в 1224 г.[7]; 2) Корё принимало беженцев из Дун Ся. Например, в 1225 г. Чжоухань из Дун Ся сдал Корё волостной город Жуйчан; в 1228 г. в Корё перебежали и сдались командиры приграничных войск[8]; 3) войска Дун Ся часто вторгались в Корё с целью захвата материальных ресурсов, скота, людей. Так, в 1229 г. они разграбили Хэчжоу и захватили большое количество людей, а также коров, быков и лошадей; осенью 1231 г. вновь разграбили Хэчжоу, захватили пленных и ушли[9]. Корё оценило деятельность Дун Ся «как помогавшую зверю свирепствовать и как горлицу, отнявшую гнездо у сороки, что вызывает ненависть и презрение».

В 1231 г., когда Угэдэй (третий сын Чингисхана) взошёл на трон, монголы обиделись на Корё и заняли более сорока его городов. Корёский Ван Чэ послал к монголам родного брата для замирения и сдачи всех позиций[10]. В конце 1232 г. Корё в соответствии с монгольским высочайшим указом укомплектовало войска людьми и лошадьми и пошло в карательный поход на Пусяня Ванну[11]. Весной 1233 г. Угэдэй двинул войска из Монголии и разрушил Наньцзинчэн — южную столицу Дун Ся. Пусянь Ванну был пленён и казнен. В российских исследованиях традиционно отмечается, что с данного момента все отношения между Корё и Дун Ся прекратились. Однако это не так. В «Истории Цзинь» и «Юань ши» зафиксированы факты, показывающие, что государство Дун Ся сохранилось после казни Пусянь Ванну. Оно стало вассалом монголов, превратившись для них в «проходную дорогу» в Корё и активного военного пособника. Об этом свидетельствует серия фактов: «В 1235 г. войска Дун Ся с монгольским авангардом вторглись в Корё, взяли штурмом северо-восточную территорию Корё, углубились в волостной город Лунцзинь. В 1236 г. Дун Ся послало подкрепление количеством более сотни конников и вторглось в северо-восточную часть Корё на фронте от Яодэ по направлению к продовольственным складам Юнсин. В последний год своего правления Угэдэй часто посылал на территорию Корё войска Дун Ся в качестве дозора и контроля. Во время

правления Мэнгэ (1251—1260) монголы осуществили крупную войсковую операцию против Корё, а Дун Ся превратилось в дорогу, по которой монгольские войска прошли на северо-восточную территорию Корё. В 1249 г. войска Дун Ся вторглись в восточные области Корё; в 1250 г. двести конников Дун Ся вторглись на территорию Корё; в 1252 г. войска Дун Ся количеством 2 тыс. человек вторглись на территорию Корё; в 1253 г. триста конников Дун Ся окружили Дэнчжоу; в 1254 г. войска Дун Ся опять вторглись на территорию Корё; в 1255 г. более сотни конников Дун Ся вторглись в Гаочжоу, Хэчжоу; в 1257 г. войска Дун Ся разграбили территорию восточной области, а более 3 тыс. конников Дун Ся вошли в Дэнчжоу; в 1258 г. войско Дун Ся на лодках окружило остров Сундао в уезде Гаочэн и сожгло боевые корабли; в 1259 г. разграбили Цзиньганчэн»[12].

Таким образом, выявленные в письменных источниках факты кардинально корректируют историю Корё. Оно находилось в вассальных отношениях не только с монголами, но и с чжурчжэньским государством Дун Ся. Другое дело — нам не известно, когда и от чьих рук пало само Дун Ся. Не исключено, что его к падению причастно Корё, но произошло это уже, видимо, в начале династии Мин (1368—1644), поскольку археологические факты подтверждают существование городов Дун Ся вплоть до 1380 г.

Примечания

[1] *Хан Енъу*. История Кореи. Новый взгляд. М: Восточная литература.— 2010.— 758с.; *An Encyclopedia of Korean Culture. Ed* / Suh Cheong-Soo. Co-editors Bernard Rowan. Cho Yoon-jung. Seol: Hansebon, 2004. 720 p. *Rogers M.C.* “P'yonnyon T'ongnok: The Foundation Legend of the Koryo State” // The Journal of Korean Studies. Vol. 4. 1982—83. P. 3—72. *Shultz E.J.* Military Revolt in Koryo: The 1170 Coup d'Etat // Korean Studies. Vol. 3. 1979. P. 19—48.

[2] История Корё, цз. 61, «Документы, поступившие в Дунся», б/г. Шанхай гуцзи чубаньшэ, Шанхай шудзянь. С. 125. — на кит. яз.; Юаньши. Цз. 2, цз. 208, «Повествование о Корё», б/г. Шанхай гуцзи чубаньшэ, Шанхай шудзянь. С. 255.

[3] Цзинь ши, цз. 22, «Семья Гаоцзуна», б/г. Шанхай гуцзи чубаньшэ, Шанхай шудзянь. С. 260.

[4] Там же. С. 255.

[5] Там же.

[6] Цит. по: *Ван Шаньчжун, Чжан Минцзи*. История Дун Ся. Изд-во: Тяньцзинь хуцзи. 1990. С. 257 (кит. яз.).

[7] Цзинь ши, цз. 22. С. 258.

[8] Там же. С. 259.

[9] Цзинь ши, цз. 22, 23, «Семья Гаоцзуна». С.259.

[10] Юаньши. Цз. 2, «Основные записи о Тайцзу (основателе династии)», б/г. Шанхай гуцзи чубаньшэ, Шанхай шудзянь. С. 260.

[11] Цзинь ши, цз. 23, «Семья Гаоцзуна». С. 260.

[12] Там же.

References

1. Han Yong Woo. History of Korea. New look. M: Eastern literature. 2010. 758 p.; *An Encyclopedia of Korean Culture. Ed* / Suh Cheong-Soo. Co-editors Bernard Rowan. Cho Yoon-jung (2004). Seol: Hansebon. 2004. 720 p.; *Rogers M.C.* «P'yonnyon T'ongnok: The Foundation Legend of the Koryo State» // The Journal of Korean Studies. Vol. 4. 1982—83. P. 3—72.; *Shultz E.J.* Military Revolt in Koryo: The 1170 Coup d'Etat // Korean Studies. Vol. 3. 1979.PP. 19—48.

2. Jin Shi, Juan 61, "Documents Received in Dongxia". Cabanis Guzzi Shanghai: Shanghai suzani. Without Year. 125.

3. The History Yuan, Juan 208, Cabanis Guzzi Shanghai: Shanghai suzani. W/Y. P. 255.

4. Jin Shi, Juan 22, "Gaozong Family", Cabanis Guzzi Shanghai: Shanghai suzani. W/Y P. 255.

5. Ibid.

6. Jbid.

7. Wang Shanzhong, Zhang Minji.(1990) The Story Of Dong Xia. Publisher: Tianjin huji. 1990. P. 257.

8. Jin Shi, Juan 22, "Gaozong's Family". P. 258.

9. Ibid. P. 259.

10. Jin Shi, Juan 22, 23, "The Gasun family". P. 259.

11. History Yuan, Juan 2, "The main records of Taizu (founder of the dynasty)". Cabanis Guzzi Shanghai: Shanghai suzani. B/G. P.260.

12. Jin Shi, Juan 23, "The Gaozong Family". P. 260.

Ю.В. Болтач

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕКСТА «САМГУК ЮСА» И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

«Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (*Самгук юса*), составленные буддийским монахом Ирёном (1206—1289), являются одним из основополагающих источников по ранней истории Кореи. В статье анализируется структура, источниковая база, история формирования и бытования этого памятника, а также рассматриваются проблемы его перевода на русский язык, обусловленные сложной историей данного произведения. К числу этих проблем, в частности, относятся вопросы, связанные с выбором версии текста для перевода, прочтением и интерпретацией текста, его передачей на русском языке и разработкой научного аппарата.

Ключевые слова: источниковедение ранней истории Кореи, историография эпохи Корё, проблемы интерпретации ханмунного исторического текста, «Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (*Самгук юса*).

«Оставшиеся сведения [о] трёх государствах» (*Самгук юса*, далее — СЮ)[1], составленные в конце XIII в. буддийским монахом Ирёном (1206—1289), являются одним из двух основополагающих источников по ранней истории Кореи. Хронологические рамки этого памятника чрезвычайно широки — с древнейших времён до эпохи Ирёна, при этом основной массив данных относится к периоду Трёх государств и Объединённого Силла (I в. до н.э. — X в.). Произ-

ведение Ирёна гораздо шире по тематике, нежели второй базовый источник по ранней истории Кореи — «Исторические записи Трёх государств» (*Самгук саги,* 1145 г.)[2], представляющие собой официальную историю государств Когурё (37 г. до н.э. — 668 г.), Пэкче (18 г. до н.э.— 660 г.) и Силла (57 г. до н.э. — 935 г.), но несколько меньше этого сочинения по объёму и структурировано по другому принципу. Исторические материалы, собранные Ирёном, сгруппированы по содержанию в 138 параграфов неравного объёма (кроме них, памятник включает также авторское предисловие, а в использованном нами ксилографе, о котором речь позже, имеется ещё и послесловие, добавленное издателями эпохи Чосон). Эти параграфы распределены по девяти разделам: 1) «Хронология государей»; 2) «Описание удивительных [событий]»; 3) «Возвышение Закона»; 4) «Пагоды [и] статуи»; 5) «Разъяснявшие истину»; 6) «Чудесные заклятья»; 7) «Благодатное могущество»; 8) «Сокрывшиеся [от мира] отшельники»; 9) «Почтительные [и] добрые».

Источниковая база произведения Ирёна чрезвычайно широка. Что до письменных источников (как сохранившихся до нашего времени, так и давно утраченных), то среди них присутствуют тексты самых различных категорий: библиографии, сутры, сочинения буддийских монахов, произведения классической китайской литературы и комментарии к ним, светские трактаты, династийные истории и другие исторические сочинения, биографии монахов, записки паломников, монастырские документы, эпиграфика, хозяйственные бумаги и даже семейные записи. Кроме того, Ирён широко использовал устные источники — от древних преданий до сообщений о современных ему событиях. Цементирующим элементом для этих материалов, кроме строгой логики построения памятника в целом, служат вставки, написанные самим Ирёном, — комментарии, рассуждения и стихотворные «оценки» в конце параграфов.

Таким образом, СЮ представляет собой не одномоментно написанный авторский текст, а сложное многосоставное произведение, основанное на большом количестве источников, далеко не все из которых являются первичными. История формирования текстов, входящих в состав этого памятника, насчитывает до шести этапов:

1. Создание устных повествований.

2. Их бытование в устной традиции.
3. Первичная письменная фиксация.
4. Существование в записанном виде.
5. Включение в СЮ.
6. Дальнейшее бытование в составе этого памятника.

Такой многоэтапной «биографией» обладает лишь часть эпизодов СЮ (преимущественно древнекорейские предания), в то время как другие повествования, вошедшие в состав этого сочинения, имеют более короткую историю, иногда сводящуюся «всего» к двум-трём этапам. Тем не менее и это очень много, поскольку каждый дополнительный этап в истории текста означает применение к нему нового «смыслового фильтра», т. е. его обработку в соответствии с целями и задачами очередного редактора. Кроме того, все основанные на корейском материале повествования на какой-то стадии своего существования проходили ещё и через «языковой фильтр» — перевод с языка создания (корейский) на язык фиксации (китайский), в результате чего они претерпевали ощутимую модификацию, обусловленную как лаконизмом стилистики ханмуна, так и недостаточным знанием этого языка древнекорейскими переводчиками. Наконец, при многоэтапной устной или письменной передаче текста в нём накапливались разнообразные технические ошибки.

Теперь рассмотрим, как сложная история формирования входящих в СЮ повествований отразилась в проблемах, возникших при переводе этого памятника на русский язык, и какие были определены пути их решения.

1. Проблема выбора версии текста для перевода, проистекающая из сложной судьбы текста СЮ после его создания Ирёном.

Хронологический разрыв между временем составления СЮ и самыми ранними доступными современным исследователям списками и ксилографическими изданиями этого памятника составляет более двух веков. Столь долгое бытование текста в письменной традиции всегда таит в себе риск его искажения из-за механического повреждения рукописи, ошибок переписчиков и вмешательства традиционных редакторов. Вот почему среди всех имеющихся ныне версий текста для перевода был выбран вариант, наименьшее время

обращавшийся в письменной традиции, а именно датированный 1513 г. «экземпляр [годов] Чжэн-дэ» из собрания института Кючжан-*как*, являющийся самым ранним сохранившимся до наших дней полным ксилографическим изданием этого памятника. Перевод осуществлялся по факсимиле в составе фундаментального издания СЮ, подготовленного коллективом авторов из Института исследования духовной культуры Кореи[3].

2. Проблемы прочтения текста, также обусловленные перипетиями позднейшей судьбы текста СЮ.

Хотя «экземпляр [годов] Чжэн-дэ» хронологически ближе всех остальных текстовых вариантов СЮ к авторской версии Ирёна, техническое качество данного издания оставляет желать лучшего. Прежде всего, двести лет произвольного копирования и небрежного хранения не могли не сказаться на состоянии текста, послужившего для него основой, и поэтому в «экземпляре [годов] Чжэн-дэ» встречаются пробелы, очевидно, оставленные переписчиком на месте иероглифов, утраченных или не читаемых в оригинале. При работе с текстом эти лакуны нужно было как-то восстанавливать. Для этого привлекались современные типографские публикации СЮ: издание под редакцией Чхве Нам Сона[4], издание в составе «Трипитаки, вновь исправленной [в годы] Тайсё»[5], а также издание под редакцией Ли Бён До[6]. Если же пробелы были не просто в тексте, а в именах или названиях, то здесь подход был строже: реконструкция осуществлялась по другим упоминаниям этого имени или названия в СЮ, а если это упоминание было единственным, то по синхронным источникам («Исторические записи Трёх государств» и «Жизнеописания достойных монахов [Страны], [что к] востоку [от] моря»[7]), и только в самом крайнем случае — на основе современных типографских изданий.

Кроме лакун, в тексте встречались характерные ошибки копирования — замены иероглифов на сходные по начертанию знаки. Такие ошибки, если они были просто в тексте, также правились по современным изданиям, а в именах — по другим упоминаниям в СЮ (если можно было определить основной вариант их написания).

Что касается искажённых написаний иероглифов, то они во всех случаях правились по современным изданиям.

На качестве «экземпляра [годов] Чжэн-дэ» сказалось не только плохое состояние оригинала и низкая грамотность переписчиков, но и недостаточно аккуратная печать: некоторые знаки в этом ксилографе расплылись или не пропечатались. В таких случаях привлекался другой (неполный и худшей сохранности) оттиск с того же комплекта вырезанных в 1513 г. досок — «экземпляр из библиотеки Мансона», публикацию которого осуществили Пак Сон Бон и Ко Кён Сик[8]. Если же сомнительный иероглиф не читался и там, то приходилось опираться на современные издания СЮ.

3. Проблемы интерпретации текста, порождённые как спецификой «языкового фильтра», через который пришлось пройти многим повествованиям СЮ, так и обстоятельствами их формирования и последующего бытования.

Что касается «языкового фильтра», то, прежде всего, имеется в виду отпечаток, налагаемый на ханмунный текст общей тенденцией этого языка к предельной экономии средств выражения. Кроме того, перевод древнекорейских преданий на ханмун часто осуществляли люди, не очень хорошо знавшие литературный китайский язык, что приводило к дополнительному искажению исходного текста.

В подобных случаях обычно приходится полагаться на общую логику изложения, но в случае с СЮ такой приём работал далеко не всегда, поскольку в этом памятнике встречаются многочисленные нарушения логики повествования, вызванные сокращениями. Некоторые из них были сделаны самим Ирёном (что можно понять из его технических ремарок), а некоторые, вероятно, являются результатом деятельности предшествующих редакторов. Сталкиваясь с подобными ситуациями, приходилось по возможности восстанавливать логику изложения по другим эпизодам СЮ или по параллельным источникам.

Кроме сокращений, пониманию текста иногда препятствовало и то обстоятельство, что его логика оказывалась не современной, а древней, мифологической (отзвук самого раннего пласта истории текста СЮ — этапа первичного создания зафиксированных в этом памятнике преданий и отчасти их последующего устного бытования). Интерпретировать текст в подобных случаях было особенно

трудно, поскольку никогда нельзя было сказать с полной уверенностью, как следует действовать в подобных ситуациях — искать ли в непонятных эпизодах сложный мифологический подтекст или же просто списывать их странную логику на последствия деятельности малограмотных средневековых переписчиков.

4. Проблемы передачи текста на русском языке, связанные, прежде всего, с грамматическими и стилистическими отличиями последнего от ханмуна, а также с различием систем письма и правил оформления текста в этих двух языках.

Основной задачей переводчика было возможно более точное воспроизведение оригинала по-русски, поэтому калькировалось как оформление исходного ксилографа, так и лексика и грамматика текста. Если требования русской стилистики заставляли добавлять в перевод слова, отсутствовавшие в оригинале, то они строжайшим образом отграничивались от авторского текста Ирёна квадратными скобками. Что касается восполнения лакун, то все реконструированные слова заключались в угловые скобки.

Особые затруднения при работе с текстом вызывала передача по-русски имён собственных, а также слов, записанных иероглифами по звучанию. Прежде всего, не всегда было ясно, какие из них следовало транскрибировать, а какие — переводить. С личными именами и географическими названиями ситуация была очевидной — они транскрибировались и лишь при необходимости снабжались поясняющим переводом. Что касается сопровождающих некоторые имена собственные титулов и родовых показателей, то их приходилось, во избежание неопределённости, не только транскрибировать (учитывая их довольно «автономный» характер — курсивом через дефис), но и давать в переводе. Девизы правления транскрибировались, а циклические знаки пришлось условно «переводить», поскольку они входили в состав и китайских, и корейских дат, так что для них было невозможно выбрать единую систему транскрипции. Санскритские термины, записанные иероглифами по звучанию, транскрибировались и снабжались дублирующим переводом. Названия основных мер транскрибировались, а названия производных мер переводились. Наконец, названия литературных произведений всегда переводились.

Для транскрибируемых слов нужно было также выбрать способ их записи по-русски. Как известно, в каждом языке, использовавшем иероглифическую письменность, существовала своя система прочтения иероглифов, и иногда даже не одна. Кроме того, звучание иероглифов в одном и том же языке в разные эпохи было разным. Применительно к дальневосточным именам, по традиции, в переводе была условно использована транскрипция иероглифов согласно их произношению в соответствующих современных языках, а для бесписьменных народов была использована, тоже условно, нейтральная транскрипция иероглифов по их современному китайскому звучанию. Санскритские имена и буддийские термины, записанные иероглифами по звучанию, транскрибировались по-русски согласно произношению на языке оригинала, а если оно не поддавалось реконструкции — то по современным кореизированным чтениям иероглифов, поскольку, в силу своей архаичности, они дают наиболее точное представление о возможном звучании исходного слова.

Отдельно приходилось решать вопросы выбора раздельного и слитного русского написания имён собственных (поскольку не везде было ясно, как трактовать то или иное сочетание иероглифов — просто как имя или же как последовательность вида «фамилия + имя»), а также использования прописных и строчных букв (в частности, не всегда можно было различить омографичные топонимы и этнонимы). В первом случае оставалось полагаться на другие упоминания этого же персонажа или названия в СЮ и синхронных памятниках, а во втором — исключительно на контекст.

Особую проблему составляло восстановление имён собственных из сокращённых форм. По правилам ханмуна, в именованиях людей можно было опускать фамилии и титулы, в топонимах — родовые показатели, в личных именах и иногда в топонимах — первые или последние иероглифы, а названия литературных произведений допускалось сокращать практически произвольно. При переводе все пишущиеся по-русски слитно имена собственные (личные имена, двусложные фамилии, а также топонимы) восстанавливались до полной формы, даже если они встречались в СЮ только в сокращённом виде. Пишущиеся по-русски раздельно или через дефис

компоненты именований (фамилии при именах, имена при фамилиях, титулы или родовые показатели), напротив, не восстанавливались, даже если бы они и упоминались в других местах СЮ. Переводы названий литературных произведений унифицировались по самому полному из встречающихся в СЮ вариантов. Все добавления, по общему правилу, заключались в квадратные скобки.

5. Проблемы разработки научного аппарата, вызванные объективным разрывом между древнекорейской и современной западной культурой, а также техническими расхождениями между дальневосточными «издательскими нормами» XIII в. и требованиями, предъявляемыми в наши дни к научной публикации.

Основной проблемой при составлении комментария было определение его рамок. В итоге обязательный комментарий в сносках было решено ограничить разбором текстологических проблем, указанием на очевидные фактические ошибки в тексте, библиографическими ссылками, справками по персоналиям, топонимам и названиям сочинений, пояснением специальных терминов и образных выражений, а также отождествлением упоминаемых в тексте животных и растений. Кроме того, пересчитывались все меры и даты. Подобным комментарием сопровождался весь текст, не исключая и повествований явно мифологического характера — для того, чтобы современному читателю было проще разобраться, где, по замыслу автора, описываемые события должны восприниматься как чудо, а где нет. Такими же комментариями сопровождались и стихи, чтобы было понятно, где текст следует воспринимать в буквальном смысле, а где — в фигуральном.

Что касается указателя, то здесь нужно было установить границы включаемого в него текста, определить принцип объединения материала в статьи, а также избрать принцип оформления ссылок. В итоге указатель был ограничен авторским текстом Ирёна. При группировке материала по статьям было решено сводить варианты написания одного и того же имени или названия в общую статью. Ссылки оформлялись не на страницу, а на параграф издания, поскольку это не только устраняло риск появления ошибок из-за случайных сбоев при вёрстке, но и давало наглядную привязку включённых в указатель имён и названий к структуре текста.

В заключение этого небольшого сообщения остаётся выразить надежду, что намеченная в нём классификация проблем перевода СЮ на русский язык и обзор возможных практических путей их решения послужат полезным вспомогательным материалом для перевода других китаеязычных корейских исторических источников, а также найдут применение при разработке общетеоретических проблем переводоведения.

Примечания

[1] *Ирён.* Оставшиеся сведения [о] трёх государствах (Самгук юса) / пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент. и указ. Ю.В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018.

[2] *Ким Бусик.* Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы / изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М. Н. Пака. М.: Восточная литература РАН, 1995; *Ким Бусик.* Самкук саги. Летописи Силла / изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М.Н. Пака. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 2001; *Ким Бусик.* Самгук саги. Разные описания. Биографии / изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. под общ. ред. М.Н. Пака и Л.Р. Концевича. М.: Восточная литература РАН, 2002.

[3] Ёкчу Самгук юса : [«Оставшиеся сведения [о] трёх государствах»: перевод [и] комментарий]. В 5 т. / Кан Ингу [и др.]. Сеул: Ихве мунхваса, 2002—2003.

[4] Чынбо Самгук юса : [«Оставшиеся сведения [о] трёх государствах»: [с] приложениями] / сост. Чхве Намсон. Сеул: Сомун мунхваса, 2003.

[5] Кёчжон Самгук юса со : [«Оставшиеся сведения [о] трёх государствах»: сверенный [и] выправленный [текст с] предисловием] // Тайсё синсю дайдзокё : [Трипитака, вновь исправленная [в годы] Тайсё]. Токио: Тайсё синсю дайдзокё канко кай, 1964. Т. 49. № 2039. С. 953—1019.

[6] Вонмун пён ёкчу Самгук юса : [«Оставшиеся сведения [о] трёх государствах»: оригинальный текст с переводом [и] комментарием] / пер. и коммент. Ли Пёндо. Сеул: Тонгук мунхваса, 1962.

[7] *Какхун.* Жизнеописания достойных монахов Страны, что к востоку от моря : [Хэдон косын чон] / исслед., пер. с ханмуна, коммент. и указ. Ю.В. Болтач. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

[8] Вонмун пу Самгук юса : [«Оставшиеся сведения [о] трёх государствах»: [с] приложением оригинального текста] / авт. Ирён; пер. Пак Сонбон, Ко Кёнсик. Сеул: Сомун мунхваса, 1996.

References

1. *Iryeon* (2018). Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk Yusa). Translation from Hanmun, introduction, commentary and indexes by Yu. V. Boltach. St. Petersburg: Hyperion.

2. *Gim Bushik* (1995). Samguk sagi. Goguryeo's Records. Baekje's Records. Chronological Tables. Edition of the text, translation, introduction and commentary by M. N. Pak. Moscow: Vostochnaya Literatura.

3. *Gim Bushik* (2001). Samguk sagi. Shilla's Records. Edition of the text, translation, introduction and commentary by M.N. Pak. Moscow: Vostochnaya Literatura.

4. *Gim Bushik* (2002). Samguk sagi. Monographs. Biographies. Edition of the text, translation, introduction, commentary and appendixes under general supervision by M.N. Pak and L.R. Kontsevich. Moscow: Vostochnaya Literatura.

5. Gang In'gu [et al.] (2002—2003). Yeokju Samguk yusa = The Translation & Annotation of Samgukyusa. In 5 vols. Seoul: Ihoe munhwasa.

6. Jeungbo Samguk yusa (2003) : [Memorabilia of the Three Kingdoms: with appendixes]. Compiled by Choe Namseon. Seoul: Seomun munhwasa.

7. Gyojeong Samguk yusa seo (1964) : [Memorabilia of the Three Kingdoms: collated and corrected; with introduction] // Taisho shinshu daizokyo [Taisho Revised Tripitaka], Vol. 49, No. 2039. Tokyo: Taisho shinshu daizokyo kanko kai, pp. 953—1019.

8. Wonmun byeong yeokju Samguk yusa (1962) : [Memorabilia of the Three Kingdoms: original text with translation and commentary]. Translation and commentary by Yi Byeongdo. Seoul: Dongguk munhwasa

9. Gakhun (2007). Lives of Eminent Korean Monks (Haedong Goseung Jeon). Study, translation from Hanmun, commentary and indexes by Yu.V. Boltach. St. Petersburg: St. Petersburg University Press.

10. Wonmun bu Samguk yusa (1996) : [Memorabilia of the Three Kingdoms: supplemented with original text]. Written by Iryeon; translated by Bak Seongbong, Go Gyeongshik. Seoul: Seomun munhwasa.

И.А. Мусинова, Е.Л. Логиновский

ПЕРЕВОРОТ 1884 г. В ПОЛИТИЧЕСКОМ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ КНДР (1992—2012)

В 1999 г. была издана работа Ким Чен Ира «О правильном подходе к перевороту года Капсин». Она закрепляет оценки переворота, совершенного Ким Ок Кюном и его сторонниками в 1884 г., как «буржуазной реформы», которые были популярны среди историков КНДР. Работа выдержала три переиздания в годы руководства Ким Чен Ира. В ряде изданий 2000-х и 2010-х годов события года Капсин изображаются как «буржуазная революция», однако эти авторы употребляют оба термина, а некоторые из них также дают ссылки на указанную работу Ким Чен Ира. Книги и статьи для широкой аудитории внутри и вне КНДР развивают мысль о перевороте 1884 г. как о реформе. На тех же позициях находятся и известные северокорейские эксперты по политической истории Кореи нового времени, такие как Ли Чжон Хён. Взгляды северокорейских вождей на революцию не позволяют считать таковой переворот года Капсин, а новых дискуссий в исторической науке КНДР по этому вопросу после середины 1980-х годов не было.

Ключевые слова: Ким Чен Ир, Ким Ок Кюн, переворот года Капсин, историческая наука, революция.

В первой половине 1990-х годов вопрос о сущности переворота года Капсин (*капсин чонбён*) формально утратил актуальность для северокорейской исторической науки. Дискуссии об этих событиях

проходили в КНДР минимум дважды и отражали общую картину радикальных изменений в сфере идеологии и политики государства.

Первая дискуссия длилась на протяжении 1950—1960-х годов, когда в КНДР шла борьба двух историографических школ — материалистической марксистской и «чучхейской» на фоне событий в СССР и КНР и укрепления личной власти Ким Ир Сена. После провозглашения руководством КНДР стратегического курса «опоры на собственные силы» многие учёные и политики-марксисты оказались не у дел, а положения марксистской историографии оказались полностью заменены[1].

Следующее обсуждение состоялось в середине 1980-х годов. Историки Ли Чжон Хён, Хо Чжон Хо и др. пересмотрели положения «Полной истории Кореи» о «первой буржуазной революции». В исторической науке страны закрепился взгляд на события года Капсин и деятельность сторонников партии *кэхва* как попытку проведения буржуазных реформ (*кэхёк*). Результаты второй дискуссии были окончательно зафиксированы в монографии Ли Чжон Хёна «История буржуазного национального движения в Корее»[2], а затем получили политическое признание в воспоминаниях Ким Ир Сена. Как следствие, в середине 1990-х переворот 1884 г. продолжал считаться «патриотическим, прогрессивным реформистским движением»[3].

В январе 1999 г. отдельным тиражом вышла работа Ким Чен Ира «О правильном подходе к перевороту года Капсин»[4]. Этот труд относится официальной корейской историографией ко времени его учебы в Университете имени Ким Ир Сена (сентябрь 1960 — март 1964 г.) и отражает содержание беседы Кима с другими студентами университета 6 мая 1963 г. С начала 1970-х до конца 1990-х годов эти работы не переиздавались.

Всего при жизни Ким Чен Ира указанная беседа издавалась трижды — двумя отдельными изданиями в январе 1999 и мае 2011 г., а также в составе «Избранных сочинений» 2009 г. Только восемь из 32 работ (25 %), относимых к студенческим годам Кима, публиковались отдельными брошюрами, и ни одна работа, кроме указанной, не выдерживала отдельного переиздания.

События года Капсин характеризуются в беседе как попытка проведения «буржуазных реформ» без каких бы то ни было допуще-

ний в сторону «революции» или «революционного характера» в действиях Ким Ок Кюна и его единомышленников.

Троекратное переиздание беседы Ким Чен Ира «О правильном подходе к перевороту года Капсин» в течение 13 лет (1992—2012) отражает перемены, которые исторический нарратив КНДР, посвященный событиям новой истории Кореи, стал претерпевать в годы его руководства страной.

В соответствии с информацией, содержащейся в каталогах продукции внешнеторговых организаций КНДР в период 1992—2012 гг., на языке оригинала в виде отдельных брошюр было выпущено более 120 названий трудов Ким Чен Ира (с учётом переизданий). Из них 33 издания работ, созданных, по официальной версии, Ким Чен Иром в студенческие годы, что составляет 27 % от общего числа. Если же подсчитать, каким был удельный вес известных нам изданий работ Ким Чен Ира университетского периода в годы их публикации в общей массе брюшюр Кима за те же годы, то выясняется, что доля первых оставалась неизменно значительной: 1999 г. — 56 %, 2002 — 38, 2003 — 80, 2004 — 67, 2011 г. — 20 %[5]. Очевидно, что в 1999 и 2002—2004 гг. трудам Ким Чен Ира «студенческого периода» отводилась крайне важная роль в идеологической работе Трудовой партии Кореи.

Не вызывает сомнений, что установка считать Ким Ок Кюна и его соратников реформистами, а не революционерами, должна была найти отражение в исторических исследованиях. Так было, к примеру, в сентябре 1999 г.: первый том «Исторического словаря» отсылает читателя к вышеуказанному труду Ким Чен Ира в соответствующих статьях[6].

Тем не менее в ряде изданий новой истории Кореи в КНДР события переворота года Капсин периодически помещаются в контекст повествования о революционной борьбе.

Показательным в этом отношении является период первой половины 2000-х годов. Так, издательство «Кодын кёюк тосо чхульпханса» выпустило в июне 2002 г. работу Ли Мен Сук «Ключевые личности корейской истории». Книга обладала статусом пособия для средних учебных заведений КНДР.

В работе крупного специалиста по новой истории Кореи, члена-корреспондента АН КНДР доктора наук, профессора Пак Ен Хэ, выпущенной в феврале 2004 г. издательством «Сахве квахак чхульпханса», наиболее частым наименованием для движения за цивилизацию (*кэхва ундон*) вообще и переворота 1884 г. в частности было слово «революция», хотя имеются и две ссылки на работу Ким Чен Ира, опубликованную за пять лет до того[7].

Начало 2010-х было отмечено новой волной рассуждений на тему «буржуазной революции» года Капсин. В апреле—мае 2011 г. в издательстве «Кымсон чхоннён чхульпханса» вышла новая работа Ли Мен Сук «Чосон екса инмуль» («Ключевые личности корейской истории», в трех томах)[8], которая является переизданием вышеупомянутой публикации 2002 г. В пользу этого говорят обстоятельства, которые образуют две группы.

Первая группа включает в себя результаты двух фактических исходов, связанных с тем, как книготорговые организации КНДР обращаются с информацией о работе «Чосон-ый екса инмуль». Прежде всего, следует отметить, что запись об этой работе в печатном каталоге содержит верные данные, однако приведенная там иллюстрация обложки относится к работе 2011 г. и помещена в записях об обеих публикациях. Также при нашем прямом запросе на покупку «Чосон-ый екса инмуль», который поступил в июне 2018 г. в пекинское отделение Корейской корпорации по экспорту и импорту печатных изданий (Korean Publications Export & Import Corporation), работники компании вложили в посылку более позднее издание. Бесспорно, что работа 2002 г. более не доступна для заказа, и в таких условиях северокорейская сторона заменила позицию на аналогичную. О возможности этого сообщало, конечно, отсутствие в каталоге 2016 г. иллюстрации обложки более раннего издания, но мы считали это явление одной из многих характерных ошибок указанного каталога, не имеющих отношения к ассортименту продукции.

Вторая группа состоит из итогов трех аналитических обзоров, общей целью которых было подтвердить или опровергнуть преемственность изданий 2002 и 2011 гг. Обнаружено, *во-первых*, совпадение сведений об ответственности и количества частей обоих изданий. Как фамилия, так и личное имя автора действительно часто встреча-

ются в Корее, однако вероятность случайного совпадения объема многотомных изданий идентичной тематики представляется нам пренебрежимо малой. Вероятность эта дополнительно сокращается при учете плохого состояния полиграфии в КНДР рубежа веков и, соответственно, потенциальной необходимости переизданий в более благоприятных условиях, о наличии которых достоверно известно с 2004 г. *Во-вторых*, установлена полная корреляция числа страниц каждого тома более позднего издания по отношению к более раннему (93,4 %), что свидетельствует как об изменении формата книги для печати, так и о сохранении оригинального содержания в течение 2000-х годов. *В-третьих*, названия публикаций незначительно различаются, что, очевидно, и привело к отсутствию указаний на переиздание в выходных данных работы 2011 г.

В работе Ли Мен Сук 2002 и 2011 гг. сам переворот трижды назван революцией, но также и дважды — реформой. Движение за цивилизацию также называется «революционным», но уже в разы реже, нежели «реформистским». По-видимому, эти нестыковки были не так важны автору, как стремление изобразить Ким Ок Кюна так, чтобы аудитория сочувствовала герою[9].

В мае 2012 г. появились два выпуска новой серии «Чосон пумун са» (в отличие от серии 1988—2004 гг.), которые сохраняют суждения о революционной сути капсинского переворота. Так, исследование Кан Сок Хи, выполненное в соответствии с общим подходом к этим событиям как к реформе, содержит упоминание о том, что «новое правительство» пало вследствие «контрреволюционного наступления»[10]. В свою очередь, историк архитектуры Ли Хва Сон пишет, что фракция реформаторов «подняла в 1884 г. буржуазную революцию»[11].

Таким образом, специалистам КНДР по корейской истории нового времени присущи неодинаковые предпочтения в характеристике переворота года Капсин. Это, однако, не дает оснований полагать, что в годы руководства Ким Чен Ира произошла смена воззрений на переворот. Так, изложение событий со времени складывания фракции реформаторов до их выступления 4 декабря 1884 г. (по солнечному календарю), описание подготовки и проведения переворота, итоги и оценки этих событий практически дословно совпадают как в

переводной работе 1995 г., так и в исправленном издании 2011 г. При этом обе работы преемственны «Общей истории Кореи» («Чосон тхонса»). Текстуальные различия первых двух изданий малозначительны и призваны, без сомнения, только облегчить иностранному читателю восприятие содержания книги[12]. Во всех перечисленных работах воспроизводится взгляд на переворот года Капсин как на первую в корейской истории буржуазную реформу, выработанный в середине 1980-х годов.

Консерватизм в развитии взглядов на события года Капсин прослеживается и на другом примере. В конце 2000-х сперва «Чхоллима», журнал общей тематики, где имеется несколько рубрик об истории Кореи, а позднее — известный информационно-пропагандистский портал «Уриминчжоккири» выступили со статьями об одной работе Ким Ок Кюна.

Если различные издания по истории Кореи в действительности представляют собой различные варианты одного и того же нарратива, хотя сумма фактов и суждений оставалась неизменной все 25 лет, то в указанных выше СМИ, по всей вероятности, имело место копирование, не лишенное, однако, творческого подхода. Основной текст, где Ким Ок Кюн представлен как реформатор, изменений не претерпел. То же можно сказать и об отнесении материала к рубрикам: в журнале работа Юн Чжон Хана относится к «Элементарным знаниям об истории» («Ёкса сансик»), а на сайте — к «Элементарным знаниям» («Сансик»).

Ясно, что суждения Юна уже в конце 2000-х носили характер справочной информации, исправления в которую вносить в обозримом будущем не предполагается. Это весьма вероятно в силу того, что в журнале «Чхоллима» постоянно публикуются работы специалистов — сотрудников научных и образовательных учреждений страны. Из намеренных различий в подаче материала мы наблюдаем только факт исключения имени автора из публикации на сайте[13].

Наконец, следует обратиться к результатам поисков члена-корреспондента АН КНДР, доктора наук, профессора Ли Чжон Хёна (данные о степени и званиях актуальны на май 2012 г.), чьей заслугой является смена характеристики событий года Капсин с «революю-

ции» на «реформу» и чьи наблюдения по теме считаются в КНДР авторитетными уже более 30 лет.

Профессор Ли продолжает придерживаться линии на признание *кэхва ундон* реформистским движением и, к примеру, отмечает, что в среде сторонников открытого выступления против фракции консерваторов «не были даны ответы относительно революционных путей проведения реформ в жизнь»[14]. Далее он приводит цитату из работы Ким Чен Ира «Об идеях чучхе»: «Всякое революционное движение является сознательным движением. Оно начинается с вооружения людей передовыми идеями и одерживает победу силами народных масс, вооруженных ими»[15]. Профессор Ли, в свою очередь, подчеркивает, что идеи движения за цивилизацию (*кэхва сасан*) являлись «буржуазно-националистическим течением, представлявшим интересы *имущих классов*» (курсив наш. — *Авт.*)[16].

Важно отметить, что цитату, подобранную Ли Чжон Хёном, приводит и доктор наук Ви Гван Нам, который несколько свободнее обращается с характеристиками борьбы реформаторов. На взгляд Ви, появление нового правительства 4 декабря 1884 г. сопровождалось «революционной борьбой». Тем не менее раздел о личности и деятельности Ким Ок Кюна снабжен цитатой из работы Ким Чен Ира, формально известной с 1963 г. и трактующей этого деятеля исключительно как буржуазного реформатора-патриота. Ссылками на этот труд подкреплены и рассуждения Ви о причинах неудачи реформаторов, к которым он относит неверно выбранные методы борьбы, неготовность к осуществлению программы действий, адекватной сложившейся ситуации, а также опору на внешние силы, которые с самого начала не намеревались долго поддерживать реформаторов, узость социальной базы движения[17].

Старший коллега Ли Чжон Хёна академик АН КНДР Хо Чжон Хо, известный своим участием в авторских коллективах работ, где отражаются повороты официальной историографии, последовательно указывает на реформизм деятелей года Капсин[18].

Приведенные здесь положения направляют нас к следующим выводам.

Во-первых, нет оснований считать, что в годы руководства Ким Чен Ира имела место очередная, третья по счету дискуссия о перево-

роте года Капсин. В течение двух десятилетий научный нарратив об этих событиях воспроизводился без существенных изменений, хотя работы отдельных лет требуют, несомненно, углубленного анализа с позиции их соответствия широкодоступному нарративу, представленному литературой для учащихся и молодежи в целом.

Что касается политического нарратива, то он был призван подтверждать видение сути капсинских событий, выработанное в ходе второй дискуссии историков КНДР по этому вопросу, и с начала 1990-х годов только дополнительно закрепляется. Именно этим, а вовсе не стремлением изменить ход обсуждения проблем буржуазного движения конца XIX в. можно объяснить переиздания труда «О правильном подходе к перевороту года Капсин».

Во-вторых, известные в КНДР специалисты по политической и экономической истории последних десятилетий династии Ли, в том числе и те, чьи работы нередко сигнализировали о сменах подходов официальной историографии (Ли Чжон Хён, Хо Чжон Хо), более склонны относить действия Ким Ок Кюна и его соратников к «реформе», нежели к «революции». Ученые этой группы изображают деятельность *кэхва ундон* именно как стремление к претворению в жизнь установок, изменяющих положение в тех или иных аспектах текущей ситуации, но не вызывающих непосредственно быстрой смены последней. Отмечается, что эти изменения должны были случиться при участии весьма ограниченной по численности прослойки населения Кореи того времени.

В-третьих, взгляды руководителей ТПК на революцию, которые частично выражаются в признании последней протяженным во времени процессом, нацеленным на избавление от зависимости извне, еще с 1980-х годов не оставляют вариантов отнести переворот года Капсин к числу революционных событий.

Примечания

[1] *Петров Л.А.* Воссоздание героического прошлого: Чучхе в современной корейской историографии // Вопросы истории Кореи. СПб., 2004. С. 95—114.

[2] *Ли Чжон Хен*. Чосон бурычжоа минчжок ундон са : [История буржуазного национального движения в Корее]. Пхеньян, 2010. 508 с.

[3] См.: *Ли Хва Сон*. Чосон кончхук са (вонси—кындэ пхн) : [История архитектуры Кореи (первобытная эпоха — новое время)]. Пхеньян, 2012. 360 с.

[4] *Ким Чен Ир*. Капсин чонбён-ыль олькхе пхёнгахальде тэхаё : [О правильном подходе к перевороту года Капсин]. Пхеньян, 2011. 8 с.

[5] Каталог продукции Korean Publications Export & Import Corporation. Январь 2019.

[6] Екса сачжон 1 : [Исторический словарь. Т. 1]. Пхеньян, 1999. 428 с.

[7] Чосон чхульпханмуль мокрок = Каталог корейских изданий. Пхеньян, 2016. 472 с.

[8] *Ли Мен Сук*. Чосон екса инмуль 3 : [Фигуры корейской истории. Т. 3]. Пхеньян, 2011. 304 с.

[9] Там же. С. 199—201.

[10] *Кан Сок Хы*. Choson дэвэ гванге са 3 : [История международных отношений Кореи. Т. 3]. Пхеньян, 2012. 280 р.

[11] *Ли Хва Сон*. Указ. соч. С. 360

[12] *Ким Чхан Хван, Кан Сок Хи*. Очерк корейской истории. Кн. 2 / пер. с кор. Хан Бен Чжо, Ли Док Ман. Пхеньян, 1995. С. 15—22; *Пак Ён Хэ*. Ёкса ияги (кынсе пхён 1) : [Исторические рассказы (новое время, ч. 1)]. Пхеньян, 2004. С. 237—244.

[13] *Юн Чжон Хан*. Ким Ок Кюн и «Чхидорякрон» // Чхоллима. Пхеньян, 2007. № 6. С. 91.

[14] *Ли Чжон Хён*. Указ. соч. С. 52.

[15] Ким Чен Ир. Об идеях чучхе. Пхеньян, 1989. С. 10—103.

[16] *Ли Чжен Хен*. Указ. соч. С. 76.

[17] *Ви Гван Нам*. Чосон тандэ са (Личжо са 11) : [Отдельные периоды истории Кореи. Династия Ли. Вып. 11]. Пхеньян, 2011. С. 31—97; *Ким Чен Ир*. Капсин чонбён-ыль олькхе пхёнгахальде тэхаё : [О правильном подходе к перевороту года Капсин]. С. 1,7.

[18] Чосон чхульпханмуль мокрок = Каталог корейских изданий. С. 203—210.

References

1. *Petrov L.A.* Vossozdaniye geroicheskogo proshlogo: Juch'e v sovremennoi koreiskoi istoriographii // Voprosi istorii Korei. Spb., 2004. [Restoring the Glorious Past: North Korean Juch'e Historiography]. P. 95—114.

2. *Li Chong Hyon*. Choson burujyoa minjok undong sa : [History of Korean Bourgeois National Movement]. Rev. ed. Pyongyang, 2010.

3. *Li Hwa Son* (2012). Choson konchuk sa (wonshi—kundae phyon) : [Korean History of Architecture (Primitive to Modern Times)]. Rev. ed. Pyongyang, 360 p.

4. *Kim Jong Il* (2011). Kapsin chongbyonul olke phyongga halte tae hayo : [On Making an Accurate Appraisal to the Kapsin Coup]. Pyongyang, 8 p.

5. Korean Publications Export & Import Corporation. Catalogue of publications. January 2019.

6. Ryoksa sajon 1 (1999) : [Dictionary of History, vol. 1]. Pyongyang. 428 p.

7. Чосон чхульпханмуль мокрок = Каталог корейских изданий. Пхеньян, 2016. 472 с.

8. *Li Myong Suk* (2011). Choson ryoksa inmul 3 : [Famous Koreans in History. Vol. 3]. Pyongyang. 304 p.

9. Ibidem. P. 199—201.

10. *Kang Sok Hui* (2012). Choson taeve kwangye sa 3 : [Korean History of Foreign Relations, vol. 3]. Rev. ed. Pyongyang. 280 p.

11. *Li Hwa Son* (2012). Choson konchuk sa (wonshi—kundae phyon) : [Korean History of Architecture (Primitive to Modern Times)]. P. 360.

12. *Kim Chang Hwan and Kang So Hui* (1995). Ocherk koreiskoi istorii : [Outline of Korean History]. Vol. 2. Pyongyang, pp. 15—22; *Pak Yong Hae* (2004). Ryoksa iyagi (kundae p'yon 1) : [Historical Stories (Modern Times 1)]. Pyongyang, 237—244.

13. *Yun Jong Whan*. Kim Ok Kyun and “Chidoryakron”. 21.02.2009. URL: http://uriminzokkiri.com/index.php?ptype=commonsense&no=1821 (accessed: 21.02.2019).

14. *Li Chong Hyo*. Ibidem. P. 52.

15. *Kim Jong Il*. Ob ideyakh chuchkhe : [On the Juche Idea]. Pyongyang, 1989, pp.10—103 (in Russ.).

16. *Li Chong Hyon*. Choson burujyoa minjok undong sa : [History of Korean Bourgeois National Movement]. p. 76.

17. *Wi Gwang Nam* (2011). Choson tandae sa (Lijo sa 11) : [Korean History of Separated Dynasties. Li Dynasty, vol. 11]. Pyongyang. 264 p.

18. Choson ch'ulp'anmul mokrok = Catalogue of Korean Publications (2016). Pyongyang. 472 p.

С.О. Курбанов

ПЕРВЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ-КОРЕЕВЕД ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КИМ ПЁН-ОК (1874—?): НЕИЗВЕСТНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

Если история российского корееведения 1940-х — 2010-х годов известна относительно хорошо, то в истории дореволюционного корееведения есть еще много белых пятен, в том числе жизнь и деятельность первого преподавателя корейского языка в Санкт-Петербургском Императорском университете — Ким Пён-ока. До недавнего времени об этом человеке не было известно ничего, кроме его имени и того, что он, занимаясь педагогической деятельностью, подготовил два учебника по корейскому языку.

Однако 2018 г. принес поистине замечательное открытие: был обнаружен текст уникального интервью, в котором Ким Пён-ок совершенно неожиданно предстает не только как профессионал, но и как человек, патриот своей страны.

Ключевые слова: Ким Пён-ок, корейский язык, преподавание, биография, интервью, профессионализм.

В России корейский язык изучают с конца XIX в. Еще в 1874 г. русский православный миссионер издал корейскую азбуку[1] для корейского населения российского Дальнего Востока. С конца XIX в. впервые в Европе корейский язык стали преподавать в Санкт-Петербурге.

Санкт-Петербургский государственный университет, ведущий свою историю со времен Российской империи (с 1724 г.), является не только старейшим российским высшим учебным заведением, но и обладает одной из наиболее фундаментальных школ востоковедения. Именно здесь в 1897 г. началось профессиональное преподавание корейского языка. Время это неслучайно и связано с рядом объективных обстоятельств, в том числе и с политикой России на Дальнем Востоке.

1. К истории начала преподавания корейского языка

Начало *официальных* дипломатических отношений между Российской империей и Кореей восходит к 1884 г. — времени подписания Договора о дружбе между двумя государствами. В том же году было открыта российская дипломатическая миссия в Сеуле. Корейское дипломатическое представительство в Санкт-Петербурге официально появилось значительно позже — только в 1897 г., после ряда событий, произошедших в Корее и подтолкнувших ее к сближению с Россией. Это, прежде всего, убийство государыни Мин японскими военными в 1895 г. и последовавший за этим переезд корейского государя Кочжона в российскую дипломатическую миссию в феврале 1896 г., в которой он оставался до февраля 1897 г. Все это не могло не привести к российско-корейскому сближению и повышению значения Кореи в российской внешней политике в Восточной Азии.

В результате на коронацию императора Николая II в мае 1896 г. в Москву была приглашена делегация из Кореи, которую возглавил посланник Мин Ён-хван (1861—1905), родственник погибшей государыни Мин. Затем делегация отправилась в Санкт-Петербург на официальные переговоры, которые продлились до августа 1896 г. Тогда же российским правительством был поставлен вопрос о необходимости присылки в Петербург из Кореи преподавателя корейского языка, хотя вопрос о необходимости изучения последнего в России поднимался еще в 1888 г.[2]

В 1897 г. чрезвычайный и полномочный посланник Мин Ён-хван посетил Санкт-Петербург во второй раз, с 17 мая 1897 г. по 1 июня 1897 г. Одной из целей его визита было открытие постоянной

дипломатической миссии в Санкт-Петербурге. Тогда в составе его «посольства» (так иногда не совсем корректно называли миссию) был и «русский переводчик» «Ким Пен-Ок»[3] (Ким Пён-ок; 김병옥). Таким образом, формально первая корейская дипломатическая миссия начала свою работу в мае 1897 г. и просуществовала до 1900 г. Согласно «Дипломатическому вестнику» (Annuaire Diplomatique) за 1898 г. в миссии числились: «Чрезв. посл. и полн. мин.: Генерал Мин-Жонг-Хуан; первые секретари: Мин-Санг-Хо, Мин-Ионг-Тчан, П[ауль]. фон-Раутенфельд, второй секретарь: Ий-Киёй»[4].

Как мы видим, Ким Пён-ока в составе миссии нет. Но «Дипломатический вестник» за 1900 г. дает другую, весьма разноречивую информацию. В его французской части в составе корейской миссии все еще указаны: «Min-Yong-Hwan (ч.м.п.п.), Min-Sang-Ho (1-й секр.), Min Jong-Cha (1-й секр.), P. de Rautenfeld (1-й секр.), Yi-Keui (2-й секр.)» В то же время в русской части[5] того же ежегодника обозначены только два члена корейской миссии: «Чрезв. посл. и полн. мин.: Генерал Мин-Ионг-Хуан и переводчик Пен-Ок-Ким». Таким образом, можно предположить, что из первой дипломатической миссии Мин Ён-хвана в Петербурге оставался только Ким Пён-ок. «Дипломатический вестник» за 1901 г. еще указывает Ким Пён-ока в качестве «состоящего при миссии» корейского посланника Ли Бом-чжина (1852—1911)[6] в 1900 г. Но в последующие годы[7] он в составе корейской миссии уже не упоминается. Причины ухода Ким Пён-ока из дипломатической миссии нам не известны. Однако есть свидетельства о том, что все это время, с осени 1897 г. и, по меньшей мере, до 1917 г., Ким Пён-ок преподавал на факультете восточных языков С.-Петербургского университета[8].

2. Ким Пён-ок. Из истории проживания в Петербурге

Начиная с 1897 г. Ким Пён-ок проживал в Санкт-Петербурге в качестве официального сотрудника корейской дипломатической миссии и преподавателя корейского языка в Санкт-Петербургском Императорском университете. Исходя из того, что он представлял «Корейскую Империю» (1897—1910), можно предположить его корейское гражданство.

Однако позже в «Вестнике Азии» № 52 за 1924 г. в краткой биографической справке о Григории Владимировиче Подставине (1875—1924), первом заведующем кафедрой корейской словесности в Восточном институте (Владивосток) в 1899—1922 гг., выпускнике С.-Петербургского университета, говорилось, о «необязательном курсе корейского языка» «на факультете восточных языков С.-Петербургского университета, где элементарные понятия об этом языке сообщались желающим ознакомиться с ним природным корейцам из числа уроженцев Приамурского края»[9].

Таким образом, разноречивая информация о Ким Пён-оке ставит вопрос о его гражданстве. Сам он, правда, в своем интервью[10], данном петербургской прессе в начале XX в., говорил, что он является «гостем» в России. Таким образом, сам он определял свое гражданство как корейское.

С другой стороны, российские справочные издания начала XX в. иногда называли Ким Пён-ока как «Ким Евгений Николаевич». То есть однозначно он имел еще и русское имя. Но почему?

Об именах, месте службы и адресах проживания первого преподавателя корейского языка в России мы можем узнать из справочного издания (адресной книги) «Весь Петербург»[11]. Информация о Ким Пён-оке публиковалась в нем каждый год начиная с 1899 г. (информация за 1898 г.). Впервые он записан под именем Ким Пен-Ок и ассоциирован с С.-Петербургским университетом. В 1901 г. (информация за 1900 г.) он всего один раз за время публикации справочника обозначен также как «Атташе Корейского Посольства». Начиная с 1905 г. (информация за 1904 г.) в справочнике «Весь Петербург» вместе с корейским именем Ким Пён-ока появляется и его русское (православное) имя — Евгений Николаевич, а также упоминание о его супруге — Марии Матвеевой. Таким образом, можно предположить, что в 1904 г. Ким Пён-ок вступил в брак с русской женщиной. Поскольку в дореволюционной России церемония бракосочетания проводилась в православных церквях, можно также предположить, что перед свадьбой Ким Пён-ок принял православие и взял русское имя. По данным справочника «Весь Петроград», Ким Пён-ок числился при университете по меньшей мере до 1916 г. (издание за 1917 г.). Помимо имени и рода занятий, справочник «Весь Петер-

бург» («Весь Петроград») также указывал и адреса официальной регистрации человека. За время проживания в Петербурге (Петрограде) Ким Пён-ок поменял восемь адресов регистрации. Дольше всего, с 1912 по 1917 г., Ким Пён-ок был зарегистрирован по адресу: 5-я линия Васильевского острова, дом 66. Примечательно, что в настоящее время здесь находится одно из общежитий Санкт-Петербургского государственного университета.

3. Ким Пён-ок и наблюдения тайной полиции 1904 г.

В 1904 г. с началом Русско-японской войны, до тех пор пока Корея еще представлялась союзником России, по крайней мере в первой половине 1904 г., за многими корейцами, проживавшими тогда в Санкт-Петербурге, велось наблюдение тайной полиции[12]. Среди объектов наблюдения были члены корейской дипломатической миссии во главе с посланником Ли Бом-чжином, а также другие «сомнительные корейцы», такие как Надежда Тимофеевна Ким, которая была замужем за русским торговцем и проживала в Петербурге вместе со своим сыном[13]. Среди этих людей оказался и Ким Евгений Николаевич, т. е. Ким Пён-ок, который нередко встречался с Надеждой Тимофеевной Ким по прозвищу «корейка».

В частности, в одной из записей говорилось: «Апрель 19. Надежда Ким в 1 ч. дня вышла из дому с сыном, бонной и преподавателем при СПб. Ун., корейским подданным[14] Евгением Николаевичем Ок-Пйенг Ким, 30 л., (кл. «Брат»), ... отправились в Гостиный Двор, затем в Пассаж, но в магазин не заходили и вернулись домой. Евгений Ким у квартиры наблюдаемой отделился и ... [отправился] в [дом] № 3 по Б. Монетной ул., где он и проживает в кв. 8 вместе с женой Марией Матвеевой, 30 л., и дочерью колл. регистр. Верой Матвеевой Коргузинской, 37 л. (вероятно сестрой Марии Ким.)»[15]. Таким образом, из записей тайной полиции мы можем узнать некоторые важные сведения из жизни Ким Пён-ока:

1. Год рождения Ким Пён-ока: приблизительно 1874.

2. К моменту начала преподавания (1897) Ким Пён-оку было всего 23 года.

3. В год выхода из печати первого учебника корейского языка (1899) Ким Пён-оку исполнилось всего 25 лет.

4. Место фактического проживания Ким Пён-ока не всегда совпадало с местом его регистрации, официально указанном в издании «Весь Петербург».

5. Супруга Ким Пён-ока, Мария Матвеева, принадлежала к сословию чиновников из низших гражданских чинов.

4. Ким Пён-ок как востоковед и человек: материалы интервью

4.1. Ким Пён-ок — преподаватель

Однако сухие статистические сведения из справочников и дипломатических изданий мало что говорят о личных качествах Ким Пён-ока. О его методике преподавания можно узнать, детально изучив первый в мире учебник корейского языка для иностранцев, изданный в Санкт-Петербургском Императорском университете — «Лекции, составленные Ким-Пен-Оком, Преподавателем при Императорском С.-Петербургском Университете, Факультет Восточных языков. Изложенные студентом Л. Бродянским». СПб., 1899. По сути, это пособие — справочное издание по грамматике корейского языка. Учил же Ким Пён-ок, очевидно, используя оригинальные корейские тексты, которые во многих экземплярах хранились в библиотеке факультета восточных языков. Как мы знаем, Ким Пён-ок был переводчиком русского языка, следовательно учил по-русски. Тем более что его супругой была русская женщина, и в своей семье, очевидно, он разговаривал на русском языке.

4.2. Ким Пён-ок — высокообразованный интеллигентный человек

Однако самый интересный материал о Ким Пён-оке как о специалисте и как о человеке дает его интервью одной из Петербургских газет в начале XX в.[16]

Впервые интервью Ким Пён-ока было обнаружено российским китаеведом, который также изучал и историю российской диплома-

тии в Корее, — Александром Николаевичем Хохловым (1929—2015). Однако в своих публикациях он не указал точных выходных данных газеты, поэтому автору настоящей статьи интервью Ким Пён-ока пришлось искать самостоятельно. И эти поиски увенчались успехом.

В своем интервью Ким Пён-ок предстает как человек, прекрасно знающий историю и культуру своей страны, патриот, веривший в помощь России в деле отстаивания независимости Кореи.

Интервью Ким Пён-ока очень критическое. Главный объект критики — это так называемые востоковеды, которые посещали Корею, но так в ней ничего и не поняли, и при этом пытались свои ошибочные знания нести российской общественности.

1. Ким Пён-ок так говорил об «исследователях Кореи»:

«А вот обидно то, что ваши исследователи Кореи выдумывают всевозможные небылицы на наш счет и обыкновенно обнаруживают весьма смутное знание якобы изучавшейся ими страны».

«...Лектор вывез из Кореи множество корейских картин, которые якобы должны служить образчиком развития искусства в Корее. Беда лишь в том, что лектор накупил всякого хлама и наших рыночных картинок, которые у вас носят названия лубочных. .... Нельзя же лубок представлять как лучшие корейские картины».

«Я не стану вам перечислять больше всех курьезов, которые вы можете найти у любого европейского исследователя Кореи».

2. В своем интервью Ким Пён-ок поднимает вопрос неточности корейских географических названий, которые использовались в российской прессе в начале XX в.:

«О перипетиях войны я слежу по русским газетам. Я жадно слежу по карте за передвижением войск, но, увы, — это доставляет мне мало облегчения, так как передаваемые по телеграфу названия различных местностей, где происходят сражения или какие-либо передвижения, я никак не могу узнать сразу, — до того эти названия коверкаются. Например, взять хотя бы Тюренчен. Такого названия нет ни на китайском, ни на корейском языке, и совершенно непонятно, кто его мог придумать. ... И вроде этого почти все названия так извращены».

3. Другим важнейшим моментом в интервью Ким Пён-ока является его критика действий Японии на Дальнем Востоке. Кстати, го-

воря о них, Ким Пён-ок немного упоминает и о своем прошлом в Корее:

«Долгое время я находился близко при особе своего императора, и мне хорошо известны и настроения моих сородичей, и их отношение к нашим заморским пришельцам [т. е. к Японии. — *С.К.*]».

Таким образом, мы узнаем, что долгое время Ким Пён-ок служил при дворе у государя Кочжона. А это означает, что он не мог быть «природным корейцем, уроженцем Приамурского края»[17].

О Японии он говорил, что одно время действительно корейцы хотели пойти за японцами, поверив их девизу «Азия для азиатов», который на деле оказался девизом «Азия для японцев». Но теперь позиция корейцев по отношению к Японии — другая. «Познакомившись с деятельностью японцев за последние годы, мы окончательно от них отшатнулись», — говорил Ким Пён-ок.

4. Общее впечатление о Ким Пён-оке, которое сложилось у корреспондента петербургской газеты, было весьма положительным:

«Типичный кореец, мой собеседник — человек в высокой степени интеллигентный, образованный, знающий, а главное — понимающий положение вещей на Дальнем Востоке».

Заключение

К сожалению, до наших дней сохранилось не столь много информации о Ким Пён-оке — первом преподавателе корейского языка в России и Европе, первом корейском дипломате, постоянно проживавшем в Санкт-Петербурге. Мы не знаем того, что случилось с ним после 1917 г. Причиной тому, отчасти, стали события Первой мировой войны и Октябрьской революции, на волне потрясений которых оказались уничтоженными многие архивные документы. Однако и того, что удалось собрать к настоящему времени, достаточно, чтобы составить хотя бы самое минимальное представление об этом интеллигентном молодом человеке — «типичном корейце», патриоте своей страны, Кореи, у которого появилась новая российская семья и с деятельности которого началось профессиональное преподавание корейского языка, культуры, истории этой страны. Ведь для Г.В. Подставина именно Ким Пён-ок стал первым учителем корейского языка. Так-

же можно предположить, что автор первой грамматики корейского языка, изданной на русском языке в Ленинграде (1938), А.А. Холодович, мог быть знаком с учебником Ким Пён-ока. (По крайней мере, он ссылается в своем сочинении на труды Г.В. Подставина — предположительно ученика Ким Пён-ока.)

И еще есть нечто очень важное в интервью, данном Ким Пён-оком в начале XX в., в котором содержится послание к российским и европейским кореведам, послание, актуальное и в наши дни, содержание которого можно кратко свести к следующим основным пунктам:

1. Нужно внимательно, с особой осторожностью отбирать первоисточники для анализа истории, культуры, словесности Кореи.

2. Нужно стараться не делать однозначных выводов в отношении Кореи и ее народа.

3. Не все то, что говорят о Корее европейцы (представители западных культур), заслуживает однозначного доверия.

4. Необходимо, по возможности, изучая Корею, консультироваться с носителями культуры.

5. Необходимо решить проблему универсализации транскрипции корейских географических названий.

И, пожалуй, самое главное в выводе для нашей статьи:

Ким Пён-ок был не только патриотом Кореи, но и всячески поддерживал развитие российско-корейских отношений, считая, что они могут оказать помощь в отстаивании независимости его страны. Конечно же, международная ситуация начала XX в. во многом отлична от ситуации XXI в. Но здесь важно то, что Россия была, является и готова остаться ближайшим другом и союзником Кореи.

Примечания

[1] *Пьянков В.Г.* Корейская азбука. В пользу корейских школ Южно-Уссурийского края. СПб., 1874.

[2] *Vasiliev A.G., Rachkov G.E.* On the History of Teaching and Researching the Korean Language at the St. Petersburg University // Proceedings of the International Conferecne “100 Years of the Korean Studies at the St. Petersburg University”. SPb., 1997. P. 6.

[3] Транскрипция имени дана как в оригинальном документе.

[4] Все транскрипции корейских имен собственных даны в оригинале, так, как они обозначены в российских официальных изданиях. Очевидно, в связи с отсутствием в то время определенных правил транскрипции русского языка, корейские имена записаны не совсем точно.

[5] «Дипломатический вестник» Российской империи издавался на двух языках: на русском и французском, который на рубеже XIX—XX вв. был языком международного общения.

[6] Ли Бом-чжин (이범진): возглавлял корейскую дипломатическую миссию в Санкт-Петербурге в 1900—1905 гг. Покончил жизнь самоубийством и похоронен в Санкт-Петербурге в 1911 г. Подробнее см. в работах: 1) *Ли Бомджин* (Серия «Российские корейцы»). М., 2002; 2) *Курбанов С.О.* Корейская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге в 1900—1911 гг. (Дятельностиь ч.п.п.м. Ли Бомчжин). Избранные материалы. СПб., 2016; 3) *Пак Б.Б.* Корейская дипломатическая миссия в Российской империи в 1901—1905 гг.: К вопросу о точном местоположении. М., 2017.

[7] По информации из «Дипломатического вестника» за 1902—1905 гг.

[8] *Vasiliev A.G., Rachkov G.E.* On the History of Teaching and Researching the Korean Language at the St. Petersburg University // Proceedings of the International Conferecne “100 Years of the Korean Studies at the St. Petersburg University”. SPb., 1997. P. 6.

[9] Цит. по: *Хохлов А.Н.* Китаист-дипломат Павел Керберг в Китае, Корее, Японии и на Гавайских островах // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 11. СПб., 2009. С. 71.

[10] Об интервью см. настоящую статью ниже.

[11] С 1914 г. издание стало называться как «Весь Петроград».

[12] Впервые материалы тайной полиции (Государственный архив Российской Федерации), в которых приведены записи наблюдений 1904 г. за сотрудниками корейской дипломатической миссии, были обнаружены ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН Б.Б. Пак.

[13] «С 17 апреля 1904 г. в д. № 19 [позже, по другому Делу, см. ниже, л. 17 — кв. 13] по Каменноостровскому проспекту проживает жена Владивостокского 2-й гильдии купца, Надежда Тимофеевна Ким, 29 лет, вместе с сыном Романом, 6 лет, племянницей Екатериной, 11 лет и гувернанткой цеховой г. Риги Розалией-Катериной-Бертой Августовой Келлер. Прописалась Ким из Москвы. Занимает комнату в кв. 18 по указанному адресу, за 18 руб. в месяц». Встречается с офицерами русской армии, отвечающими за снабжение фронта (Русско-японской войны). — Государственный Архив Российской Федерации, Москва. Архивы тайной полиции. Фонд 102. Опись 316. Дело 17.

[14] Следует обратить внимание на то, что материалы тайной полиции обозначают подданство Ким Пён-ока как «корейское».

[15] ГАРФ. Фонд № 102. Опись 316. Дело 2396.

[16] Биржевые ведомости. 1904. № 252. 19 мая (1 июня).

[17] Или же в публикации 1924 г. речь идет о другом, втором корейце, который работал на факультете восточных языков С.-Петербургского Императорского университета.

References

1. *Pyankov V.G.* Korean Alphabet. In favor of the Korean schools of the South Ussuri region. St.-Petereburg, 1874.

2. *Vasiliev A.G., Rachkov G.E.* On the History of Teaching and Researching the Korean Language at the St. Petersburg University // Proceedings of the International Conferecne "100 Years of the Korean Studies at the St. Petersburg University". St. Petersburg, 1997. P. 6.

3. The transcription of the name is given as in the original document.

4. All transcriptions of Korean proper names are given in the original, as they are indicated in Russian official publications. Obviously, due to the absence of rules for the transcription of Korean names in Russian language, Korean names are not exactly spelled out.

5. "The Diplomatic Annuary" of the Russian Empire was published in two languages: in Russian and French, which at the turn of the 19—20 centuries was the language of international communication.

6. Lee Beom-jhin (이범진) was head of the Korean diplomatic mission in St. Petersburg in 1900—1905. He committed suicide and was buried in St. Petersburg in 1911. See details in the books: 1) *Lee Beomjin* (Series "Russian Koreans"). Moscow 2002; 2) *Kurbanov S.O.* Korean diplomatic mission in St. Petersburg in 1900—1911. (Activity of the envoy Lee Boemjin). Selected materials. St. Petersburg, 2016; 3) *Pak B.B.* Korean Diplomatic Mission in the Russian Empire in 1901—1905: On the issue of its exact location. Moscow, 2017.

7. According to information from the "Diplomatic Annuary" for the years 1902—1905.

8. *Vasiliev A.G., Rachkov G.E.* On the History of Teaching and Researching the Korean Language at the St. Petersburg University // Proceedings of the International Conferecne "100 Years of the Korean Studies at the St. Petersburg University". St. Petersburg, 1997. P. 6.

9. Quoted by: *Khokhlov A.N.* A Diplomat and Chinese Studies Scholar Pavel Kerberg in China, Korea, Japan and the Hawaiian Islands // Proceedings of the Center for Korean Language and Culture. Issue 11. St.-Petersburg, 2009. P. 71.

10. About the interview see this article below.

11. Since 1914, the publication became known as the "All Petrograd".

12. The materials of the secret police (the State Archives of the Russian Federation), in which the records of the observations over the staff of the Korean diplomatic mission in 1904 are given, were discovered for the first time by the leading researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences B. B. Park).

13. "From April 17, 1904 in the house No. 19 [later, according to another Folder, see below, p. 17 — apt. No13] on Kamennoostrovsky Prospect lives the wife of Vladivostok 2nd merchant guild, Nadezhda Timofeevna Kim, 29 years old, together with her son Roman, 6 years old, and niece Yekaterina, 11 years old together with the governess from Riga, Rosalia-Katerina-Berta Avgustova Keller. Kim is registered here after she moved from Moscow. She occupies a room in an apt. No 18 at the address pointed above for the rent of 18 rubles per month". According to Archives, she met with the officers of the Russian army, responsible for supplying the front (Russian-Japanese war). See: State Archive of the Russian Federation, Moscow. Archives of the secret police. Fond 102. Inventory 316. Folder No 17.

14. It is necessary to point out the fact that the materials of the secret police note the citizenship of Kim Byeong-ok as "Korean". ГАРФ. Фонд № 102, Опись 316, Дело 2396. (State Archive of Russian Federaton. Fond 102. Inventory 316. Folder 2396).

15. State Archive of Russian Federaton. Fond 102. Inventory 316. Folder 2396.

16. Birzhevye Vedomosti. 1904. No 252. May 19 (June 1).

17. Or, the article published in 1924 indicates another Korean national, the second one, who worked at the Faculty of Oriental Languages of the St. Petersburg Imperial University.

Е.М. Ермолаева

ИДЕОЛОГИЯ И СМИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКИ*

В начальный период истории РК Ли Сын Мана оценивали как «защитника нации», что объясняется как объективными условиями, так и его личной пропагандистской политикой и контролем над СМИ. В РК наблюдалось постепенное разделение прессы на проправительственную и оппозиционную. Сущность спорных вопросов, обсуждаемых в СМИ, менялась. До Корейской войны на Юге были сильны «левые» настроения, однако после 1953 г. идеология антикоммунизма стала общей, а спорные вопросы сместились в сферу государственного управления. Контроль за информацией, представленной в СМИ, распространялся на зарубежные издания.

Ключевые слова: Ли Сын Ман, СМИ, идеология, медиаконтроль.

В зависимости от исторического бэкграунда и идеологической конъюнктуры президентство Ли Сын Мана по-разному оценивалось в южнокорейских политических и академических кругах. У корейцев отношение к своим диктаторам в целом весьма неоднозначное.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования РК и Академии корееведения (AKS-2015-OLU-2250003).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

Интересно, что наряду с критикой и разоблачениями в адрес лидеров авторитарных режимов звучат и одобрительные комментарии. Большую часть подобных отзывов получал и получает президент Пак Чжон Хи за то, что «из отсталой страны сотворил экономического гиганта». Очевидно, что в оценке политики своих президентов корейцы ставят экономический аспект на первое место. Тем удивительнее, что и у режима Первой республики есть свои «защитники»: находятся учёные и политики, которые положительно оценивают президентство Ли Сын Мана и с экономической, и с политической точки зрения.

Современники Ли Сын Мана оценивали его как «борца за независимость», «защитника нации», «патриота». После Апрельской революции 1960 г., в том числе благодаря критике Пак Чжон Хи, Ли называли исключительно «диктатором», его имя связывали с разделением нации, провальной экономической политикой, формируя сугубо негативный образ. «При двенадцатилетней диктатуре Либеральной партии Ли Сын Мана сформировалась экономика потребления... Сельское хозяйство рухнуло; в то время как города выживали за счет... фермеров, в стране процветала коррупция и моральное разложение. Наша нация превратилась в «дряхлого инвалида Дальнего Востока»[1].

Только после 1990-х годов складывается более позитивный имидж Ли Сын Мана: вышел ряд статей, посвященных «патриоту», «лидеру движения за независимость», «сильному политику», боровшемуся с коммунистической угрозой и защищавшему идеалы либеральной демократии. К подобным оценкам прибегают представители консервативных кругов, которые отмечают заслуги Ли Сын Мана в формировании «стабильной связи с США и основ капиталистической системы». В целом на современном этапе, несмотря на критику, большинство корейцев признает, что Ли Сын Ман являлся значимой исторической персоной, благодаря которой «РК осталась на правильной стороне»[2]. «Мудрость антикоммунизма Ли... была в очередной раз подтверждена крахом коммунизма в конце 1980-х годов... Сдерживание коммунизма на Корейском полуострове путем создания сепаратного правительства на Юге стало результатом инициативы человека <...> обладавшего выдающимся политическим инстинктом...»[3].

«Форум учебников» — организация «Новых правых» — в 2008 г. в учебнике по истории предложила следующее обоснование политики Ли Сын Мана: «История показала, что либеральная демократия и рыночная экономика... являются единственным средством достижения материального благополучия и духовного счастья»[4]. Более того, в этом же учебнике консерваторы отмечают, что «земельные реформы Ли Сын Мана положили конец феодальной системе. Класс помещиков исчез, а крестьяне-арендаторы, составляющие большинство населения, превратились в независимых фермеров <...> таким образом, была заложена основа для экономического и демократического развития»[5].

Все вышеприведенные оценки политики Ли Сын Мана показывают, насколько идеологический контекст может влиять на оценку любых событий. Классический диктатор, который «завяз» в политической борьбе, собственных амбициях и зависимости от США, с подачи новых консерваторов превращается в «отца нации». Те же самые идеологические постулаты звучали и в период президентства самого Ли Сын Мана. Другими словами, спустя несколько десятилетий после свержения диктаторского режима Первой республики всё то, что пропагандировал Ли Сын Ман, вновь зазвучало с поправкой на изменившиеся социально-политические и экономические условия.

Для самого Ли Сын Мана его личный имидж и пропаганда проводимой политики были весьма важны, ввиду чего он использовал все доступные для этого инструменты, важнейшими из которых являлись средства массовой информации. Свое отношение к прессе Ли Сын Ман впервые выразил в 1945 г. на собрании Молодежной христианской организации, где отметил, что «важна не свобода СМИ, а ее служение государственным интересам»[6]. В то же время на своей первой пресс-конференции в июне 1948 г., став председателем Национального собрания РК, он говорил: «Нам не нужны СМИ, поддерживающие определённую партию, наша пресса должна быть конструктивной»[7]. «Крестовый поход» за свободу информации и прессы начали еще американцы в 1945 г.: наряду с мерами по контролю за СМИ, они «изживали старую медиа-систему, очищая ее от пережитков авторитаризма»[8]. Перехватив инициативу в августе 1948 г., Ли Сын Ман отмечал, что «важнейшими принципами, кото-

рые правительство РК будет защищать, являются свобода прессы, собраний, религий, волеизъявления...»[9]. Сам Ли Сын Ман не видел противоречий в своих высказываниях, считая необходимым использовать западный опыт и восточный менталитет, формируя некий идеологический гибрид в своих отношениях со СМИ.

После своего возвращения в Корею Ли ввёл практику проведения регулярных пресс-конференций. Среди журналистов были представители иностранной, по большей части американской прессы, на которую политик стремился оказать влияние, рассказать о корейских проблемах. Такая активность объясняется интенсивной идеологической политикой, которая заключалась в попытке внедрить идею «народного единства», убедить корейский народ и США в необходимости уничтожения коммунизма и похода на Север. Собственно, лейтмотивом большинства его обращений являлись разоблачения «коммунизма» и «марионеточного режима на Севере».

На протяжении всей своей политической карьеры Ли идентифицировал коммунизм как «зло», которое нужно было искоренить как в Корее, так и во всём мире. Ли Сын Ман полагал, что способ объединить Корею только один — уничтожить коммунистический режим на Севере, для чего ему нужна была поддержка США. Однако после окончания Корейской войны у наметившейся во второй половине 1950-х годов тенденции на улучшение климата в рамках биполярных отношений «Восток—Запад» и стремления западных держав к мирному сосуществованию с коммунистами шансы на подобный исход стали невелики. Одновременно с уменьшением внешнеполитической напряженности Ли Сын Ман терял главную опору своей агрессивной идеологии и основу для легитимности своей власти в Корее — снижался всеобщий страх перед коммунистической угрозой.

Вашингтон, главный «партнер» Сеула, в обращениях к которому Ли Сын Ман, не стесняясь в выражениях, призывал к освободительной войне на Корейском полуострове, оставлял без внимания резкие высказывания южнокорейского президента и игнорировал его призывы к «маршу на Север». Под давлением США в послевоенный период жёсткая риторика Ли Сын Мана в адрес КНДР в прессе начинает меняться: вместо призывов к войне Ли начинает говорить о «защите мира на полуострове». Так, если в ноябре 1954 г. Ли ещё просит

военной помощи у Эйзенхауэра для ведения «освободительной войны», то уже в декабре 1954 г. он всего лишь просит «спасти страну от приближающегося кризиса»[10]. Тем не менее свою принципиальную позицию президент Республики Корея не менял. Так, в своей речи 15 августа 1955 г. он утверждал, что реальной проблемой является «не то, как достичь мира, а как бороться с коммунистической агрессией». По его мнению, для того чтобы избавиться от коммунизма, нужно «довести коммунистическую агрессию до апогея, вернувшись, таким образом, к начальному уровню напряженности»; президент отрицал возможность поддержания хрупкого мира, апеллировал к необходимости эскалации конфликта и радикальному его решению — войне.

Логике борьбы с коммунизмом соответствовала и политика президента Первой республики по отношению к СМИ. В рамках политического курса, направленного на укрепление личной власти и контроля над социумом, Ли Сын Ман обозначил семь пунктов по ограничению деятельности прессы, заключающемуся в запрете на статьи:

1) идущие вразрез с национальной политикой;

2) направленные на свержение правительства;

3) демонстрирующие признание «марионеточного правительства» на Севере или покровительствующие коммунизму;

4) несущие ложную информацию;

5) которые могут способствовать ухудшению отношений с дружественными государствами;

6) вызывающие общественный резонанс;

7) разглашающие государственные тайны[11].

Очевидно, что все эти семь пунктов полностью лишали СМИ возможности свободно распоряжаться полученной информацией. Пункт 6, запрещавший статьи, оказывающие влияние на общественное мнение, фактически, уничтожал возможность журналистов заниматься своей профессиональной деятельностью. Отвечая на вопросы журналистов по поводу этих пунктов, Ли Сын Ман отмечал, что свобода прессы важна, однако не важнее, чем свобода государства. В дальнейшем эти запреты стали не столько способом оградить информационное поле от коммунистического влияния, сколько оправданием для нападок на политическую оппозицию. В итоге боль-

шинство официальных публикаций стало сугубо пропагандистскими и основанными на идеологических воззрениях Ли Сын Мана.

В целом как в идеологической политике, так и отношениях со СМИ в период президентства Ли Сын Мана можно выделить два этапа. *Первый* — это период до начала Корейской войны, когда левые силы были достаточно сильны и Ли Сын Ман использовал все ресурсы для ограничения их влияния. Этими ресурсом, в первую очередь, являлся Закон о национальной безопасности, во вторую — все вытекающие из него ограничения. Ограничение прессы, которое выражалось во временном или полном закрытии ряда изданий, а также цензуре, было одним из таковых. *Второй этап* — после Корейской войны — характеризовался формированием устойчивых антикоммунистических воззрений, переходом противоречий в другую сферу. В этот период полемика в прессе уже не касалась идеологических аспектов, так как антикоммунизм и логика холодной войны сохранялась во всех политических дискуссиях. В 1950-х годах споры в рядах интеллектуалов в большей степени касались вопросов государственного управления, характера и качества властных структур. Постепенно газеты стали выразителями интересов определенных политических групп и партий — полем для проведения политических дискуссий, разоблачения оппозиции и нападок на конкурентов.

В период Первой республики основное противостояние проходило между правящей Либеральной и оппозиционной Демократической партией, к политическим ресурсам последней относились газеты «Тонъа Ильбо», «Чосон Ильбо». К пролисынмановской газете можно отнести «Соуль Синмун», в то время как существовал ряд так называемых независимых газет, относящихся к «левым правым», таких как «Кёнхан Синмун» (образована представителями христианской церкви).

Несмотря на репрессивные методы Ли Сын Мана, медиа-компании постепенно становятся серьезной силой, поддерживаемой капиталом; эта сила вступает в борьбу за власть и бросает вызов президенту. Политическое противостояние на страницах газет не прекращалось. Так, в мае 1957 г. лидер демократической партии Чо Бен Ок опубликовал в газете «Тона Ильбо» открытое письмо президенту, в котором указывал, что тот ведёт страну к диктатуре. В письме демо-

краты предупреждали Ли Сын Мана, что если он будет продолжать «искоренять политическую демократию, не прислушиваясь к призыву людей, режим будет свергнут народом»[12]. Конфликт не исчерпал себя, а реакция президента была весьма категорична: в августе 1958 г. Ли Сын Маном были приняты поправки к Закону о национальной безопасности, которые позволили, в том числе, в очередной раз проводить политические репрессии и ограничить свободу прессы. Наиболее неоднозначным, на наш взгляд, стал «запрет на распространение информации, которая может быть полезной врагу»[13]. Такая обтекаемая трактовка стала очень удобной для власти.

Для обозначения своей позиции, а также для «ответа на вопросы общественности» Ли Сын Ман широко использовал практику проведения пресс-конференций и интервью. Подобное общение с прессой он позиционировал как единственно верный источник информации по любым вопросам. За период своего президентства он провёл более ста встреч с репортерами. Наиболее активными они были в начальный период президентства, тогда как после окончания Корейской войны Ли предпочитал проводить пресс-конференции не с корейскими, а иностранными корреспондентами. На пике конфронтации с корейскими СМИ в стремлении избежать провокационных вопросов и нападок Ли Сын Ман перешёл к практике интервью, приглашая к себе корреспондентов из необходимых ему изданий. Президент считал, что пресса может ввести в заблуждение народные массы, поэтому должна быть проводником не столько своего личного мнения, сколько мнения официальных лиц. Он говорил: «Ложная информация, которую могут получить граждане РК посредством газет, способна вызвать волнения в массах, запутать их, заставить бороться за реформы, создав тем самым социальные проблемы...»[14]

Необходимо отметить, что интервью и пресс-конференции с иностранными журналистами были для Ли Сын Мана особенно важны, особенно в свете того, что в основном это были американские журналисты, а президент не терял надежду на поддержку США в «освободительной войне». В то же время если посмотреть на статьи, которые публиковались в США и были посвящены Ли Сын Ману, то можно сделать вывод о том, что и американцы стремились удерживать свои СМИ от чересчур резких нападок на южнокорей-

ского лидера. Ещё генерал Ходж говорил: «Американские журналисты не пишут ничего негативного о Ли Сын Мане, потому что я удерживаю их от этого. Мы постоянно сталкиваемся с обстоятельствами, при которых нам приходится конфликтовать с Ли, однако он известная личность, и я пытаюсь удержаться от открытой войны с ним. Я бы хотел иметь дело с ним без вмешательства Вашингтона, поэтому им говорю одно, ему — другое»[15]. Очевидно, что информация, поступающая в американские СМИ, была строго дозированной, Ли Сын Ман, несмотря на ряд противоречий с Вашингтоном, оставался наиболее приемлемой фигурой, способной сдержать распространение коммунизма. Очень наглядное доказательство «особого отношения США» к Ли Сын Ману приводит К. Робинсон в своей научной статье. Она исследует официальные документы и газетные статьи, посвященные Ли Сын Ману, и приводит следующие цифры: только 5,45 % статей содержали откровенно негативную информацию (учитываются крупные издания, которые способны были влиять на общественное мнение американцев), в то время как в американских отчетах Ли критиковался в 39 % случаев[16].

Показательным в отношениях Ли с американской прессой можно назвать «пусанский кризис» 1952 г., который связан с давлением Ли Сын Мана на парламент с целью провести поправку к Конституции. Это способствовало ухудшению его имиджа в глазах международной общественности, и для его восстановления Ли дал ряд интервью, где продемонстрировал свое мастерство политика и оратора. Президент прекрасно оперировал примерами из американской истории, чем смог вызвать положительный отклик у американских журналистов. Кроме того, он говорил об угрозе коммунизма, о том, что, приняв поправку и будучи избранным в президенты, он спас страну от политиков, «купленных коммунистами и японцами». А потому своими незаконными действиями по отношению к парламенту он спас страну, откликнувшись на многочисленные народные призывы. В итоге в очередной раз Ли был назван «спасителем корейской демократии»[17].

Ли Сын Ман любыми способами пытался сохранять «демократический фасад» проводимой им политики, поэтому СМИ были важны ему и для того, чтобы своим существованием демонстрировать заявленную свободу слова, и для того, чтобы использовать их

как инструмент влияния на общественное мнение. Он заявлял о высоком статусе журналиста, в то же время подчеркивая его подчиненную государственным задачам роль. Президент стремился к контролю прессы, однако не всегда имел возможность прямо влиять на публикации ряда оппозиционных медиа, поэтому пытался ограничить количество издаваемых газет и при необходимости применял к их издателям репрессивные меры на основании Закона о национальной безопасности. Несмотря на откровенно диктаторские методы в политике, в СМИ, как в национальных, так и в зарубежных, Ли Сын Ман стремился поддержать реноме «отца нации», действующего исключительно в интересах корейского народа и во имя спасения человечества от коммунистической угрозы.

Примечания

[1] *Park Chung Hee.* Our nation's path. Seoul, 1962. P. 118.

[2] *Macrae K.* Post-Cold War Conservative Reappraisals of Syngman Rhee: Neoliberalism and the New Right // Seoul Journal of Korean Studies. 29. No. 2 (December 2016). P. 331.

[3] *И Хану.* И Сынман 90 нён (кодэхан сэнэ) : [Ли Сынман 90 лет (великая жизнь)]. 1995. Сеул. С. 13—14.

[4] Тэан кёгвасо хангук кын хёндэса / Кёгвасо форум: [Учебник Тэан: современная история Кореи]. Сеул, 2008. С. 148.

[5] Там же. С. 48.

[6] Цит по: *Хван Бону.* И Сынмане оллон сасане кванхан ёнгу : [Исследование политики Ли Сынмана в отношении СМИ]. Магистерская диссертация, 2009. С. 107.

[7] Там же.

[8] *Jae Young Cha.* Media control and propaganda in occupied Korea, 1945—1948: Toward an origin of cultural imperialism. Illinois, 1994. P. 168.

[9] Цит по: *Хван Бону.* Указ соч. С. 107.

[10] *Hong Yong-Pyo.* State Security and Regime Security, President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953—60. Seoul, 2000. P. 90.

[11] *Хван Бону.* Указ. соч. С. 114—115.

[12] *Hong Yong-Pyo.* Op. cit. P. 107.

[13] *Хван Бону.* Указ. соч. С. 127.

[14] Цит по: *Хван Бону*. Указ. соч. С. 155.

[15] Цит по: *Robinson C.* The Impact of Media on U.S. Policy in Korea from 1945—1950: The Portrayal of Syngman Rhee // SNU Journal of International Affairs. 2018. Vol. 3. Issue 1. P. 114.

[16] Ibid. P. 113

[17] *Elliott O.* The American Press and the Cold War: The Rise of Authoritarianism in South Korea, 1945—1954. Springer; Palgrave Macmillan, 2018. P. 165—166.

References

1. *Park Chung Hee*. (1962). Our nation's path. Seoul. P. 118.

2. *Macrae, K.* (2016). Post-Cold War Conservative Reappraisals of Syngman Rhee: Neoliberalism and the New Right // Seoul Journal of Korean Studies. 29, No. 2. P. 331.

3. *I Hanu* (1995). I Seungman 90 nyeon (Keodaehan saengae) [Rhee Syngman 90 years (Great life)]. Seoul. P. 13—14.

4. Taean kyogwaseo keun hyeondaesa (2008) / Kyogwaseo forum [Taean textbook: modern history of Korea]. Seoul. P. 148.

5. Ibid. P. 49.

6. *Hwang Bongu*. (2008). I Seungmane eollon sasange kwanhan yeongu [Study of Rhee Syngman's media policy]. Master's thesis. P. 107.

7. Ibid.

8. *Jae Young Cha*. (1994). Media control and propaganda in occupied Korea, 1945—1948: Toward an origin of cultural imperialism. Illinois. P. 168.

9. *Hwang Bongu*. (2008). Op. cit. P. 107.

10. *Hong Yong-Pyo*. (2000). State Security and Regime Security, President Syngman Rhee and the Insecurity Dilemma in South Korea 1953—60. Seoul. P. 90.

11. *Hwang Bongu*. (2008). Op. cit. P. 114—115.

12. *Hong Yong-Pyo*. (2000). Op. cit. P. 107.

13. *Hwang Bongu*. (2008). Op. cit. P. 127.

14. Ibid. P. 155.

15. *Robinson C.* (2018). The Impact of Media on U.S. Policy in Korea from 1945—1950: The Portrayal of Syngman Rhee // SNU Journal of International Affairs. Vol. 3. Issue 1. P. 114.

16. Ibid. P. 113.

17. *Elliott O.* (2018). The American Press and the Cold War: The Rise of Authoritarianism in South Korea, 1945—1954. Springer; Palgrave Macmillan. P. 165—166.

В.И. Волощак

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ АЛЬЯНСА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ И США ПРИ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРЕ (1953—1961)*

Работа посвящена изучению позиции США по основным вопросам развития военно-политического союза с Республикой Корея в 1950-е годы во время президентства Д. Эйзенхауэра. Среди основных проблем, представших перед альянсом, автор выделяет расхождение позиций политических руководств двух стран по вопросу заключения Договора о взаимной безопасности и подписания соглашения о перемирии в Корейской войне. В работе освещены основные планы и инструменты экономической и военно-технической помощи США Южной Корее. Исследование основано на архивных материалах серии Foreign Relations of the United States (FRUS), а также мемуарной и исследовательской литературе.

Ключевые слова: Республика Корея, США, Ли Сын Ман, Д. Эйзенхауэр, экономическое сотрудничество, военно-политический союз.

Военно-политический союз Республики Корея (РК) с Соединёнными Штатами Америки зародился сразу после разделения Кореи в 1945 г. и прошел через Корейскую войну 1950—1953 гг., и именно в послевоенный период при значительном вкладе администт-

* Работа выполнена при спонсорской поддержке Министерства образования РК и Академии корееведения (AKS-2015-OLU-2250003).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

рации Д. Эйзенхауэра были заложены формальные и сущностные основы альянса двух стран. Перед новым руководством США в 1953 г. предстал целый комплекс политических проблем, основными среди которых можно назвать сложную дискуссию о заключении перемирия в Корейской войне, расхождение позиций американских политических лидеров и президента РК Ли Сын Мана по принятию Договора о взаимной обороне, сложности военного и экономического сотрудничества с послевоенной РК.

Один из первых вопросов, вставших перед новой администрацией, — необходимость тем или иным образом разрешить затянувшуюся Корейскую войну. Несмотря на то что у руководящих кругов США к тому времени уже сложилось понимание, что продолжение военных действий нецелесообразно и сторонам необходимо садиться за стол переговоров, первые месяцы на серьёзном уровне обсуждалось проведение операции по захвату территории Корейского полуострова до линии Пхеньян—Вонсан, которая позволила бы объединить под контролем Республики Корея территорию с основными промышленными базами и 85 % населения. Такая операция могла быть проведена лишь ценой значительных военных потерь, поскольку к марту 1953 г. совокупная военная мощь КНДР и КНР увеличилась более чем вдвое с июля 1951 г.[1] Кроме того, будучи ограниченными соглашением о безопасности от 22 октября 1951 г., США не могли проводить операции в районе Кэсона, где сформировалось «кэсонское убежище» — мощная военная база КНДР, поддерживающая весь западный фронт[2]. Недосягаемыми для США оставались и китайские базы ВВС в Маньчжурии, на которых было сосредоточено около 800 истребителей. В этих условиях у США оставалось лишь две альтернативы: мирные переговоры или применение ядерного оружия (ЯО) по ключевым целям. Но поскольку применение ЯО в Маньчжурии означало бы выход военных действий за пределы Корейского полуострова, возникала вероятность ответного удара со стороны СССР по открытым и уязвимым позициям США в Инчхоне и Пусане. Политические последствия подобных действий со стороны США также представлялись нежелательными, поэтому решение о ядерной бомбардировке не было принято, хотя и Д. Эйзенхауэр, и госсекретарь Дж. Даллес отзывались об этом сценарии как о

«табу, которое рано или поздно придется нарушить»[3]. В целом возможность применения ЯО в Корее в 1953 г. можно рассматривать скорее не как реальную перспективу, а как частное проявление дискуссии в рамках зарождающейся концепции «нового взгляда», которая предполагала повышенную роль неконвенционального оружия в обеспечении национальной безопасности США.

Необходимость заключения перемирия поставила перед США другую важную проблему — позицию Южной Кореи по этому вопросу, высшее руководство которой выступало против прекращения боевых действий. Администрация РК и лично президент Ли Сын Ман провозгласили главной внешнеполитической задачей устранение «красной угрозы» и объединение Кореи на основе РК, для чего, с точки зрения Ли, требовалось лишь такое перемирие, условия которого не предусматривали бы наличия военного контингента КНР на полуострове[4]. США и РК понимали, что добиться этого невоенным путем невозможно, и это давало Ли пространство для политического торга: либо РК принимает перемирие, предварительно получив от США гарантии безопасности в виде Договора о взаимной обороне, либо вооруженные силы РК выходят из подчинения Командованию войск ООН в Корее (далее — Командование ООН) и ведут боевые действия против КНДР без помощи США. Согласно требованиям Ли Сын Мана, изложенным в письме Д. Эйзенхауэру от 30 мая 1953 г., Договор о взаимной обороне должен был включать пункты о немедленной военной поддержке со стороны США в случае внешнего нападения на РК, размещении военного контингента США на полуострове в целях сдерживания противника и военно-технической помощи ВС РК[5].

В целом заключение Договора о взаимной обороне не противоречило интересам США, к тому времени подписавших аналогичные документы с Филиппинами и Японией, однако Вашингтон не мог согласиться с предложенными Ли Сын Маном условиями по ряду причин. *Во-первых*, заключение военно-политического союза до подписания соглашения о перемирии ставило бы последнее под угрозу срыва и, несомненно, вызвало бы ответную реакцию КНДР и КНР. *Во-вторых*, такой сценарий давал бы больше свободы действиям Ли и его сторонникам, поскольку Южная Корея получила бы га-

рантии безопасности, не будучи скованной ограничениями соглашения о перемирии. *В-третьих*, одно из требований Ли относительно перемирия заключалось в одновременном выводе сил США и КНР с территории полуострова[6], и это ставило РК в выгодную военно-стратегическую позицию, так как сдерживание КНДР могло бы осуществляться не только за счёт фактора военных обязательств США, но также и благодаря численному превосходству ВС РК.

Таким образом, до заключения соглашения о перемирии США не были готовы взять на себя союзнические обязательства, но взамен американская сторона предложила сделать программное заявление Д. Эйзенхауэра и согласованное заявление участников коалиции ООН о «расширенных мерах», которые бы отражали намерение США и союзников продолжить воевать на стороне РК в случае внешней агрессии.

По этому поводу в руководстве США возникали разные точки зрения. Помощник министра обороны по вопросам международной безопасности Ф. Нэш выступал за то, чтобы пойти на уступки Ли и заключить Договор о взаимной обороне до перемирия. Противоположный взгляд не исключал и самых радикальных сценариев, в том числе и прямую военную конфронтацию США и РК, а также всерьёз обсуждавшийся план смещения Ли Сын Мана под кодовым названием Everready.

От Ли Сын Мана требовались встречные шаги — принятие перемирия и обязательство сохранить ВС РК под оперативным контролем Командования ООН. Такие меры были необходимы, чтобы предотвратить осуществление продвигаемой Ли идеи «марша на Север» и возобновления войны, а вернее, такой войны, успех которой не был бы гарантирован. Перспективы успешных военных действий практически не просматривались Вашингтоном, а предложение односторонней операции РК тем более было обречено на неудачу. При этом руководство США воспринимало позицию Ли с большой долей осторожности, не считая его шантаж блефом. Для его убеждения США пришлось задействовать свой основной аргумент, а именно угрозу прекращения экономической помощи, логистической поддержки ВС РК и помощи по расширению южнокорейской армии до уровня 20 дивизий. Это позволило США выйти победителем из сложившейся ситуации: несмотря на то что РК не подписала Соглашение о перемирии от 27 июля 1953 г.,

Ли Сын Ман все же не выступил против него, а Договор о взаимной обороне был заключён в выгодный для США срок — 1 октября 1953 г., спустя два месяца после подписания перемирия.

Критически важным вопросом двусторонних отношений стала поддержка разрушенной войной экономики Южной Кореи. Экономическая помощь США и ООН при Д. Эйзенхауэре реализовывалась в следующих формах: программа чрезвычайной помощи гражданскому населению Министерства обороны (*Civilian Relief in Korea, CRIK*), деятельность Агентства ООН по восстановлению Кореи (*United Nations Korean Reconstruction Agency, UNKRA*), прямые выплаты правительства США за местную валюту (составлявшие значительную долю экономической помощи). Военные США участвовали в строительстве объектов, имевших гражданское назначение (дороги, мосты, заводы и железные дороги), в числе прочего можно также отметить содействие США по трудоустройству корейских граждан в различных американских учреждениях[7]. Программным документом действий по экономической помощи стал доклад «Укрепление корейской экономики», подготовленный по результатам поездки в РК в 1953 г. Г. Таски, специального представителя президента США по корейским экономическим вопросам[8]. В качестве основных задач в докладе было указано построение самоподдерживающейся экономики в РК и достижение к 1956 финансовому году уровня жизни, эквивалентного стандартам довоенных 1949—1950 гг. Для выполнения задач в докладе были приведены рекомендации по инвестированию и денежным вложениям, согласно которым в 1954 бюджетном году объем экономической помощи должен был составлять 446 млн долл., в 1955 г. — 348 млн, в 1956 г. — 275 млн долл.

План Г. Таски был взят за основу при планировании экономической помощи, однако на практике этот курс был скорректирован в сторону уменьшения с тем, чтобы ежегодный вклад США на 1954—1957 финансовые годы не превышал 300—400 млн долл. (в 1954 г. — 355 млн), а суммарный объём вложений за эти годы составил от 895 млн до 1 млрд 195 млн долл. Эта помощь была недостаточной, поскольку программу экономического восстановления приходилось сочетать с действиями по укреплению военного потенциала РК, и, несмотря на то что в США пытались разработать общий сбалансирован-

ный план экономической поддержки, объединяющий гражданскую и военную программы, суммарный вклад в РК в 1955 г. составил около 700 млн долл., а к 1957 г. эта цифра выросла до 1,25 млрд. Подобный рост был, в первую очередь, связан с необходимостью увеличить численность армии РК до уровня 20 дивизий. В 1959 г. удалось сократить объем вложений на 22 млн, а в 1960 г. — еще на 10 млн долл.

Кроме того, стоит отметить некоторые проблемные моменты, усложнявшие как планирование программ помощи и оценку экономики РК американской стороной, так и переговоры Вашингтона и Сеула по экономическому сотрудничеству. *Во-первых*, это проблема курса воны и хвана, падение которых происходило на фоне растущей инфляции в послевоенной Корее. В начале февраля 1953 г. РК озвучила требование получить от США возмещение за приобретенную за годы войны валюту в размере 171 млн долл. Эта цифра была основана на курсе воны марта 1951 г., составлявшего 6 тыс. за доллар, в то время как реальная стоимость воны к 1953 г. упала до 18 тыс. за доллар[9]. По версии США общий объём возмещений должен был составить 119 млн, из которых к февралю 1953 г. было выплачено 74 млн долл. Вашингтон был готов пойти на уступки, согласившись дополнительно заплатить 65 млн долл., и именно эта цифра стала предметом активного обсуждения между США и РК. 25 февраля стороны договорились об увеличении размера выплаты до 85 млн долл. в обмен на выгодные для США условия будущих расчетов, согласно которым Командование ООН закупило хван — новую национальную валюту РК — по курсу 180 за доллар. Этот курс был также зафиксирован в Согласованном протоколе американо-корейских переговоров по военному и экономическому сотрудничеству 1954 г., но формальные договорённости пришлось корректировать из-за роста инфляции: 12 августа 1955 г. стороны приняли поправку к Согласованному протоколу, устанавливающую курс валют в размере 500 хванов за доллар[10].

Во-вторых, камнем преткновения между союзниками стал вопрос заключения нового контракта на поставку вольфрама, добывавшегося в РК. Предыдущее соглашение истекало весной 1954 г., и РК, стремившаяся сохранить американский рынок, предлагала заключить новый контракт на условиях продажи одной тонны вольфрама за 63 долл. При мировых ценах на вольфрам, составлявших

около 18 долл. за тонну, США не были готовы продлевать контракт на заявленных РК условиях[11]. Несмотря на то что 80 % вольфрама на мировом рынке в то время производил Китай и для США было важно сохранить добычу южнокорейского вольфрама, РК не имела возможности удешевить процесс производства и предложить новую сделку на взаимовыгодных условиях. Поэтому контракт так и не был заключен, взамен американская сторона пообещала свою помощь по совершенствованию условий добычи вольфрама, чтобы продукция РК смогла стать конкурентоспособной на мировом рынке.

По вопросу военно-технического сотрудничества стороны договорились об экономической, логистической и технической помощи США по увеличению количества дивизий южнокорейской армии с 16 до 20. Эта договорённость была достигнута ещё во время дискуссий о заключении перемирия, и помощь США по укреплению военного потенциала РК являлась одним из главных аргументов для Ли Сын Мана не выступать против соглашения о перемирии. Помимо развития сухопутных сил планировалось увеличить численность и других родов войск: морской пехоты — с 19 880 до 23 500 человек, флота — с 9402 до 10 000, авиации — с 7034 до 9000 человек[12]. Согласно американскому плану, наращивание численности ВС РК являлось временной мерой. К февралю—марту 1954 г. предполагалось достичь потолка в 20 дивизий и по истечении трех лет начать постепенное сокращение ВС до уровня 10 дивизий. Параллельно с этим Командование ООН провело вывод двух американских дивизий с целью сбалансировать общие военные расходы.

Несмотря на то что экономика РК едва справлялась с развитием ВС государства даже при значительных инвестициях США, Ли Сын Ман настаивал на дальнейшем расширении армии до 35—40 дивизий. По оценкам командующего Дальневосточным контингентом ВС США генерала Дж. Халла и председателя Объединенного комитета начальников штабов США адмирала А. Рэдфорда, добиться этого можно было лишь путем всеобщей мобилизации, поэтому взамен США могли пообещать только помощь по тренировке и обучению резервных войск. Кроме этого, было принято решение отправить в Корею генерал-лейтенанта в отставке Дж. Ван Флита с заданием провести обучение в армии РК, а также сделать обзор состояния ВС. Ре-

комендации Ван Флита предполагалось использовать при принятии решения о целесообразности развития южнокорейского резерва, к тому же эта миссия, в некотором роде, имела и политический смысл: экспертное мнение Ван Флита должно было помочь убедить Ли следовать линии Вашингтона по вопросам военного сотрудничества.

Поставленная задача развития 20 дивизий была выполнена к концу марта 1954 г., когда численность армии достигла 655 тыс., а план по увеличению численности личного состава военно-морского флота даже был перевыполнен на 5 тыс. человек. Две из двадцати армейских дивизий при этом были укомплектованы, но их обучение завершено только к осени. В целом американские военные советники, в том числе Ван Флит и вернувшийся из Кореи командующий 8-й армией США генерал М. Тэйлор, пессимистично отзывались о состоянии ВС РК. В числе главных проблем ими отмечалась неопределенность организационной структуры войск: при более-менее устоявшемся размере дивизии в 14 тыс. человек было неясно, каким образом она составлена. Отмечалось также и то, что 65 % офицерского состава имели стаж активной военной службы не более трех лет. М. Тэйлор свидетельствовал о том, что «армия РК поддерживается на максимально низком уровне снабжения ... имеет запасов на 6-7 дней»[13]. В связи с этим задачей США стало не столько укрепление ВС и введение новой военной техники и вооружений, как того требовал Ли Сын Ман, сколько сохранение текущего уровня военного потенциала страны в сложных экономических условиях. Так, США, в некотором роде, «переориентировали» свои усилия на развитие резервных войск, поставив цель увеличить темпы обучения с 10 до 20 тыс. человек в месяц.

Здесь следует отметить и проблему демографического характера: по оценкам М. Тэйлора, в 1954 г. в РК имелось 1 млн 400 тыс. трудоспособных мужчин призывного возраста, и при сохранении текущей численности ВС срок службы фактически повышался до 10—11 лет. То же самое касалось и подготовки резерва, обучение которого на уровне 20 тыс. человек в месяц представлялось возможным лишь в течение двух лет, после чего темпы неизбежно упали до 10 тыс. Предложение Ли Сын Мана о формировании 35—40 дивизий, таким образом, можно считать невыполнимым.

Проблемы экономической целесообразности заставили Вашингтон задуматься и о полном выводе военного контингента США из Кореи. Но по ряду причин, в числе которых наиболее актуальной можно назвать необходимость сохранить ВС РК под оперативным контролем Командования ООН (что было закреплено в Согласованном протоколе 1954 г.), был произведен вывод лишь двух дивизий. В качестве альтернативного способа уменьшить издержки на содержание войск было выбрано введение оружия двойного назначения — ракетных систем Honest John, Corporal, Redstone и 280-мм орудий в 1958—1960-х годах. В развернувшейся дискуссии по этому вопросу Дж. Даллес выступал против размещения оружия в Южной Корее, отмечая негативные политические последствия развёртывания ракет, способных нести ядерный заряд, а также необходимость с нуля создавать инфраструктуру для их введения. Однако, в конечном счете, в Совете национальной безопасности США возобладала иная точка зрения, сторонники которой в соответствии с концепцией «нового взгляда» считали, что США и РК не могут быть «вечно связаны условиями перемирия» и нуждаются в надежном средстве сдерживания своих оппонентов в регионе[14]. Кроме этого, как указывал Р. Катлер, введение оружия двойного назначения могло позволить США сэкономить около 127 млн долл. за четыре года[15].

В заключение можно отметить прагматичность южнокорейского вектора политического курса США, стремившихся сохранить РК в качестве союзника и укрепить свои позиции в Восточной Азии. Вместе с тем присутствовала своего рода гибкость и баланс между политическими и экономическими интересами: для Вашингтона не было жизненно необходимым использование права по Договору о взаимной обороне размещать свои войска на территории РК, и вывод американских сил из Кореи на Окинаву и Гавайи рассматривался как реальная альтернатива, не ослаблявшая позиций США в АТР. В определенном смысле баланс сохранялся и между интересами США и РК, общность целей которых стала менее ощутимой после провала Женевской конференции 1954 г. Во второй половине 1950-х годов Вашингтон фактически признал разделение Кореи как данность и стал строить свою внешнеполитическую стратегию исходя из этого. Главной задачей в развитии

отношений с РК стала поддержка экономики и получение максимального результата при наименьших издержках в сложных для Кореи послевоенных условиях.

Примечания

[1] Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 1 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 865.

[2] *Hermes, W.G.* Truce Tent and Fighting Front / W.G. Hermes. Washington, D.C.: Center of Military History, United States Army, 1992. P. 50.

[3] Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 1 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 827.

[4] Ibid. P. 897.

[5] Ibid. P. 1125—1126.

[6] Ibid. P. 1136.

[7] Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 2 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 1390.

[8] *Brazinsky, G.A.* Nation Building in South Korea: Koreans, Americans and the Making of a Democracy / G.A. Brazinsky. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007. P. 34.

[9] Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 1 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 747.

[10] Foreign Relations of the United States. 1955—1957. Vol. XXIII: Korea, part 2 / ed. by L.J. Smith, G.W. LaFantasie. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1993. P. 147.

[11] Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 2 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 1744.

[12] Ibid. P. 1385.

[13] Ibid. P. 1805.

[14] Foreign Relations of the United States. 1955—1957. Vol. XXIII: Korea, part 2 / ed. by L.J. Smith, G.W. LaFantasie. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1993. P. 357.

[15] Ibid. P. 445.

References

1. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 1 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 865.

2. *Hermes, W.G.* Truce Tent and Fighting Front / W.G. Hermes. — Washington, D.C.: Center of Military History, United States Army, 1992. P. 50.

3. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 1 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 827.

4. Ibid. P. 897.

5. Ibid. P. 1125—1126.

6. Ibid. P. 1136.

7. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 2 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 1390.

8. *Brazinsky, G.A.* Nation Building in South Korea: Koreans, Americans and the Making of a Democracy / G.A. Brazinsky. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007. P. 34.

9. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 1 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 747.

10. Foreign Relations of the United States. 1955—1957. Vol. XXIII: Korea, part 2 / ed. by L.J. Smith, G.W. LaFantasie. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1993. P. 147.

11. Foreign Relations of the United States. 1952—1954. Vol. XV: Korea, part 2 / ed. by E.C. Keefer, J.P. Glennon. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1984. P. 1744.

12. Ibid. P. 1385.

13. Ibid. P. 1805.

14. Foreign Relations of the United States. 1955—1957. Vol. XXIII: Korea, part 2 / ed. by L.J. Smith, G.W. LaFantasie. Washington, D.C.: United States Government Printing Office, 1993. P. 357.

15. Ibid. P. 445.

В.В. Хренов, Е.А. Булатова

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Рабочее движение в Южной Корее формировалось на фоне ускоренной индустриализации 1960—1980-х годов., в течение долгих лет подвергаясь давлению со стороны государства. В 1987 г. оно выступило против режима военной диктатуры и положило начало демократизации профсоюзов. В начале 2000-х окончательно оформилась современная система социально-трудовых отношений Республики Корея. Рабочие стали движущей силой при свержении режима Пак Кын Хе и поддержкой для демократической власти Мун Чжэ Ина. Однако реформы правительства не оправдали ожидания профсоюзов, поэтому забастовки продолжают возникать с новой силой. В данной статье рассмотрены основные этапы формирования профсоюзного движения в Южной Корее, степень влияния профсоюзов на правительство.

Ключевые слова: Южная Корея, профсоюзное движение, профсоюзы, рабочее движение, Мун Чжэ Ин.

Нынешний президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин пришел к власти в мае 2017 г. на волне ненависти населения к коррупции и сговору между политической элитой и семейными конгломератами, доминирующими в экономике. «Демонстрация со свечами», прошедшая в конце 2016 г., призвала выйти на улицу сотни тысяч людей, что привело к импичменту предшественницы Муна, Пак Кын

Хе, и ее тюремному заключению. В январе 2017 г., готовясь к предстоящей борьбе за президентский пост, Мун Чжэ Ин призвал к снижению влияния конгломератов, или *чеболей*, и к созданию так называемой честной экономики, а один из его главных предвыборных лозунгов заключался в призыве создания общества, уважающего труд[1]. Однако волнения трудящихся по-прежнему не утихают, а забастовки становятся все более частым явлением и организуются с присущим корейским профсоюзам масштабом.

В Республике Корея профсоюзы представлены профорганизациями, федерацией профсоюзов и национальными конфедерациями. Профорганизации построены на индивидуальном членстве сотрудников, а федерации профсоюзов устроены по отраслевому принципу. В Южной Корее действуют два общенациональных объединения — Федерация корейских профсоюзов и Корейская конфедерация профсоюзов[2].

Система трудовых отношений в Южной Корее начала складываться в 60-е годы XX в. на фоне формирования рабочего класса. В основе ускоренной индустриализации страны лежала эксплуатация дешевой, неквалифицированной рабочей силы, а основной целью политики производственных отношений была минимизация рабочих конфликтов и увеличение производительности сотрудников. Для достижения поставленных целей государство и работодатели использовали репрессивные способы управления трудящимися и строгие методы контроля над профсоюзной деятельностью. Для усиления влияния государства на рабочее движение правительство Пак Чжон Хи приняло ряд постановлений, касающихся трудового режима и профсоюзов. В 1964 г. были внесены поправки в Профсоюзный акт, принят Закон о решении трудовых конфликтов и Закон о трудовом комитете с целью ограничить политическую деятельность профсоюзных объединений на рабочих местах[3].

Даже Федерация корейских профсоюзов, старейшая профсоюзная организация, не смогла избежать давления сверху, и в 1961 г. она подверглась значительной реструктуризации под контролем государства[4]. Было разрешено остаться только тем представителям, которые были верны правящему режиму, а рабочие были ограничены в борьбе за свои права. Переговоры между предпринимателями и

профсоюзами о заключении коллективного договора были запрещены, а право принятия решений по данному вопросу передавалось государству, что ещё больше ослабило профсоюзы.

По мере дальнейшего экономического развития РК в 1970-е годы репрессии со стороны государства усиливались, а производственные конфликты стали перерастать в социально-политические столкновения, поэтому правительство Пака не могло игнорировать эту проблему и принимало меры по борьбе с ней. Главным его оружием в этом с 1948 г. оставался Закон о национальной безопасности, а основная роль в подавлении производственных конфликтов отводилась органам госбезопасности. В начале 1970-х произошел исторический инцидент, который показал неудовлетворенность рабочих текущей ситуацией и положил начало демократизации рабочего движения. 13 ноября 1970 г. профсоюзный активист Чон Тхэ Иль на глазах у всех совершил акт самосожжения, требуя от правительства обратить внимание на тяжелое положение рабочих[5]. Впоследствии происходит активизация представителей интеллигенции в союзе с религиозными лидерами и студентами в борьбе за расширение прав трудящихся. Так как в 1970-е годы национальная экономика опиралась преимущественно на легкую промышленность, то основным ядром рабочих движений стали женщины, многие из которых были заняты в этой сфере.

Рабочее движение начало свой подъем в начале 1970-х годов. Количество организованных забастовок резко увеличилось, а с середины десятилетия угнетенные рабочие уже сами по себе начали устраивать спонтанные и широкомасштабные протесты. Обычно они пользовались поддержкой антиправительственных активистов, которые также пропагандировали независимость профсоюзов[6].

После убийства Пак Чжон Хи в 1979 г. и свержения его авторитарного режима начали возникать независимые производственные организации. Однако, как и в случае с другими продемократическими, социально-политическими движениями, их деятельность была сильно ограниченна. Во время «Сеульской весны» 1980 г. произошло более 400 акций протеста рабочих. Зачастую они не были хорошо организованы, а основные требования касались повышения заработной платы и улучшения условий труда. После прихода к власти

правительство Чон Ду Хвана еще больше ужесточило контроль над рабочим движением посредством введения ограничения свободы деятельности ассоциаций, запрета на вмешательство в их деятельность третьим лицам и на участие госслужащих в забастовках. Акции протеста «Сеульской весны» не принесли особых результатов, но стали предпосылкой для начала важных событий 1987 г.[7]

Движение рабочих 1987 г. было тесно связано с Июньским демократическим движением, направленным против военной диктатуры. Рабочее движение берет свое начало в г. Ульсан, когда был создан профсоюз предприятия «Хёндэ». Именно этот профсоюз организовал самую масштабную стачку, по итогам которой удалось добиться наиболее значимых успехов в борьбе за повышение заработной платы. Успех забастовки в Ульсане распространился также на города Масан и Чханвон, где были достигнуты похожие результаты. Впоследствии забастовки рабочих начались в городах Пусан, Куми, Инчхон и Сеул и остановили работу множества крупных предприятий, включая «Дэу», «Хёндэ», «Киа» и «Самсунг»[8]. Выступления трудящихся 1987 г. заложили основу для новой организации рабочего движения: в этот раз во главе него стояли мужчины, а стачки проходили на предприятиях тяжелой промышленности. Забастовщики настаивали на либерализации рабочего движения и выдвигали на первый план важность избавления от давления со стороны властей. Большинство забастовок завершилось в пользу трудящихся, которым удалось добиться улучшения условий труда, повышения заработной платы и создания демократических объединений. Таким образом, основным результатом демократизации социально-трудовых отношений стало осознание как со стороны профсоюзов, так и со стороны управленческого аппарата необходимости согласования интересов путем переговоров и мирного диалога.

В первой половине 1990-х годов наблюдался спад активности рабочих движений, но при этом продолжались попытки создания региональных трудовых советов и объединений рабочих на предприятиях[9]. В декабре 1991 г Республика Корея стала 152-м членом МОТ, а в 1996 г. — 29-м членом ОЭСР. В 1993 г. правительство Ким Ён Сама приняло нормативный акт об основах политики занятости.

Вскоре после этого, в 1995 г., была основана национальная система страхования от безработицы[10].

Период после Азиатского финансового кризиса 1997 г. может быть охарактеризован как время противостояния глобализации и реструктуризации[11]. Он ознаменован также появлением Трехсторонней комиссии Кореи, которая была создана правительством Ким Дэ Чжуна в 1998 г. для преодоления последствий финансового кризиса. В этот консультативный орган социального партнерства вошли представители правительства, профсоюзов и работодатели[12]. В 1999 г. получила признание и была легализована Корейская конфедерация профсоюзов. В то время правительство осознало необходимость улучшения качества жизни трудящихся и достижения более гибкой и стабильной занятости.

В результате финансового кризиса многие предприятия оказались разорены, и показатель безработицы достиг 7 %. Благодаря выделению 400 тыс. дополнительных рабочих мест, правительству удалось справиться с послекризисной ситуацией и достигнуть успехов в области занятости. В 2004 г. между правительством, работодателями и профсоюзами был заключен трехсторонний Социальный пакт по созданию рабочих мест. Также был издан специальный Акт о содействии молодежной занятости, который обеспечивал рабочими местами и профессиональной подготовкой молодых специалистов[13]. Незадолго до этого, в сентябре 2003 г., был пересмотрен Закон о трудовых стандартах. С июля 2004 г. на предприятиях была введена 40-часовая рабочая неделя, а в декабре того же года вступил в силу Закон о пенсионном обеспечении, согласно которому устаревшая система выходных пособий образца 1961 г. была заменена накопительной схемой пенсионного страхования работников[14]. Таким образом, в 2004 г. в Южной Корее окончательно оформилась современная система социально-трудовых отношений.

Отношения правительства и профсоюзов начали стремительно ухудшаться с приходом к власти Пак Кын Хе. Многие профсоюзные лидеры других организаций были арестованы и судились по ст. 314 «Препятствие ведению бизнеса». Кроме этого, профсоюзным руководителям предъявляли иски на огромные суммы за «возмещение ущерба», пытаясь разорить и ослабить их[15].

К этому времени давно уже стало понятно, что профсоюзы могут влиять не только на внутрипроизводственные отношения, но и на государственные дела. Злоупотребление властью и нарушение прав трудящихся привело к тому, что в стране профсоюзами неоднократно проводились так называемые демонстрации при свечах против действующего режима Пак Кын Хе, что заложило основу для её импичмента.

Кандидат в президенты от демократов Мун Чжэ Ин сразу занял сторону профсоюзных организаций и в мае 2017 г. дал предвыборное обещание внести значительные изменения в трудовое законодательство. Обещания, касающиеся режима труда и отдыха, включали в себя специальный закон о предотвращении дискриминации временных работников, сокращение рабочих часов, минимальную заработную плату в размере 10 тыс. вон в час к 2020 г., увеличение квоты рабочих мест для молодежи в частных компаниях, повышение объема компенсаций в случае задержки заработной платы[16].

На заседании в декабре 2017 г. президент Мун призвал к компромиссу между трудящимися, работодателями и государством для реализации национальной политики, направленной на формирование в стране социально ориентированной экономики. Мун Чжэ Ин ещё раз подчеркнул, что приоритетом его политики является создание новых рабочих мест, сокращение числа временных сотрудников и повышение эффективности рекрутинга[17].

К временным сотрудникам в Республике Корея принято относить фрилансеров по контракту, временных рабочих и нанимаемых по договору субподряда. К этой категории также относятся работающие в рамках агентского договора аутсорсинга о предоставлении персонала и сотрудники на полставки. Во всем мире вышеуказанные категории трудящихся часто сталкиваются с отсутствием гарантий предоставления рабочего места, скудными заработными платами и плохими условиями труда. Более того, перед такими сотрудниками возникает множество барьеров и препятствий при вступлении в профсоюзные организации. Несмотря на это, в последнее время наметилась тенденция к тому, что всё больше временных сотрудников стало вступать в Корейскую конфедерацию профсоюзов. Сейчас 40 % членов конфедерации — это те, кто занят на непостоянной

основе[18]. Они выступают за предоставление им постоянной занятости в тех организациях, на которые работают последние десятилетия, имеют право голоса и даже могут оказывать влияние на профсоюзные организации в целом.

12 мая 2017 г., вскоре после своей инаугурации на должность президента, Мун Чжэ Ин посетил международный аэропорт Инчхон, где провел встречу с временными сотрудниками аэропорта, которые на протяжении многих лет, работая на низкооплачиваемых должностях, выступали за включение их в постоянный штат. Тогда в ходе встречи Мун пообещал навести порядок в статусе десяти тысяч работников аэропорта, искоренить непостоянную занятость в государственном секторе, а позже распространить эти изменения и на организации частного сектора[19].

Однако из-за пробелов в государственной политике и отсутствия одобрения таких изменений главами предприятий, реализация данных президентом обещаний проходит очень медленно и с упущением многих важных деталей. Временные сотрудники так и не увидели особых перемен за полтора года правления Муна, что впоследствии привело к новой серии забастовок и протестов[20]. Так, в конце ноября 2018 г. члены недавно созданной Корейской федерации социальных услуг и транспорта (KPTU) организовали забастовку, которая длилась полтора месяца, призывая правительство и руководство к изменениям в государственной политике в сфере непостоянной занятости[21].

Мун Чжэ Ин в течение всего времени правления неоднократно заявлял о необходимости демократизации экономики Республики Корея, однако к концу 2018 г. стала очевидна его несостоятельность в реализации своих предвыборных обещаний. Вместо того, чтобы противостоять могущественным *чеболям* — в число которых входят «Самсунг», «LG» и «Хёндэ», — Мун начал говорить о повышении их конкурентоспособности на международном рынке. Эти изменения были вызваны рядом факторов, среди которых можно отметить его угасающую популярность и непрекращающееся соперничество Южной Кореи с Китаем на международной арене.

Более того, южнокорейские конгломераты стали ключевым партнёром в налаживании связей с Северной Кореей. Это стало оче-

видно после того, как президент включил директоров четырёх крупнейших *чеболей* в большую бизнес-делегацию в Пхеньян в сентябре 2018 г. с целью обозначить свое преимущество в экономическом секторе. Этот шаг привел к тому, что популярность Мун Чжэ Ина резко пошла на спад, как и его попытки реализации обещанных экономических реформ. Так, по состоянию на конец ноября 2018 г. рейтинг популярности Муна достиг наименьшей отметки в 48,8 % по сравнению с маем 2017 г., когда он только пришел к власти. Еще в апреле 2018 г., когда Мун Чжэ Ин и Ким Чен Ын встретились для проведения исторического саммита, этот рейтинг достигал 77,4 %[22].

Тем не менее в июне 2018 г. правительством было принято решение снизить максимально допустимую продолжительность рабочего времени с 68 до 52 часов в неделю, включая сверхурочные часы. Этот закон предполагалось распространить в первую очередь на компании с числом сотрудников более 300 человек, общественные организации и государственные предприятия, а к 2020—2021 гг. — также и на малые предприятия. Переутомление на работе является важной проблемой корейского общества. Республика Корея — одна из стран Азиатского региона, чье общество больше всего подвержено стрессу. Кроме того, она также занимает одно из лидирующих мест в мире по числу суицидов[23]. По данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2017 г. продолжительность трудочасов на одного среднестатистического сотрудника в РК составила около 2024 часов в год[24]. По мнению правительства, снижение рабочих часов могло бы дать трудящимся прекрасную возможность проводить больше времени с семьей и даже поможет решить проблему рождаемости в стране.

Однако такие радикальные перемены скорее больше волнуют, чем радуют экономически активное население страны. С одной стороны, многие высказывают опасение того, что сотрудников будут заставлять работать сверхурочно без какой-либо дополнительной оплаты. При этом представители малых и средних предприятий утверждают, что столкнутся с необходимостью расширения штата персонала для того, чтобы восполнить недостаток в производительности, вызванный сокращением максимально допустимого количества трудочасов на человека. С другой стороны, ряд сотрудников компа-

ний полагает, что из-за запрета работать сверхурочно им придётся искать дополнительную работу на неполный рабочий день, чтобы повысить свои доходы[25]. Не особо улучшило ситуацию и повышение минимального тарифа почасовой заработной платы, которая на начало 2019 г. стала составлять 8350 вон[26].

Попытки Мун Чжэ Ина сформировать «честную» экономику в последнее время приводят лишь к разочарованиям со стороны предприятий и трудящихся. Профсоюзы считают, что президент не сдержал своё обещание и недостаточно повысил минимальную заработную плату, а переход к гибкому графику работы они рассматривают как еще один вариант возможности эксплуатации сотрудников. 21 ноября 2018 г. под руководством Федерации корейских профсоюзов более 150 тыс. рабочих устроили забастовку, обвиняя правительство в проведении политики, ориентированной скорее на интересы *чеболей*, нежели рядовых трудящихся[27].

Таким образом, в силу вышеуказанных факторов становится неудивительно то, что южнокорейское профсоюзное движение отстаивает свои интересы, протестуя против нынешней политики государства, носящей антисоциальную направленность вопреки предвыборным обещаниям действующего президента РК Мун Чжэ Ина. Проблема состоит, прежде всего, в отсутствии конструктивного диалога и взаимопонимания между правительством, профсоюзами и трудящимися. Последним лишь остается отстаивать свои трудовые права и надеяться на выполнение данных президентом обещаний в логичной и последовательной манере.

Примечания

[1] KCTU's Social General Strike and Labor Movement Priorities in the Moon Jae-in Era, 2017. URL: http://www.zoominkorea.org/kctus-social- general-strike-and-labor-movement-priorities-in-the-moon-jae-in-era/ (дата обращения: 22.12.2018).

[2] *Байгереев М.* Южная Корея: модернизация трудовых отношений и социальное партнерство, 2011. URL: http://profrisk.ru/korea/ (дата обращения: 17.12.2018).

[3] *Kwon Seong-Ho.* Industrial relations in South Korea: A Historical Analysis // School of Industrial Relations and Organizational Behavior, 1997. P. 11.

URL: http://wwwdocs.fce.unsw.edu.au/orgmanagement/WorkingPapers/WP112.pdf (дата обращения: 21.12.2018).

[4] *Bae Kiu-Sik, Cho Seong-Jae*. Labor Movement in Korea // Korea Labor Institute, 2004. URL: http://www.kli.re.kr/kli_eng/elabor/26/papers/IssuePaper_KSBae.pdf (дата обращения: 22.01.2019).

[5] 2018 전태일열사 정신계승 전국노동자대회 시작됐다 // 노동과 세계 (Парад рабочих 2018 г., посвященный памяти Чон Тхэ Иля // Труд и мир), 2018. URL: http://worknworld.kctu.org/news/articleView.html?idxno=248575 (дата обращения: 21.12.2018).

[6] *Lee Chang-Won*. Labor and Management Relations in Large Enterprises in Korea: Exploring the Puzzle of Confrontational Enterprise-Based Industrial Relations // Cornell University, International Labor Relations School, 2005. URL: https://digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1020&context=intlvf (дата обращения: 03.02.2019).

[7] *Bae Kiu-Sik, Cho Seong-Jae*. Op. cit. URL: http://www.kli.re.kr/kli_eng/elabor/26/papers/IssuePaper_KSBae.pdf (дата обращения: 22.01.2019).

[8] Great Workers' Struggle in South Korea. URL: https://libcom.org/history/1987-the-great-workers-struggle (дата обращения: 22.01.2019).

[9] *Minns J*. Labour History // Liverpool University Press, 2001. № 81. P. 190.

[10] *Байгереев М.* Указ. соч. URL: http://profrisk.ru/korea/ (дата обращения: 17.12.2018).

[11] *Bae Kiu-Sik, Cho Seong-Jae*. Op. cit. URL: http://www.kli.re.kr/kli_eng/elabor/26/papers/IssuePaper_KSBae. pdf (дата обращения: 22.01.2019).

[12] *Сигида Ю. С.* Социальный аспект влияния финансово-промышленных групп чеболь на развитие Южной Кореи во второй половине XX — начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 142.

[13] *Байгереев М.* Указ. соч. URL: http://profrisk.ru/korea/ (дата обращения: 17.12.2018).

[14] Там же.

[15] Права профсоюзов под властью правительства Пак Кын Хе. URL: https://rkrp-rpk.ru/2014/03/04/права-профсоюзов-под-властью-правите/ (дата обращения: 10.01.2019).

[16] *Kang Hee-Chul, Cho Sang-Wook, Park Jae-Woo, Lee Soo-Jung, Mandel C*. South Korea's New President Moon Jae-In's Campaign Promises On Labor Issues What Changes Should You Prepare For? // Yulchon LLC, 2017. URL: http://www.mondaq.com/x/595390/employee+rights+labour+relations/South+Koreas+New+President+Moon+JaeIns+Campaign+Promises+On+Labor+Issues+What+Changes+Should+You+Prepare+For (дата обращения: 01.02.2019).

[17] South Korean President Moon Jae-In calls for social consensus Among Labor, Management // Arirang News. 21.12.2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HLypBKf7yQo&t=6s (дата обращения: 02.02.2019).

[18] *Liem Wol-San*. South Korea's Labor Fight against Moon's "Flexible Work Hour" Policy // Zoom in Korea, 2018. URL: http://www.zoominkorea.org/interview-s-koreas-labor-fight-against-moons-flexible-work-hour-policy/ (дата обращения: 21.12.2018).

[19] KCTU's Social General Strike and Labor Movement Priorities in the Moon Jae-in Era, 2017. URL: http://www.zoominkorea.org/kctus-social-general- strike-and-labor-movement-priorities-in-the-moon-jae-in-era/ (дата обращения: 22.12.2018).

[20] 깊어지는 갈등...비정규직 노동자들은 왜 거리로 나섰나 (Обостряющийся конфликт... почему временные рабочие вышли на улицу?) // KBS News. 2018. С. 8. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZlosOERIxs4 (дата обращения: 21.12.2018).

[21] *Liem Wol-San*. Op. cit. URL: http://www.zoominkorea.org/interview-s-koreas-labor-fight-against-moons-flexible-work-hour-policy/ (дата обращения: 21.12.2018).

[22] *Denyer S.* South Korea's President Once Decried Powerful Tycoons. Now He Needs Them to Woo Pyongyang // The Washington Post, 2018. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/south-koreas-president-once-decried-powerful-tycoons-now-he-needs-them-to-woo-pyongyang/2018/12/08/dfff8020-eefb-11e8-9236-bb94154151d2_story.html?noredirect=on&utm_term=.f848240f1dad (дата обращения: 22.01.2019).

[23] *Smith N.* South Koreans Forced to Relaxed Under New Overtime Rules Limiting Working Week to 52 Hours // The Telegraph, 2018. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/07/02/south-koreans-forced-relax-new-overtime-rules-limiting-working/ (дата обращения: 03.02.2019).

[24] Hours' work // OECD Data, 2018. URL: https://data.oecd.org/emp/hours-worked.htm (дата обращения: 01.02.2019).

[25] *Smith N.* Op. cit. 2019 년 최저임금 8,350 원 ... 최소 월급174 만 5 천 150 원 («Минимальная почасовая заработная плата в 2019 г. 8.350 вон... минимальная месячная заработная плата 1.745.150 вон») // SBS News, 2018. URL: https://news. sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1004847426 (дата обращения: 01.02.2019).

[26] 2019 년 최저임금 8,350 원 ... 최소 월급 174 만 5 천 150 원 («Минимальная почасовая заработная плата в 2019 г. 8.350 вон... минимальная месячная заработная плата 1.745.150 вон») // SBS News, 2018. URL: https://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1004847426 (дата обращения: 01.02.2019).

[27] *Lee Soo-Kyoung.* Thousands protest South Korea's lack of labor reforms // Al Jazeera, 2018. URL: https://www.aljazeera.com/news/2018/11/thousands-protest-south-korea-lack-labour-reforms-181121132123901.html (дата обращения: 01.02.2019).

References

1. *Baygereyev, M.* (2011). South Korea: modernization of labor relations and social partnership. URL: http://profrisk.ru/korea/ (accessed: 17.12.2018).

2. Trade Union rights under the government of Park Geun-Hye. URL: https://rkrp-rpk.ru/2014/03/04/права-профсоюзов-под-властью-правите/ (accessed: 10.01.2019).

3. *Sigida, Iu. S.* (2014). The social aspect of the impact of financial and industrial groups chebol on the development of South Korea in the second half of XX — early XXI century // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014, No. 379. P. 140—144.

4. *Bae, Kiu-Sik., Cho, Seong-Jae.* (2004). Labor Movement in Korea // Korea Labor Institute. URL: http://www.kli.re.kr/kli_eng/elabor/26/papers/IssuePaper_KSBae.pdf (accessed: 22.01.2019).

5. *Denyer, S.* (2018). South Korea's President Once Decried Powerful Tycoons. Now He Needs Them to Woo Pyongyang. In The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/south-koreas-president-once-decried-powerful-tycoons-now-he-needs-them-to-woo-pyongyang/2018/12/08/dfff8020-eefb-11e8-9236-bb94154151d2_story.html?noredirect=on&utm_term=.f848240f1dad (accessed: 22.01.2019).

6. Great Workers' Struggle in South Korea. URL: https://libcom.org/history/1987-the-great-workers-struggle (accessed: 22.01.2019).

7. Hours' work. In OECD Data, 2018. URL: https://data.oecd.org/emp/hours-worked.htm (accessed: 01.02.2019).

8. *Kang, Hee-Chul., Cho, Sang-Wook., Park, Jae-Woo., Lee, Soo-Jung., Mandel, C.* (2017). South Korea's New President Moon Jae-In's Campaign Promises On Labor Issues What Changes Should You Prepare For? URL: http://www.mondaq.com/x/595390/employee+rights+labour+relations/South+Koreas+New+President+Moon+JaeIns+Campaign+Promises+On+Labor+Issues+What+Changes+Should+You+Prepare+For (accessed: 01.02.2019).

9. KCTU's Social General Strike and Labor Movement Priorities in the Moon Jae-in Era. 28.07.2017. URL: http://www.zoominkorea.org/kctus-social-general-strike-and-labor-movement-priorities-in-the-moon-jae-in-era/ (accessed: 22.12.2018).

10. *Kwon, Seong-Ho* (1997). Industrial relations in South Korea: A Historical Analysis // School of Industrial Relations and Organizational Behavior. 30 p. URL: http://wwwdocs.fce.unsw.edu.au/orgmanagement/WorkingPapers/WP112.pdf (accessed: 21.12.2018).

11. *Lee, Chang-Won* (2005). Labor and Management Relations in Large Enterprises in Korea: Exploring the Puzzle of Confrontational Enterprise-Based Industrial Relations // Cornell University, International Labor Relations School. URL: https://

digitalcommons.ilr.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1020&context=intlvf (accessed: 03.02.2019).

12. *Lee, Soo-Kyoung* (2018). Thousands protest South Korea's lack of labor reforms // Al Jazeera. URL: https://www.aljazeera.com/news/2018/11/thousands-protest-south-korea-lack-labour-reforms-181121132123901.html (accessed: 01.02.2019).

13. *Liem, Wol-San* (2018). South Korea's Labor Fight against Moon's "Flexible Work Hour" Policy // Zoom in Korea. URL: http://www.zoominkorea.org/interview-s-koreas-labor-fight-against-moons- flexible-work-hour-policy/ (accessed: 21.12.2018).

14. *Minns, J.* (2001). Labour History // Liverpool University Press, No. 81. P. 175—195.

15. *Smith, N.* (2018). South Koreans Forced to Relaxed Under New Overtime Rules Limiting Working Week to 52 Hours. In The Telegraph. URL: https://www.telegraph.co.uk/news/2018/07/02/south-koreans-forced-relax-new-overtime-rules-limiting-working/ (accessed: 03.02.2019).

16. South Korean President Moon Jae-In calls for social consensus Among Labor, Management // Arirang News, 21.12.2017. URL: https://www.youtube.com/watch?v=HLypBKf7yQo&t=6s (accessed: 02.02.2019).

17. The escalating conflict ... why are the temporary workers out on the street? // KBS News, 21.12.2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZlosOERIxs4 (accessed: 21.12.2018).

18. Parade of workers in 2018, dedicated to the memory of Chun Te Il. In Labor and peace. 10.11.2018. URL: http://worknworld.kctu.org/news/articleView.html?idxno=248575 (accessed: 21.12.2018).

19. Minimum hourly wage in 2019 8,350 KRW... minimum monthly wage 1,745,150 KRW // SBS News, 14.07.2018. URL: https://news.sbs.co.kr/news/endPage.do?news_id=N1004847426 (accessed: 01.02.2019).

Глава 3
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

М.В. Солдатова

ЮЖНОКОРЕЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: ТВОРЧЕСТВО ПАК МИНГЮ И КИМ ЁНХА

Сравнивая произведения двух самых известных южнокорейских постмодернистов Пак Мингю и Ким Ёнха (в частности, рассказы из сборников «Бисквит» и «Никто не узнает...»), автор статьи выясняет, есть ли в их творчестве общие черты, которые можно считать специфически корейскими; очерчивает культурные поля, в рамках которых действуют авторы; анализирует литературные приемы, которыми они пользуются. В статье рассматривается, насколько творчество этих писателей «переводимо» на русский язык, в какой степени пострадают при переводе составляющие текста; можно ли обеспечить русскому читателю возможность участия в создании смысла переводных постмодернистских произведений; каким образом рассматриваемые произведения способствуют знакомству русского читателя с корейской культурой.

Ключевые слова: корейская литература, постмодернизм, Пак Мингю, Ким Ёнха, переводимость.

Чарльз Монтгомери в своем блоге о корейской литературе пишет: «Вопрос о корейской постмодернистской литературе связан с

более общим вопросом о том, что такое постмодернизм. Описания постмодернизма чаще оказываются не определительными, а, скорее, объяснительными, касающимися литературных приемов»[1]. Такие приемы включают пародию, парадокс, фрагментацию текста, солипсизм, отказ от метанарратива, смешение высокого и низкого, метаповествование. Мы можем добавить сюда появление разных повествователей (первого и третьего лица, внутреннего и вездесущего внешнего, или даже вездесущего внутреннего, как в романе «Безутешные»[2] лауреата Нобелевской премии по литературе Кадзуо Исигуро) и проч.

Основным отличием постмодернизма от модернизма, наследником которого он является, можно, пожалуй, считать отказ от метанарратива. Ж.-Ф. Лиотар, благодаря которому этот термин вошел в обиход, понимал под метанарративом любую объяснительную систему, организующую общество через легитимацию ценностей и определяющую восприятие людьми действительности[3].

Модернисты верили в необходимость ценностей и в значимость прошлого для настоящего. Постмодернисты — в то, что всё на свете иррационально, любые ценности относительны и прошлое с настоящим никак не связано. Если модернистский текст содержит смысл, который нужно разгадать, то постмодернистский — предполагает участие читателя в создании смысла, в игре, целью которой является получение интеллектуального удовольствия.

Хотелось бы, сравнив произведения двух самых известных южнокорейских постмодернистов Пак Мингю [박민규] и Ким Ёнха [김영하], выяснить, есть ли в их творчестве общие черты, которые можно считать специфически корейскими; очертить культурные поля, в рамках которых действуют авторы; проанализировать литературные приемы, которыми они пользуются.

Пак Мингю родился в 1968 г., окончил литературное отделение университета Чунан и дебютировал как писатель в 2003 г. Его писательская манера шокировала литературные круги РК. Чон Юнгиль пишет: «Необычные метафоры и эпитеты, предложения и целые абзацы, написанные в нарушение грамматических правил, структура повествования, при которой исчезают причинно-следственные связи, персонажи, ведущие себя экстравагантно, как мультяшные

герои — его произведения во всех аспектах были нетрадиционными»[4].

Среди произведений Пак Мингю: «Легенды о земных героях» (*지구영웅전설*, 2003) — пародия на истории о супергероях, поднимающая проблему влияния американской культуры на корейскую; «Последний фан-клуб суперзвезд “Самми”» (*삼미 슈퍼스타즈의 마지막 팬클럽*, 2003) о друзьях, в детстве упрямо болевших за посредственную бейсбольную команду, да и в зрелом возрасте не сумевших влиться в общенациональную струю; «Пинг-понг» (*핑퐁*, 2006) о двух мальчишках, подвергающихся травле в школе, где наш мир уподобляется игре в пинг-понг; «Павана для мертвой принцессы» (*죽은 왕녀를 위한 파반느*, 2009) — об отношениях очень красивого мужчины с «безобразнейшей женщиной на свете», где автор критикует культ красоты, захлестнувший Корею. У Пак Мингю вышли два сборника рассказов: «Бисквит» (*카스테라*, 2005) и «Double» (*더블*, 2010). Он был удостоен множества литературных наград: Munhak Tongne New Writer's Award (2003), Hankyoreh Literary Award (2003), Yi Hyo-seok Literary Award (2007), Hwang Sun-won Literary Award (2009), Yi Sang Literary Award (2010). Журнал Korean Literature Now, рассказывая о творчестве писателя, упоминает «надежду на встречу с чудом в обычном мире» и «веру в существование некой силы за пределами нашей реальности, которая может появиться из ниоткуда, чтобы спасти нас от банальности повседневной жизни»[5].

Интереснейшим постмодернистским творением Пак Мингю является он сам. Писатель, похоже, сознательно эпатирует и интригует публику. Это именно он красуется в масках своих любимых мексиканских рестлеров Эль Санто и Блю Демона на обложках двухтомника «Double».

По результатам голосования критиков Пак Мингю был назван «лицом корейской литературы XXI века»[6]. И это, пожалуй, справедливо, потому что он, оставаясь корейцем, создает действительно оригинальные произведения, которые могут быть интересны читателям за пределами его страны. В интервью Korean Literature Now Пак Мингю говорил: «Мое детство пришлось на период, когда Корея была развивающейся страной, где происходил стремительный экономический рост. Я взрослел в обстановке, заставлявшей быть тру-

долюбивым, двигаться с огромной скоростью»[7]. Писатель утверждал, что ненавидел школу.

Ким Ёнха тоже родился в 1968 г. Отец писателя был военным, и семья постоянно переезжала с места на место. В возрасте 10 лет он потерял память в результате отравления угольным газом. Окончив отделение управления бизнесом университета Ёнсе, он отслужил в отделе расследований военной полиции. Ким Ёнха начал карьеру профессионального писателя сразу по окончании службы в 1995 г., выпустив рассказ «Медитация на зеркало» (*거울에 대한 명상*), и уже в следующем году получил награду Munhak Dongne New Writer's Award за роман «Я вправе себя разрушать» (*나는 나를 파괴할 권리가 있다*) о профессиональном «консультанте по самоубийствам»[8]. Теме убийства посвящены такие его книги, как «Почему, Аран?» (*아랑은 왜*, 2001), в основу которой легла старинная легенда, и «Воспоминания убийцы» (*살인자의 기억법*, 2013).

Может показаться, что Ким Ёнха считает относительной ценностью даже человеческую жизнь, однако в интервью International New York Times в 2014 г. он говорил, что в годы, когда вышел его роман «Я вправе себя разрушать», уровень самоубийств в Республике Корея был достаточно низким, никто не мог знать, насколько острой впоследствии станет эта проблема, и сейчас он ни за что не написал бы подобного романа, боясь кого-нибудь подтолкнуть к самоубийству[9].

Можно сказать, что Ким Ёнха в целом тяготеет к наднациональным темам. Среди его книг есть получивший награду Dong-in Literary Award исторический роман «Черный цветок» о корейских мигрантах в Мексике (*검은꽃*, 2003) и роман «Империя света» (*빛의 제국*, 2006) — о северокорейском шпионе, который успел обзавестись семьей в Сеуле. Но если тему первой из этих книг можно счесть специфически корейской, то тема второй, на самом деле, достаточно абстрактна, и по ней вполне могли бы снять фильм, например, в Голливуде. Многие ли из южных корейцев в реальности имели опыт взаимодействия с северокорейскими шпионами?

Ким Ёнха издал несколько сборников рассказов: «Пейджер» (*호출*, 1997), «Что случилось с мужчиной, застрявшим в лифте?» (*엘리베이터에 낀 그 남자는 어떻게 되었나*, 1999), «Возвращение старшего

брата» (*오빠가 돌아왔다*, 2004), «Никто не узнает...»* (*무슨일이 일어났는지는아무도*, 2010), «Только двое» (*오직 두 사람*, 2017).

По его книгам снято несколько фильмов: «Я вправе себя разрушать», «Алая буква» (*주홍글씨*[10]) по мотивам рассказов «Медитация на зеркало» и «Убийство в фотоателье» (*사진관 살인사건*), «Воспоминания убийцы» и «Возвращение старшего брата» (на английском вышел под названием *Total Messed Family)*.

Korean Literature Now утверждает, что Ким Ёнха нет равных в изображении жизни в большом городе. «Обитатели города, выполняющие ультрасовременную работу, ежедневная рабочая рутина и тайные удовольствия, невероятные развлечения, доступные в городе, успехи на работе, которые ведут лишь к еще большему одиночеству. В своем <...> сборнике рассказов «Никто не узнает...» Ким Ёнха демонстрирует талант запечатлевать повседневную, внутреннюю жизнь обитателей города»[11].

В ток-шоу на KBS2 Ким Ёнха заявлял, что не жалеет о том, что не помнит прошлого, потому что быть писателем — значит жить настоящим[12].

Изучая корейскую литературу как иностранец и как переводчик, автор ставит перед собой вопросы: насколько творчество Пак Мингю и Ким Ёнха «переводимо» на русский язык, в какой степени пострадают при переводе его различные составляющие, начиная с ассоциаций и аллюзий, заканчивая соотнесенностью с метанарративом; можно ли обеспечить русскому читателю возможность участия в создании смысла переводных постмодернистских произведений; будут ли такие произведения способствовать знакомству русского читателя с корейской культурой как таковой. Рассмотрим более внимательно два сборника рассказов: «Бисквит» (*카스테라*, 2005) Пак Мингю и «Никто не узнает...» (*무슨일이 일어났는지는 아무도*, 2010) Ким Ёнха.

К основным чертам постмодернизма, требующим особого внимания переводчика, относятся: интертекстуальность[13] — включенность в текст других текстов (свойственная и модернистской литературе); контекстность — обилие неявно выраженной, так называемой

* Под этим названием сборник вышел на русском языке.

имплицитной информации, которая приобретает важность только в конкретном контексте; ослабление авторского начала[14] и выдвижение на первый план читателя, наделяющего текст тем или иным смыслом; уверенность в том, что нет объективной истины, лишь множество субъективных мировоззрений; виртуальность; ирония — юмористическое или саркастическое отношение к миру, где ничто не совершенно; текстоцентричность — восприятие всего вокруг как созданного кем-то текста, послания, которое можно прочесть.

В постмодернистских произведениях могут иметь место отсылки к фактам повседневной жизни, к любым, даже рекламным, текстам. Переводчик должен быть в состоянии их распознать. Он должен хорошо ориентироваться в социокультурном пространстве, в котором появился текст, и улавливать значимые коннотации.

Авторы могут переносить в виртуальную реальность волнующие их вполне реальные социальные, психологические и прочие проблемы, в том числе не близкие читателям, живущим в иной стране. Даже природа юмора неодинакова в разных культурах. Переводчик обязан обладать двойным чувством юмора и дать читателю возможность понять текст каким-либо образом.

Пак Мингю использует весь арсенал постмодернистских художественных приемов. Но при этом не отказывается от ценностей и, соответственно, оценок, пусть завуалированных. Не акцентируя внимания на месте действия, писатель затрагивает болевые точки его страны — Республики Корея: в рассказах сборника «Бисквит» он иронизирует и над «вымышленной традицией» корейского боевого искусства тхэквондо, и над школьными учебными тревогами ввиду северокорейской ядерной угрозы. Очевидно, что Пак Мингю имеет определенное мнение по поводу того, что происходит на его родине.

Андреас Ширмер, который переводил сборник «Бисквит» на немецкий язык, говорил о «горьком, сатирическом изображении безумия капитализма и последствий неолиберализма в Республике Корея». Он отмечал: «Странные персонажи... выступают в качестве изощренных метафор, несущих... мысль, что при нынешнем положении вещей только сверхчеловеческие и внеземные силы... могут обещать спасение»[15].

В рассказе «Нападение королевских кальмаров» (*대왕오징어의기습*) самого большого кальмара (а кальмар в этом тексте символизирует фрустрацию) герои замечают у мэрии. Животные в рассказах Пак Мингю являются такими же полноценными персонажами, как и люди[16]. В рассказе «Торговка йогуртом» (*야쿠르트 아줌마*) перед нами разворачивается вымышленная история исчезновения птиц додо по вине португальских поселенцев. Голодные поселенцы якобы питались птицами, выслеживая их по помету. Чего только не придумывали додо: испражнялись в воду, смешивали свой помет с пометом других животных, и в итоге заполучили абсолютный запор. Запором страдает и повествователь, узнающий благодаря Интернету, что эта проблема есть у множества его соотечественников, большинство из которых испытывает на работе огромный стресс. Все в этом рассказе очень корейское, начиная от столь откровенно обсуждаемой медицинской проблемы, заканчивая торговками йогуртом. Никто в современной Корее не может укрыться от настойчивых требований общества, разве что эти торговки, являющиеся свободными предпринимателями, — они-то и развозят йогурт, помогающий от запора.

В рассказе «Пеликан, скажи “А”!» (*아, 하세요 펠리컨*) трудовые мигранты используют уточек аттракциона, чтобы летать в другие страны в поисках работы. Мужчин, постоянно работающих в других странах на высокооплачиваемых работах и оставляющих семьи на родине, в Корее называют «기러기 아빠» («папа-гусь»). Нет ли в рассказе намека на это явление? Кто из европейцев знает, как выглядит комната в «госивоне» из рассказа «Жизнь в госивоне “Кап-ыль”» (*갑을고시원 체류기*)? Повествователь описывает ее как крошечную, площадью чуть больше двух квадратных метров и без окна. Само сочетание морфем «갑을» (это два первых небесных ствола циклического календаря) намекает на иерархичность корейского общества, поскольку так обозначают стороны в договорах, в частности, руководящую и подчиненную.

Произведения писателя содержат метафоры на всех уровнях: предложений, абзацев, текстов в целом. Пак Мингю с удовольствием играет словами, шутит и дополняет повествование элементами вымысла и фантастики.

Например, части рассказа «Нападение королевских кальмаров» носят названия печатных изданий, которые читают персонажи в том или ином возрасте. Название детского журнала из первой части состоит из двух слов иероглифического происхождения: «소년» [«ребенок (мальчик)»] и «중앙» [«центральный»]. В 1969—1994 гг. редакция одной из крупнейших газет Республики Корея «Чунан ильбо» (중앙일보) издавала детский журнал под таким названием. При переводе названия журнала придется учесть и то, что оно частично совпадает с названием известной газеты, и то, что этот журнал, в котором печатается занимательная, но не очень существенная, а при ближайшем рассмотрении, оказывается, — и неточная информация, претендует на важную просветительскую роль. Названия изданий из других частей можно перевести практически дословно: «Энциклопедия монстров», «Тенденции недели» и «Мир мысли».

Некоторые шутки Пак Мингю опираются на факты западной истории и культуры. Герой рассказа «Бисквит» говорит, что его холодильник в прошлой жизни наверняка был хулиганом, а сам он чувствует себя перед ним, как пострадавший итальянский болельщик, напоминая нам о трагедии, произошедшей в Бельгии на стадионе «Эйзель» в 1985 г.

Если игру слов и шутки переводчик должен понимать и, в случае необходимости, перестраивать, то с ассоциациями, которые неизбежно возникают в поле не «чужого», а «своего», ситуация особая. Мы не во всех случаях можем сказать наверняка, на какую читательскую реакцию рассчитывал автор. Но в этом, наверное, нет ничего страшного, ведь постмодернистская литература и должна приглашать читателя к сотворчеству.

Так, сам принцип смешения реальности и фантастики в рассказе «Нападение королевских кальмаров» заставляет западного читателя вспомнить легенду о том, как в 1938 г. в США слушатели CBS приняли радиопостановку романа Г. Уэллса «Война миров» за реальный новостной репортаж и, поверив в нападение марсиан, ударились в панику. И слон, о котором в начале рассказа юный главный герой разговаривает со взрослой женщиной, конечно, ассоциируется у нас со слоном, проглоченным удавом, из «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери — одним из самых ярких литератур-

ных символов непонимания между детьми и взрослыми, утраты взрослыми живости восприятия. Преследуемая людьми птица додо из рассказа «Торговка йогуртом» символизирует для нас самого автора, потому что мы помним о Додо-авторе из сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес»*. Упомянутые книги хорошо известны корейцам, и все равно при чтении рассказов Пак Мингю им может в первую очередь приходить в голову что-то совсем другое.

В рассказах сборника Ким Ёнха «Никто не узнает...» меньше всякого рода метафор, загадок и игры слов. Зато налицо абсолютное отсутствие авторской оценки, соотнесённости повествования с каким-либо метанарративом. Есть игра смыслов, некоторая недосказанность. Даже прочитав рассказ «Робот» (*로봇*) до конца, мы не можем с уверенностью сказать, был любовник героини реальным мужчиной или роботом. Сюжеты большинства рассказов сборника не наталкивают читателя на конкретные выводы и не особо привязаны к месту. В рассказе «Крокодил» (*악어*) крокодил крадет у героя голос, в рассказе «Мороженое» (*아이스크림*) семейная пара покупает испорченное мороженое, герой «Телеигры» (*퀴즈쇼*) принимает участие в телевикторине (появившись в США, подобные передачи быстро завоевали популярность во всем мире), Чо[17] из одноименного рассказа (*조*) крадет вещи в торговом центре, где работает охранником. Всё это истории людей, а не мест. Два рассказа сборника из тринадцати названы по имени героев. Писатель не одобряет и не осуждает своих персонажей, просто описывает их ощущения.

Персонажи Ким Ёнха являются жителями «глобальной деревни». Писатель как будто специально старается не упоминать в своих произведениях ничего, что может быть узнано лишь его соотечественниками.

Примечательно, что героиня рассказа «Робот» работает в туристическом агентстве. В начале рассказа она покупает кому-то билет в Лос-Анджелеса. Подруга героя рассказа «Поездка» (*여행*) уезжает в США, и он начинает встречаться с китаянкой. Действие рассказа «Тайные встречи» (*밀회*) разворачивается во Франкфурте (тут даже

* Вроде бы, иногда английский литератор, чьё настоящее имя было Ч.Л. Доджсон [Ch. L. Dodgson], заикаясь, представлялся как «До-до-доджсон».

упоминается Гейдельбергский замок). Когда японца Макото из рассказа «Макото» (*마코토*) спрашивают, кому принадлежит остров Токто, он отвечает, что тот принадлежит чайкам.

Герои Ким Ёнха носят джинсы «Levi's» и «Guess», пьют кофе «Starbucks», курят сигареты «Gauloises», используют Facebook и Twitter. Даже вопросы викторины в рассказе «Телеигра» относятся исключительно к западному миру — ответы на них: «В. Франкл», «А. де Сент-Экзюпери», «Р. Гари», «Авиньон», «Дубровник». При этом нигде в мире они, похоже, не чувствуют себя счастливыми, уверенными в себе и в рациональности происходящего.

Можно сказать, что творческие подходы Пак Мингю и Ким Ёнха принципиально различаются. При этом в их прозе есть кое-что общее, но это общее относится, скорее, к сущности постмодернизма в целом, а не к специфике национальной корейской литературы: миры, описанные двумя писателями, — это миры не самых логичных порядков, которые в значительной степени определяют повседневную жизнь людей. Люди (у Пак Мингю, как представляется, корейцы, а у Ким Ёнха — просто люди), населяющие эти миры, думают о себе с иронией и чувствуют себя беспомощными перед лицом многочисленных экономических и психологических трудностей. Они не могут улучшить общество или свое положение в нем. Любое их действие только усугубляет ситуацию.

И все-таки возникает вопрос: случайно ли первый мир был создан человеком, недовольным своим школьным детством, а второй — частично забывшим его?

Подводя итог, подчеркнем, что в эпоху глобализации сформировалось некое общемировое культурное поле, появилось много общих проблем — значит, хорошо переведенные произведения ультрасовременных корейских авторов имеют неплохие шансы быть воспринятыми в России. Тексты Ким Ёнха, очевидно, потеряют в процессе перевода меньше, чем тексты Пак Мингю. Однако приходится признать, что любые постмодернистские художественные конструкции, в которых сливаются культурные противоположности, являются достаточно хрупкими.

Примечания

[1] Montgomery Ch. (2017). The Explorer's History of Korean Fiction in Translation: the Prehistory of Postmodernism // The Korea blog. 23.07.2017. URL: blog.larev iewofbooks.org/the-korea-blog/explorers-history-korean-fiction-translation-prehistory -postmodernism/ (accessed: 12.12.2018).

[2] *Ishiguro K.* (1995). The Unconsoled. London: Faber and Faber.

[3] *Lyotard J.-F.* (1984) The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / Eng. tr. G. Bennington and B. Massumi. University of Minnesota Press.

[4] 정윤길 [Jeong, Youn-Gil]. (2013). 마크 해던과 박민규의 탈주의 놀이로서 글쓰기: ┌한밤중에 개에 게일어난 의문의 사건┐과 ┌카스테라┐를 중심으로 [Mark Haddon and Min-Gyu Park's Writing as a Play of an Escape: *The Curious Incident of the Dog in the Night-time* and *Castella*] // 동서비교문학저널 [The Journal of East-West Comparative Literature]. 2013.06. Vol. 28. P. 215—235.

[5] *Luo Yaqin*. (2014). The Soul of the World: Castella by Park Min-gyu // Korean Literature Now. Vol. 26. Winter 2014. URL: koreanliteraturenow.com/fiction/reviews/ park-min-gyu-soul-world-castella-park-min-gyu (дата обращения: 15.01.2019).

[6] *Kim Dongshik*. (2011). The Face of the Twenty-first Century: Novelist Park Min-gyu // Korean Literature Now. Vol.12, Summer 2011. URL: koreanliteraturenow. com/ interviews/face-twenty-first-century-novelist-park-min-gyu (дата обращения: 17.01.2019).

[7] Ibid.

[8] См.: *Колбягина А.И., Пак К.А.* Система персонажей в романе Ким Ёнха «Я вправе себя разрушать // Вестник российского корееведения. 2016. № 8. P. 82—89.

[9] *Kim Young-Ha*. South Korea's Struggle with Suicide // The New York Times. 03.04.2014. URL: www.nytimes.com/2014/04/03/opinion/south-koreas-struggle-with -suicide.html (дата обращения: 10.02.2019).

[10] Название отсылает к одноименному роману Натаниэля Готорна (1804—1864). Hawthorne, N. (1850). The Scarlet Letter: A Romance. Boston: Ticknor, Reed and Fields.

[11] *Jung Yeo-ul*. (2010). Urbanites Swim Upstream: Nobody Knows What Happened by Kim Young-ha // Korean Literature Now. Vol. 10. Winter 2010. URL: koreanl iteraturenow.com/fiction/reviews/kim-young-ha-urbanites-swim-upstream-nobody-k nows-what-happened-kim-young-ha (дата обращения: 15.01.2019).

[12] URL: www.news.mk.co.kr/newsRead.php?no=115945&year=2013 (дата обращения: 15.01.2019).

[13] Термин Ю. Кристевой. Kristeva J. (1986). The Kristeva reader. New York: Columbia University Press.

[14] Так называемая смерть автора (термин Р. Барта). Barthes R. (1977). Image, music, text / Eng. tr. S. Heath. New York: Hill and Wang.

[15] *Schirmer A.* (2017). Dodos and Godzillas: Analogies, Emblems, Symbols and Metaphors in Park Min-gyu's Collection of Short Stories *Castella* // Proceedings of the AKSE Conference. Prague, 2017.

[16] *Цой И.В.* (2012). Корейская литература начала XXI века — рассказ Пак Мингю «Бисквит» («Кхастхэра», 2003) // Материалы V Международной научной конференции «Проблемы литератур Дальнего Востока». Т. 3. СПб.: СПбГУ.

[17] Все названия рассказов сборника, кроме этого, приводятся по изданию: Ким Ёнха (2016). Никто не узнает... / пер. с кор. Сын Чжуён и А. Гуделёва. М.: Наталис.

References

1. *Montgomery Ch.* (2017). The Explorer's History of Korean Fiction in Translation: the Prehistory of Postmodernism // The Korea blog. 23.07.2017. URL: blog.lareviewofbooks.org/the-korea-blog/explorers-history-korean-fiction-translation-prehistory-postmodernism/ (accessed: 12.12.2018).

2. *Ishiguro K.* (1995). The Unconsoled. London: Faber and Faber.

3. *Lyotard J.-F.* (1984) The Postmodern Condition: A Report on Knowledge / Eng. tr. G. Bennington and B. Massumi. University of Minnesota Press.

4. *Jeong, Youn-Gil.* (2013). Mark Haddon and Min-Gyu Park's Writing as a Play of an Escape: The Curious Incident of the Dog in the Night-time and Castella // The Journal of East-West Comparative Literature. 2013.06. Vol.28. P. 215—235.

5. *Luo Yaqin*. (2014). The Soul of the World: Castella by Park Min-gyu // Korean Literature Now. Vol. 26. Winter 2014. URL: koreanliteraturenow.com/fiction/reviews/park-min-gyu-soul-world-castella-park-min-gyu (accessed: 15.01.2019).

6. *Kim Dongshik*. (2011). The Face of the Twenty-first Century: Novelist Park Min-gyu // Korean Literature Now. Vol.12, Summer 2011. URL: koreanliteraturenow.com/interviews/face-twenty-first-century-novelist-park-min-gyu (accessed: 17.01.2019).

7. Ibid.

8. See: *Kolbyagina A.I., Pak K.A.* The System of Characters in Kim Young-ha's Novel *I Have the Right to Destroy Myself* // Proceedings of Korean Studies in Russia. 2016. № 8. P. 82—89.

9. *Kim Young-Ha.* South Korea's Struggle with Suicide // The New York Times. 03.04.2014. URL: www.nytimes.com/2014/04/03/opinion/south-koreas-struggle-with-suicide.html (accessed: 10.02.2019).

10. *Hawthorne, N.* (1850). The Scarlet Letter: A Romance. Boston: Ticknor, Reed and Fields.

11. *Jung Yeo-ul.* (2010). Urbanites Swim Upstream: Nobody Knows What Happened by Kim Young-ha // Korean Literature Now. Vol. 10, Winter 2010. URL: koreanliteraturenow.com/fiction/reviews/kim-young-ha-urbanites-swim-upstream-nobody-knows-what-happened-kim-young-ha (accessed: 15.01.2019).

12. URL: www.news.mk.co.kr/newsRead.php?no=115945&year=2013 (accessed: 15.01.2019).

13. *Kristeva J.* (1986). The Kristeva reader. New York: Columbia University Press.

14. *Barthes R.* (1977). Image, music, text / Eng. tr. S. Heath. New York: Hill and Wang.

15. *Schirmer A.* (2017). Dodos and Godzillas: Analogies, Emblems, Symbols and Metaphors in Park Min-gyu's Collection of Short Stories *Castella* // Proceedings of the AKSE Conference. Prague, 2017.

16. *Choi I. V.* (2012). Korean Literature of the Early 21st Century — Park Min-gyu's Short Story *Castella* (2003)] // Proceedings of the 5th International Scientific Conference "Issues of Far Eastern Literatures". Vol. 3. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University.

17. *Kim Young-ha.* (2016). Nobody Knows What Happened / Rus. tr. Seung Ju-yeon, A. Gudeleva. Moscow: Natalis.

А.А. Гурьева

«КНИЖНАЯ ПОЛКА ПРЕЗИДЕНТА»: ЧТЕНИЕ КАК СТРАТЕГИЯ УСПЕШНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ*

Различные аспекты репрезентации чтения как стратегии успешности в современной южнокорейской культуре рассматриваются в статье на примере фигуры руководителя страны. Президент Республики Корея Мун Чжэ Ин активно позиционирует себя как «постоянно читающий президент». Созданию этого имиджа служит, в частности, книга, изданная накануне президентских выборов: «Книжная полка Мун Чжэ Ина». Такая особенность портрета главы государства связана с традиционным для дальневосточного региона уважением к работе с текстами. Одновременно она вписывается в современную тенденцию представления чтения как пути к обретению лидерских качеств. Логическая пара «чтение—президент» анализируется в статье с точки зрения интеллектуальной культуры Республики Корея как в традиционном аспекте, так и в контексте современных особенностей.

* Работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии корееведения (РК) (AKS-2016-OLU-2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (ROK) (AKS-2016-OLU-2250002).

Ключевые слова: современная культура Республики Корея, Мун Чжэ Ин, президент Республики Корея, чтение, книжная культура, личность и книга.

Статья продолжает ряд публикаций автора, посвященных роли текста в традиционной корейской и современной южнокорейской культуре. В ней будут рассмотрены различные аспекты проблемы восприятия чтения как способа достижения успеха в современной культуре Республики Корея на примере фигуры руководителя страны. Для изучения данной проблемы в первой части статьи вводится тема позиционирования чтения как залога успеха, приводятся примеры книг, содержащих историю успеха на основе чтения. Основную часть текста составляет анализ логической пары «чтение-президент» с точки зрения интеллектуальной культуры Южной Кореи как в традиционном аспекте, так и в контексте современных особенностей.

В Республике Корея XXI в. наблюдается тенденция к концептуализации понятия успешности, которая включает в себя не только престижное образование и достижение высокого социального положения, что исконно значимо для корейского общества, но и приобретенные в процессе глобализации черты. К таковым можно отнести лидерские качества, способность производить внешнее впечатление, изъясняться красноречиво и убедительно. Спрос на успешность рождает предложение, к которому относится обширная литература по саморазвитию в целом и по достижению желаемого успеха в обществе в частности.

Тема «саморазвитие» (*чаги кебаль*), которой в книжных магазинах отводятся отдельные стенды, представлена различными пособиями по воспитанию различных личностных качеств, риторике, формированию имиджа. Некоторые из таких пособий можно приобрести не только в книжных магазинах, но и в киосках для продажи прессы или даже в магазинах сниженных цен *Даисо* — сети, в которой преимущественно предлагаются товары для дома и быта. Кроме того, книги, включенные в категорию «саморазвитие», регулярно попадают в число бестселлеров. Среди многочисленных пособий, обучающих способам достижения успеха, неизменно оказываются книги, связанные с темой «чтение».

Как известно, основой дальневосточной учености является работа с текстами, умение их читать, осваивать и применять полученную из них информацию к различным ситуациям, от частных до общегосударственных проблем. По своей сути пособия данной тематической категории базируются на той же традиционной модели восприятия текста и его роли в приобретении качеств, необходимых для успешной карьеры.

В древности список сочинений, изучение которых (а часто и выучивание наизусть) подразумевало формирование, выражаясь современным языком, «базовых компетенций», был известен. В современной системе образования все не столь однозначно, тем более на этапе самообразования, когда личность сталкивается с обилием текстов, порой необоснованно претендующих на высокий уровень, но практически всегда охарактеризованных выгодными эпитетами. В такой ситуации особую значимость приобретают различные ориентиры, позволяющие отобрать список литературы, рекомендуемой для различных целей. Такие списки присутствуют, например, в пособиях по написанию резюме: они знакомят с названиями сочинений, которые обязательны к прочтению для абитуриентов того или иного престижного учебного заведения (как в Республике Корея, так и за рубежом). Однако главным источником такой информации служат специальные книги, написанные на основе авторитетного мнения людей, уже достигших успеха.

Правильный выбор книги — только один из важнейших шагов личности, сделавшей ставку на чтение как путь к успеху. Важно еще выбрать правильный подход к работе с книгой, который получил терминологическое обозначение «методика чтения». Отметим, что «методика чтения» — это постоянный раздел книжных подборок по саморазвитию, а книги по этой теме — постоянные обладатели звания «бестселлер».

Умение много и правильно читать представляется в подобных пособиях как возможность выйти на новый этап, раскрыть свою личность, а также обнаружить её новые стороны, самому читателю прежде не ведомые.

Методика чтения нередко имеет числовое выражение: сколько времени следует посвящать чтению в определенный отрезок време-

ни, сколько книг можно освоить за год — такие указания даются авторами, которые вывели идеальные цифры на собственном опыте. Рассмотрим один пример. В одной из таких книг под названием «Чудесная методика чтения по 48 минут» (*48 пун кичжок-ый токсоппоп*)[1] автор сообщает о том, как путем озарения обрел знание о методе правильного чтения. Именно столько времени в сутки он рекомендует уделять занятию чтением, поскольку это количество времени соответствует трем годам из 90 лет, которые взяты за стандарт продолжительности жизни. Новое знание помогло самому автору начать жить по-новому. Из обычного клерка автор книги превратился в знаменитого, уважаемого человека, живущего насыщенной интеллектуальной жизнью и постоянно развивающегося. Теперь он сам предлагает читателям поднять свою жизнь на более высокий уровень (*инсэн опгырейды*). Следует отметить, что список книг, которые можно прочесть, следуя предложенной методике (общим количеством тысяча), преимущественно содержит серьезные сочинения, которые российский читатель привык ассоциировать с вдумчивым чтением. Автор же пособия делает акцент на регулярности чтения, которое не предполагает возможности глубоко погрузиться в книгу, надолго отвлечься от текущих забот. Это было бы невозможно для большинства членов динамично живущего южнокорейского общества.

Отметим, что рекомендации по чтению конфуцианской классики[2], которые можно найти в высказываниях ученых прошлого, безусловно, отводят важное место душевному расположению, настрою и внимательному, осмысленному чтению[3]. В этой «оптимизации» способа чтения можно усмотреть попытку адаптировать методику чтения к условиям современной жизни. В то же время ученическое освоение классических текстов в древности также предполагало и количественную составляющую. Например, указания относительно того, сколько раз читать один и тот же фрагмент, были актуальны для работы с базовыми текстами, знание которых проверялось в ходе экзамена на чин — т. е. для прохождения главных ворот на пути к карьерному успеху.

Как было отмечено выше, в числе книг, связанных с умением читать, неизменно встречаются те, в которых этим умением делятся

уже известные люди. Такая тенденция связана не только с попыткой обратиться к успешному опыту, иллюстрирующему правильность выбранного метода, но и с такой чертой представителей корейской культуры, как особое отношение к авторитету. Имя известного человека говорит в пользу предлагаемого способа лучше, чем любая другая характеристика.

Приведем пример книги, предлагаемой одним из наиболее известных южнокорейских издательств *Минымса* («Глас народа»). Сборник «Могучая классика»[4] содержит сведения о тридцати восьми книгах, каждую из которых рекомендует известный современный литератор или ученый. Описанию книги предпослана лаконичная формулировка главного вопроса, над которым размышлял знаменитый читатель, знакомясь с этим сочинением. Например, писательница О Чжонхи делится опытом чтения романа-эпопеи «Земля» (*Тхочжи*»), ставшего одним из символов корейской литературы. Она обозначает свой выбор следующим образом: «Жизнь как писательство и жизненные вопросы», тем самым акцентируя внимание на том, что автор романа Пак Кённи (1926—2008) сосредоточила всю свою жизнь вокруг занятия писательством, посредством которого сформулировала систему философских взглядов. Социолог Сон Хогын представил сочинение конца XIX в. «Что я видел и слышал на Западе», написанное по впечатлениям поездки Ю Гильчжуном (1956—2014) членом делегации по западным странам. Читая текст, исследователь ставит вопрос: «В чем заключается роль интеллигента?».

В случае с данным сборником, помимо успеха личности в пользу выбора книг свидетельствует литературный вкус и профессиональное знание. Под корешком этого малоформатного издания (что позволяет его носить с собой или работать с ним в любой обстановке) представлены разнообразные сочинения. Это и конфуцианская классика (например, «Беседы и суждения»), и репрезентативные произведения корейской традиционной литературы, например «Жэхейский дневник» (*Ёрха ильги*) Пак Чивона (1737—1805) и его же роман «Им Ккокчон». Сборник включает в себя и классику мировой литературы («Дон Кихот», «Мадам Бовари»), в числе которой сочинения русских классиков, программных для корейцев («Братья Карамазовы», «Анна Каренина», «Три сестры») и главные тексты XX в.

(например, «Маленький принц», «Старик и море»). Анализ этой книги не входит в задачи данной статьи, однако общее описание ее важно как характеристика данного типа сочинений.

Этот сборник является одним из пособий для стремящихся к карьерному росту читателей, повествующий, что и как читали предыдущие лидеры государства. «Как читать, чтобы стать президентом» — слоган книги. Поименный анализ списков не входит в задачи данной статьи, однако отметим, что в данной книге не представлен читательский опыт Пак Кын Хе и Ли Мен Бака — последних двух президентов, политический опыт которых не оценивается как успешный. Однако в ней представлены предпочтения других лидеров, отношение к которым также весьма неоднозначное, — Ли Сын Мана, Пак Чон Хи, Ро Дэ У и Чон Ду Хвана. Можно предположить, что их читательская жизнь интересует автора уже как часть истории.

Такая обстановка повышенного внимания к феномену чтения как стратегии успеха создает предпосылки к появлению книг, посвященных читательскому опыту отдельно взятой личности и личности, достигшей вершин успеха. Такой личностью стал действующий президент Республики Корея Мун Чжэ Ин.

Еще до вступления в должность президента популярный политик Мун Чжэ Ин говорил о своей любви к чтению, а сегодня он активно позиционирует себя как «постоянно читающий президент». Он регулярно делится в СМИ своими литературными предпочтениями и в ряде интервью прессе рассказывает о своем способе чтения.

Заявкой на такое звание стал тот факт, что еще в ходе подготовки к президентским выборам 2017 г. была написана и сдана в печать книга «Книжная полка Мун Чжэ Ина» (*Мун Чжэин-ый сочжэ*, автор — журналист и писатель Тхэ Гису, изд-во *Пхурын ёнтхо*, 2017)[5]. Практически сразу, после того как 9 мая 2017 г. Мун Чжэ Ин одержал победу на этих выборах, эта книга стала широко продаваться и рекламироваться. Например, 23 мая 2017 г. она была выставлена на специальном держателе перед книжным магазином в аэропорту Инчхон, а также на заметных местах в других книжных лавках (включая небольшие магазины в торговых центрах).

Эта книга предлагает вниманию читателя любимые произведения политика с подробным комментарием, демонстрирующим их

связь с народным избранником. Это 12 книг, распределенных по трем группам: «Читать о мире людей», «Читая о [нынешней] эпохе, мечтать о будущем», «Со страниц истории читать о чаяниях народа». В названии групп, соответствующих названиям глав, можно проследить логику, связующую прошлое, настоящее и будущее. Рассказ о каждой из 12 книг разделен на четыре части: 1. Связь этой книги с жизнью Мун Чжэ Ина. 2. Характеристика самой книги. 3. Краткий рассказ об авторе. 4. Комментарий самого Мун Чжэ Ина. В отдельных случаях вторая и третья часть могут быть соединены в одну, могут иметь название, связанное с содержанием книги. Обращает на себя внимание, как именно в большинстве случаев названа четвертая часть: «Мысли Чжэ Ина» (*Чэин-ый сэнгак*). В этом названии приведено только имя президента, что совершенно не характерно в связи со строгим соблюдением в современном южнокорейском обществе традиции употребления имени. Так, по имени (без называния фамилии или статуса) обращаются к адресатам, существенно младшим по возрасту: детям и молодым людям, еще не имеющим самостоятельного положения в обществе, а также близким друзьям, которые должны быть при этом ровней по возрасту. Тем самым в этой части будущий президент предстает в качестве близкого каждому читателю человека, статус которого неактуален в момент душевной беседы — обсуждения любимых сочинений с потенциальными читателями этой книги.

Можно сказать, что рассматриваемая книга отвечает всем требованиям, предъявляемым к пособиям по достижению успеха. Она соответствует основным описанным выше задачам пособий по методике чтения, поскольку отвечает на вопросы, что читать и как читать. Выбор президента неслучаен. Президент (на момент издания книги — будущий президент) начитан в целом, он осведомлен в плане того, какие сочинения существуют. Его список существенно выходит за рамки круга широко известных названий, о которых слышал любой образованный человек и которые принято относить к прочитанным, чтобы не прослыть невеждой. Кроме того, он демонстрирует умение ориентироваться в литературе. В книге представлен широкий диапазон: это сочинения прошлого и новые тексты, их авторы — корейцы и представители иных культур. К тому же выбор

политика всегда обусловлен. Он читает не просто так, скрашивая досуг или отдыхая (хотя такая форма отдыха также оценивалась бы положительно), но в процессе чтения задается вопросами и ищет ответы. Читая, он вырабатывает стратегию своей профессиональной деятельности.

Отметим, что сочинение о ведущем политике разрабатывалось именно в период подготовки к судьбоносным выборам. Этот факт можно трактовать как следование традиции обращения к воздействию письменного слова в важные для социально значимой личности моменты. Данная традиция восходит корнями к ритуальному слою корейской культуры.

Примечательно, что в период избирательной кампании (5 апреля 2017 г.) Национальным собранием Республики Корея было проведено заседание на тему «Хотим видеть читающего президента»[6]. Оно позиционировалось как мероприятие, направленное на развитие публикационной деятельности (на заседание были приглашены представители ведущих издательств), при этом посвященные ему публикации в СМИ содержали также политическую риторику. Важно, что обсуждение было организовано представителями Объединенной демократической партии Тобуро минчжудан, т. е. партии, представлявшей своим кандидатом Мун Чжэ Ина.

Репутация опытного читателя закрепилась за Мун Чжэ Ином в читательской среде. В пользу этого предположения говорит тот факт, что в рекламных целях на обложках новых изданий стало появляться имя президента как читателя, остановившего выбор именно на этой книге. Примером стало историческое сочинение «Игроки в [корейские шашки] *падук*» (*Куксу*) Ким Сондона[7], которое долго публиковалось частями. Это произведение продается со специальной накладкой, гласящей: «Наконец президент Мун Чжэ Ин читает шедевр — роман “Куксу”». Тем самым имя Мун Чжэ Ина представлено как лучшая рекомендация сочинения. Политический подтекст не играет здесь весомой роли. Мун Чжэ Ин — скорее, не главный читатель страны, а тонкий и образованный читатель, воплощение способности делать правильный выбор и правильно читать.

За менее чем двухлетний период несколько пунктов деятельности президента, связанных с чтением, стали поводом для повышен-

ного внимания прессы. Так, в январе 2018 г. Мун Чжэ Ин написал письмо автору книги о проблемах восприятия идеальной семьи в Республике Корея. Этот нашумевший факт говорит о пристальном внимании лидера к актуальным новинкам книжного рынка, а также о желании заботиться обо всех проблемах общества. Кроме того, это событие создало еще один прецедент для обсуждения Мун Чжэ Ина в качестве читателя. «Впервые за долгое время перед нами читающий президент» (*орэганмане маннан чхэк инънын тэтхоннён*), — гласит статья в газете «Кёнхян синмун»[8]. В ней сообщается: до нынешнего президента к активным читателям можно было отнести Ким Дэ Чжуна и Но Му Хена. В этом ряду угадывается преемственность другого порядка — общие ценности и видение будущего страны. С другой стороны, любовь к книге — показатель уровня этих ценностей и потенциала личности, облеченной правом решать будущее своего государства. Примечательно, что параллельно с выходом этой публикации анонсируется книга «Книжная полка Но Му Хёна»[9].

Еще один важнейший информационный повод — обнародование списка книг, которые президент читал во время отпуска. Отметим, что это три сочинения: два художественных (роман о событиях в Кванчжу автора Хан Ган, которая в 2016 г. получила «азиатского Букера», а также упомянутый выше роман Ким Сонгона об истории Кореи на рубеже XIX—XX вв.) и еще одно — публицистика журналиста, известного своим изучением пхеньянских реалий. Книги объединяет громкое имя автора, политико-исторический характер текстов и в то же время связь их содержания с событиями, которые ассоциируются с трудными моментами в истории страны, важными для самосознания народа.

Как любимые книги Мун Чжэ Ина, представленные в публикации 2016 г., так и этот список указывают на значимость сочинений, не относящихся к художественной литературе. Это можно объяснить несколькими факторами. *Во-первых*, желанием политика читать общественно-политические тексты, знакомиться с комментариями специалистов по актуальным проблемам общества. *Во-вторых*, его стремлением изучать события родной и мировой истории, на примере которых можно усовершенствовать свою политику (традиционный дальневосточный подход). *В-третьих*, сформировав-

шейся в древности спецификой восприятия литературы как понятия, включающего любой серьезный и значимый текст.

Обнародованному списку посвящен ряд публикаций в средствах массовой информации, в которых развивается мысль: «Чтение — лучший выбор досуга для достойного лидера». Например, 7 августа 2018 г. колумнист Хан Гибон опубликовал статью «All Leaders are Readers» (Все лидеры — читатели). Примечательно, что название статьи апеллирует к устойчивому бестселлеру последних лет — неоднократно переиздававшейся книге Ли Чисона «Благодаря чтению будь лидером» («*Ридиныро лидохара*»)[10].

Автор статьи отмечает, что реакция читателей не заставила себя ждать: спрос на указанные сочинения взлетел в три-четыре раза. Появился термин *«Мунпхы селло»* («Бестселлер президента Муна»).

Сам по себе факт обнародования президентом списка книг, которым он посвятил свой недолгий отпуск, указывает на то, что выбор книги — часть его имиджа. Впрочем, традиция сообщать населению страны, что читает президент, была введена Белым домом в 1961 г. — и эта информация приведена в статье. В Корее впервые последовал примеру американских лидеров президент Ким Дэ Чжун. В статье отмечается, что никто из прочих руководителей не читал так много. Информацию о читательских предпочтениях южнокорейских президентов автор статьи черпает из упомянутой выше книги. Примечательны оценки этих предпочтений, которые выявляют связь между книгами и полушариями мозга, — выбор книги дает психологический портрет.

На фотографиях, размещенных в Интернете, Мун Чжэ Ин нередко запечатлен читающим. На одно из таких изображений нанесен текст: «Чтение — это демократия. Чтение — это благосостояние. Чтение — это будущее».

Такая особенность портрета действующего лидера государства, безусловно, связана с традиционным для Кореи и для всего дальневосточного региона уважением к умственному труду и работе с книгой. Одновременно она вписывается в приведенную выше тенденцию последних лет, когда чтение представляется как путь к обретению лидерских качеств. Фигура руководителя страны как гаранта

правильности выбранного способа достижения личностных высот активно включена в эту тенденцию.

Все это свидетельствует о том, что Мун Чжэ Ин последовательно поддерживает ассоциации между своей личностью и чтением, которое служит способом должным образом определять будущее вверенного ему государства («Посредством книги осознаю ценность жизни и надежды на будущее», напечатано на обложке книги 2017 г.). Это часть работы над формированием имиджа президента.

Отметим, что книга и чтение являются частью имиджа не только руководителей государства. Другой пример — известный политик Ю Чжонпхиль, глава района Кванак-ку в Сеуле, который активно позиционирует себя как любитель библиотек и популяризатор чтения[11].

В постоянно акцентируемой президентом роли чтения в его жизни прослеживается идея, что и в свободное время политик думает о своей стране, не оставляя забот о ней даже в минуты отдыха.

Решение президента сделать книгу акцентом в своем имидже можно объяснить также в контексте реализуемой в Республике Корея политики привлечения населения к чтению как занятию на досуге. Многие люди среднего возраста, вовлеченные в профессиональную жизнь, отмечают, что у них нет времени читать. В первую очередь это касается представителей негуманитарной сферы, деятельность которых не предполагает начитанность или работу с литературными текстами. Позиционирование чтения как способа достижения успеха, возможно, имеет и эту сторону, т. е. является частью социальной политики популяризации чтения. Таким образом, читающий президент — это и характеристика личности политика, и воплощение успешной методики саморазвития, и попытка привлечь внимание читателей страны к важности чтения, что говорит о социальной направленности этого имиджа.

Возможно, одна из наиболее важных составляющих этого образа президента — желание стать ближе к электорату, представить себя обычным человеком, который взял на себя высокую миссию. К этому выводу подводят читателя слова на обложке издания «Книжная полка Мун Чжэ Ина»: «Мун Чжэ Ин — человек, который рассказывает о своей “зависимости от печатного слова”, политик, который

не стремился стать политиком. Сейчас он предстоит перед народом страны, облеченный не волей к власти, а осознанием своего призвания».

Примечания

[1] *Ким Пёнван*. 48 пун кичжок-ый токсоппоп : [Чудесная методика чтения по 48 минут]. Сеул, 2011.

[2] *Glomb Vladimir*. Reading Classics till death: The cirriculum of Choson literati. Доклад, представленный на конференции Ассоциации корееведения в Европе. М., 2011.

[3] *Чон Мин*. Очжик токсоппун : [Только чтение]. Сеул, 2013.

[4] Пхаво кхыллэсик: [Могучая классика]. Сост. О Суун. Сеул, 2013.

[5] *Тхэ Гису*. Мун Чжэин-ый сочжэ : [Книжная полка Мун Чжэина]. Сеул, 2017.

[6] *Ли Чжиюн*. Чхэк иннын тэтхоннён, чхэк иннын тэхан мингук-и пого сипта : [Хотим видеть читающего президента, хотим видеть читающую Республику Корея] // Токсо синмун. 06.04.2017. URL: http:// www.readersnews.com/news/articleView.html?dxno=71645 (дата обращения: 09.04.2019).

[7] *Ким Сондон*. Куксу : [Игроки в [корейские шашки] *падук*]. Сеул, 2018.

[8] *Чон Вонсик*. Мун тэтхоннёни чочжа-еге пхёнчжи понэттанын 'Исанхан чонсанкачжок'-ын оттон чхэк? : [Что это за книга «Странная обычная семья», автору которой президент Мун направил письмо?] // Кёнхян синмун. 28.01.2018. URL: www.h2.khan.co.kr/print/html?id=201801281528001 (дата обращения: 18.02.2019).

[9] *Хондыридо* и др. Мун Чжэин тэтхоннёныль мандын чхэк : [Книги, сделавшие президента Мун Чжэ Ина]. 30.08.2017. URL: http://storyfunding.daum.net/episode/27372 (дата обращения: 09.04.2019).

[10] *Ли Чисон*. Ридиныро лидохара : [Благодаря чтению будь лидером]. Сеул, 2016.

[11] *Гурьева А.А.* Библиотека как символ заботы о гражданах: о некоторых социальных проектах в Сеуле // Россия и Корея в меняющемся мире. М., 2014. С. 265—273.

References

1. *Kim Byeong-wan*. 48 pun gijeok-eui dokseobob : [Miraculous Method of Reading for 48 Minutes]. Seoul, 2011.

2. *Glomb Vladimir*. Reading Classics till death: The cirriculum of Choson literati. Paper presented at the AKSE Conference. M., 2011.

3. *Jeong Min*. Ojik dokseoppun : [Reading Only]. Сеул, 2013.

4. Paweo keullaesik: [Powerful Classic]. Comp. by Oh Su-ung. Seoul, 2013.

5. *Tae Gu-su*. Mun Jae-In-eui Seojae : [Moon Jae-In's Bookshelf]. Seoul, 2017.

6. *Lee Ji-Yun*. Chaek ingneun daetongryeong, chaek ingneun daehan mingugi bogo sipta : [Want to see a Reading President, want to see the Reading Republic of Korea] // Dokseo sinmun. April 06 2017. URL: http:// www.readersnews.com/news/articleView.html?dxno=71645 (accessed: April 09 2019).

7. *Kim Seong-dong*. Gugsu : [*Baduk* players]. Seoul, 2018.

8. *Jeong Weon-sik*. Mun daetongryeong-i jeoja-ege pyeonji ponaettaneun 'Isanghan jeongsang gajeog'-eun eotteon chaek? : [What kind of a book is the «Strange Normal Family», which author President Moon wrote a letter?] // Gyeonghyang sinmum. January 28 2018. URL: www.h2.khan.co.kr/print/html?id=201801281528001 (accessed: 18.02.2019).

9. *Heondeurideo and others*. Mun Jae-In daetongryeong-eul mandeun chaek : [Books that made the President Moon Jae-In]. August 30 2017. URL: http://storyfundi ng.daum.net/episode/27372 (accessed: 09.04.2019).

10. *Lee Ji-seong*. Reading-euro lideohara [With a help of Reading become a Leader]. Seoul, 2016.

11. *Guryeva A.A.* Library as a Symbol of Care for Citizens: on some Social Projects in Seoul // Russia and Korea in the Changing World. Moscow, 2014. P. 265—273.

Ли Сан Юн

ТРАДИЦИОННЫЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ЧХОН МЁНГВАНА «КИТ»)

В статье анализируются особенности романа «Кит», названный критиками «необычным» за оригинальность композиции, частые временны́е перестановки, странные и даже мистические образы, авторские отступления. Рассматриваются традиционные мотивы, связанные с народными верованиями, шаманизмом, конфуцианскими представлениями и одной из форм учения о Дао. Описывая судьбы главных героинь, матери и дочери, писатель выражает свое отношение к переменам в корейском обществе, связанным с определенными историческими событиями. Кроме того, уделяется внимание оппозиции «жизнь—смерть», проходящей через весь роман.

Ключевые слова: современная корейская литература, Чхон Мёнгван, роман «Кит», традиционные мотивы.

Известный писатель РК Чхон Мёнгван (род. в 1964 г.) из всех созданных им произведений именно роман «Кит» считает самым значимым. Корейские критики называют это произведение «особенным», выходящим за рамки традиционных правил написания романов[1]. Но, на наш взгляд, Чхон Мёнгван создал своего «Кита» как будто в подтверждение высказывания М. Бахтина о романе: «Он по природе не каноничен. Это — сама пластичность. Это — вечно

ищущий, вечно исследующий себя самого и пересматривающий все свои сложившиеся формы жанр»[2].

Попробуем разобраться, в чем же особенность этого романа.

Прежде всего, это *оригинальность композиции*. Автор с самого начала забегает вперед и сообщает о будущем своих героев, тем самым снимая интригу. Однако несоблюдение временно́й последовательности не мешает восприятию повествования. Напротив, частое возвращение в прошлое, оформленное, например, в виде «рассказ в рассказе» или истории жизни героя с рождения или детства, дополняет образ, помогает понять его внутренний мир.

Если расположить события последовательно, то действие романа начинается во время японского правления, охватывает годы Корейской войны, послевоенные, военной диктатуры, начала развития экономики, когда цивилизация достигает отдаленных провинций. Однако все эти исторические события являются лишь фоном, помогающим ощутить атмосферу времени, в котором действуют персонажи.

Главные герои и персонажи романа

Главные герои — две женщины, мать по имени Кымбок и ее дочь Чхунхи. В 13 лет Кымбок сбегает из глухой горной деревушки, бросив отца, спившегося после смерти жены. Немолодой торговец рыбой привозит ее в портовый городок, где она впервые увидит бескрайнее море, а в нем — огромного кита. Здесь Кымбок начнет взрослую жизнь с этим торговцем, а затем встретит свою первую любовь — портового грузчика Кокчона. Затем её заметит главный мафиози городка Меченый, и она впервые посмотрит с ним кино и попробует кофе. После смерти Кокчона и Меченого Кымбок блуждает по стране, нищенствует, переживает годы войны и, в конце концов, оказывается в конюшне при винном доме, принадлежащей сестрам-близнецам, где родит дочь.

Через несколько лет она окажется в маленьком поселке Пхёндэ, где откроет столовую, а затем с помощью человека по имени Мун совершит там «экономическую революцию», построив в долине Намбаран рядом с Пхёндэ кирпичный завод. Став известным пред-

принимателем, Кымбок возведет огромный кинотеатр в форме кита, где и погибнет во время пожара вместе с сотнями зрителей. После этой трагедии Пхёндэ покинут люди, и поселок превратится в руины.

Жизнь Чхунхи описана с момента рождения до последнего дня. Она родилась немой, но природа наградила ее интуицией, необыкновенно острым обонянием и редкой для женщины силой. Отчим Мун научит ее изготавливать кирпичи отличного качества. В шестнадцать лет она будет обвинена в поджоге кинотеатра и 10 лет без вины отсидит в тюрьме. Вернувшись после освобождения на кирпичный завод, она восстановит печи, и, совершенствуя свое мастерство, до самой смерти в одиночестве будет обжигать кирпичи. Короткий период жизни Чхунхи на заводе скрасит друг детства, водитель грузовика, от которого она родит дочь. Дочь в младенчестве умрет от болезни. Изготовленные кирпичи, которыми она заставит всю долину, спустя десятилетия найдет один архитектор. Обнаруженный «клад» пойдет на строительство Большого театра в Сеуле, после чего имя «королевы красного кирпича» Чхунхи станет известно всей стране.

В романе важная роль отведена уродливой старухе-кухарке, чья безобразная внешность превратила ее жизнь в трагедию. Не сумев создать семью, она всю жизнь посвятит накоплению денег, выполняя самую грязную работу, а затем спрячет деньги на крыше столовой. В молодости кухарка родит дочь, которую в порыве гнева лишит глаза, а затем продаст пасечнику. Обиженная на весь мир отношением к себе людей, она после своей смерти превращается в злого духа, чтобы мстить за свою несчастную долю.

Кроме указанных персонажей в судьбе Кымбок и ее дочери сыграют важную роль друг детства по кличке Фармацевт, который окажется предателем; девица из дома терпимости, сестры-близнецы, в детстве выступавшие в цирке. Их слон Джамбо, свидетель рождения Чхунхи, станет ее единственным другом, в котором она найдет поддержку в самые тяжелые моменты своей жизни.

Отдельно следует сказать о *персонажах пространства «тюрьма»*.

После пожара Чхунхи схватят как единственную, кто смог выбраться из огня, и предъявят обвинение в поджоге. С того времени

ее будут окружать люди, изображенные автором моральными уродами. Немую девушку, никогда не державшую карандаша в руках, заставят подписать протокол с заключением о ее виновности два полицейских. Их удовлетворит рисунок цветка, оставленный Чхунхи вместо подписи. Обвинительный приговор ей вынесет судья-неврастеник, ненавидящая всех женщин из-за любовниц мужа. Она даже не удосужится узнать, в чем обвиняется Чхунхи. Ей достаточно будет одного взгляда на девушку, чтобы определить ее в преступники.

Такие беззакония творились в государстве в период диктатуры (1962—1979). «В это время считалось глупым заниматься каким-то делом, если на него уходит много времени»[3]. Примечателен образ начальника тюрьмы. Извращенец, с восторгом наблюдающий за казнью женщин через повешение, проводит стерилизацию преступников, «отбросов общества», включая несовершеннолетних. Омерзение вызывает надсмотрщик по кличке Божья коровка, садист, превративший жизнь Чхунхи в тюрьме в ад.

Кроме Муна, до конца жизни хранившего верность Кымбок, в романе нет персонажей, не отмеченных какой-либо странностью. В традиционной корейской литературе подобные персонажи — странные, в чем-то ущербные — встречаются в *пхэсоль* (пустяковых речениях), произведениях развлекательного характера XV—XVII вв. В этих новеллах «острота ситуации и комический эффект возникают из-за того, что “ущербный” герой воспринимает мир не так, как “нормальные люди”»[4].

Особенность этих новелл в том, что персонажей (слепые мужья-глупцы, жадные старики, блудливые монахи и вдовушки, сластолюбивые чиновники) авторы-конфуцианцы специально изображали убогими и недалекими, чтобы подчеркнуть их неправильное (с точки зрения конфуцианской морали) поведение и исправить нравы людей. Как правило, в конце повествования герои *пхэсоль* высмеивались и наказывались за свои неблаговидные деяния.

Очевидно, образы персонажей романа «Кит», действующие в пространстве, связанном с тюрьмой, выписаны писателем гротескно с целью показать уродливость политического строя, когда диктаторская власть безнаказанно могла уничтожить невинного человека.

Авторские отступления

В современных корейских произведениях авторские отступления встречаются довольно редко, но в этом романе автор присутствует во всех пространствах, обращается к читателям, определяет свой закон, по которому живут его персонажи. Кроме того, писатель дает свою оценку историческим событиям, на фоне которых разворачивается сюжет. Касаясь темы войны между Севером и Югом, Чхон Мёнгван лишь несколькими мазками рисует картину хаоса, ужаса и страдания людей, и откровенно признается: «Пишущий о войне должен обладать мужеством, чтобы преодолеть боль и слезы»[5].

Описывая время строительного бума, начавшегося в Пхёндэ, куда за лучшей долей стали съезжаться безработные со всей страны, автор не может удержаться от сарказма. Так, через диалог Кымбок и недалекого политикана выражено негативное отношение к коммунизму; через грехи блудливого пастора — отношение к служителям церкви. Пастор напоминает персонаж из *пхэсоль*. Отличие лишь в том, что здесь вместо буддийского монаха высмеивается протестантский пастор.

Через атмосферу «Чайного дома Пхёндэ», где Кымбок продает кофе и чай, передано состояние корейского общества периода знакомства с элементами европейской цивилизации. Люди посещают это заведение, где их обслуживают официантки в коротких юбках, испытывают новые чувства от возможности слушать песни американских групп, произносить английские слова, чаще неправильно, пить непривычно горький кофе, ожидать назначенного свидания, сидя в мягких креслах. Однако здесь отношение автора к тому времени передано скорее с улыбкой, нежели с насмешкой.

Традиционные мотивы в романе

В романе «Кит» обнаруживаются мотивы, связанные с традиционными народными верованиями, шаманизмом, а также с конфуцианством и одной из форм учения Дао, связанной с философией.

Вера в духов умерших людей, в их воздействие на живых родственников, а также шаманские ритуалы вплетены в сюжетные линии

романа. После смерти старухи-кухарки столовую приобрела Кымбок. Однажды в грозу из прохудившейся крыши на Кымбок буквально свалились деньги, спрятанные старухой. На них она начала строить кирпичный завод. Но скоро по возникающим проблемам Кымбок, поняла, чьи деньги ей достались, и заказала шаманский обряд, чтобы успокоить дух старухи. На этой церемонии шаманка голосом кухарки выдает пророчество об огромной рыбине в горах и об огненном столбе, что взметнется до самого неба. Пророчество сбывается: огненный столб уничтожает кинотеатр, и в нем гибнут все зрители.

Возможно, непосвященные читатели воспримут сцену шаманской церемонии как вымысел, однако многие корейцы отнесут ее к реальности. И в наши дни в Южной Корее обращаются за помощью к шаманкам в разных житейских ситуациях. О шаманской церемонии интересно рассказывает Пак Вансо в автобиографическом романе «Забытый вкус кислички»[6].

К традиционным мотивам следует отнести и некоторые элементы, связанные с даосским взглядом на мир. В даосизме главное внимание уделяется отношению «человек — природа», и фундаментальной оппозицией этого учения является «естественность — цивилизация». Цивилизация, пришедшая в поселение Пхёндэ с началом строительства железной дороги, противопоставляется природе — долине Намбаран. В этом пространстве вдали от общества людей провели десятилетия два «естественных» человека — Чхунхи и одноглазая хозяйка пчел, — одна на заводе, а другая в лесу. Их окружала природа, давала еду и пристанище. Характерно, что дорога, ведущая к заводу, проходит через мостик, а мост в корейской мифологии считается связующим звеном между двумя мирами. Обозначим условно эти два мира как «естественность — цивилизация».

К цивилизации стремилась Кымбок, и ее стараниями Пхёндэ превратился в процветающий район, где люди стали жить в хороших домах, смотреть вестерны в огромном кинотеатре, посещать кафе. Цивилизация пришла в эти края из западных стран. Однако Кымбок сама же уничтожила ее, нечаянно устроив пожар. Таким образом, напрашивается вывод, что западная цивилизация, нарушившая привычную жизнь аборигенов, привела Пхёндэ к хаосу: жизнь в поселке прекратилась. Тем не менее на месте разрушенного кинотеатра деся-

тилетия сидит на привязи мистическая собака, очевидно символизирующая живучесть местных традиций.

Даосизму присуще мистическое начало, и в данном романе встречаются элементы мистики. Например, Кымбок общается с духами умерших, а в конце повествования из женщины превращается в мужчину; в ее дочери, родившейся через четыре года после смерти Кокчона, проявляются его гены; немая Чхунхи «разговаривает» со слоном, и этот разговор слышат только они.

Представления о невербальном общении человека с природой, окружающим миром свойственны даосизму. Так, китайский поэт Цюй Юань (ок. 340—278 гг. до н.э.), в творчестве которого сильны даосские мотивы, разговаривает с птицей, залетевшей к нему в дом.

Невербальное общение с пчелами происходит и у одноглазой дочери кухарки, она повелевает ими. Кымбок тоже стремится к общению с китом, пытается доплыть до него, но он не подпускает ее к себе.

В конце жизни Чхунхи на слоне возносится в небо. Она покидает суетный мир, оставив внизу все свои чувства, и, как отмечает автор, «ее исхудавшее тело заполнила пустота»[7].

В книге привлекают внимание почти пустые страницы: на трех чётных внизу изображен цветок мелколепестник, нарисованный Чхунхи вместо подписи, а на нечетных — две короткие фразы: «Прошло несколько лет. Она в одиночестве обжигала кирпичи».

Как отмечает А.Ф. Троцевич, «такое соотношение “заполненного” и “пустого” (не занятого текстом пространства), скорее всего, связано с представлениями корейской культуры»[8], в которой можно обнаружить элементы даосской философии.

Как известно, пустота является центральным понятием даосизма, Путь-Дао понимается как пустота. Это «источник происхождения всего сущего», «Мать Поднебесной, рождающая начало», «корень», к которому «всё сущее возвращается»[9]. «Пустота» понимается как идеальное состояние, противоположное «земному», «вещному» — как средоточие Дао[10].

Очевидно, эти пустые страницы книги автор наполнил невидимым глазу важным смыслом, навеянным традиционными представлениями об истинном пути Дао. Можно предположить, что писатель, рассказав историю Чхунхи, которая родилась очень крупной и

непривлекательной, к тому же немой, а потому оказалась вне общества, через тяжелые испытания привел ее в пространство природы, сделал «естественным человеком» (своего рода даосом) и в конце жизни наградил бессмертием.

Ее большое тело, весившее около 100 кг, — «главное действующее лицо ее трагической судьбы, ни от кого не получившее любви, ее тело, словно униформа небесной кары, от которой нельзя избавиться...»[11], — перед смертью стало весить не более 30 кг.

Очевидно, многие годы обжигая кирпичи, рисуя на них картинки из своей жизни, свое видение мира, Чхунхи избавилась от небесной кары и вознеслась. Здесь следует вспомнить о другой важной составляющей даосской философии — «недеянии», которое понимается не просто как праздное времяпрепровождение, а деяние, совершаемое человеком без принуждения, как нечто естественное, исходящее из истинных потребностей человеческой природы и пути Дао. Построенный из этих кирпичей Большой театр сделал ее имя бессмертным.

Интересно, что, по преданию, великий китайский поэт Ли Бо (701—762), посвященный член одной из даосских школ, вознесся в вечность на ките. «По легенде, он утонул, пытаясь во хмелю выловить луну в реке, и вознесся на мифическом ките в сакральное Занебесье»[12].

Что касается конфуцианских мотивов, то можно заметить, что персонажи часто нарушают конфуцианские законы: женщины повелевают мужчинами, невестки заботятся о родителях мужа только ради денег, родители избивают своих детей, продают их как товар, младшие не почитают старших, друзья предают друзей. Изображая людей, живущих вопреки конфуцианским нормам морали, автор, очевидно, показывает падение нравов, которое приводит к хаосу.

В то же время моральные принципы Кымбок, ее поведение до приезда в Пхёндэ резко отличаются от того времени, когда она становится «директором Кан». По сути, ее превращение в мужчину символизирует потерю всех добрых чувств, присущих женщине, матери. Она даже отказывается признать свою дочь. Только перед самой смертью Кымбок вспоминает Чхунхи и раскаивается в своем отношении к ней.

Оппозиция «жизнь—смерть»

Эта оппозиция проходит сквозь весь роман. Для всей даосской традиции характерна мифологема «женственного», и очевидно, что в романе «Кит» неслучайно главные герои — женщины, причем женщины-матери, дающие ребенку жизнь. Однако среди них нет счастливой матери. Для персонажей романа рождение — несчастье. Во время родов смерть унесла жизни матери Кымбок и новорожденного, и страх смерти предопределил дальнейшую жизнь героини. Сама она родила дочь в тяжелое послевоенное время, будучи нищенкой, а Чхунхи стала матерью поздней весной, когда природа еще не давала никакой еды, и жестоко страдала от голода. Дочка Чхунхи умерла от болезни в младенчестве.

Еще один персонаж, дочь старухи, зачатая от семени дурачка, который обладал физиологическими особенностями, с самого рождения страдала от нелюбви матери, избивавшей ее за то, что дочь была похожа на своего отца. Даже после смерти дух старухи не давал покоя бедной дочери.

А сестры-близнецы, родившись в семье бедняка после семи дочерей вместо желанного мальчика, заставили отца потерять сознание. Рассерженный отец даже не соизволил дать им имена, а впоследствии продал девочек артистам бродячего цирка.

Страх смерти, охвативший Кымбок в детстве после ухода матери, вел ее по жизни, и она, много раз сталкиваясь со смертью, тщетно пыталась избавиться от нее. Смерть забирала близких ей людей, смерть шла за ней по пятам в годы войны, часто она оказывалась на грани жизни и смерти. Духи умерших людей не оставляли ее до конца жизни, напоминая о прошлом. Жизнь героини была насыщена удивительными событиями, но цивилизация, к которой она старалась приобщиться, направила ее на путь, отнявший у нее силы и истинные чувства. Поэтому ничего не смогло помочь Кымбок преодолеть страх смерти.

В романе поражает отношение героев и персонажей к смерти, а именно то, с какой легкостью они убивают людей. Одно дело, когда члены клана якудза сражаются с другим кланом или когда бандиты убивают жертву ради денег, но здесь убийства происходят в обычной

жизни. Так, кухарка топит в реке дурачка, сына благородного семейства, она же на глазах дочки вонзает нож в спину мужчине за измену. Так же легко убивают своих жертв и другие персонажи, в частности Фармацевт.

Автор многократно упоминает о законах мира, по которым живут герои, — это законы любви, природы, наследственности, преступного мира, нищих, судьбы и т. д. Они, по мнению писателя, заключаются в том, что все существа из плоти и крови в конце концов обречены на исчезновение, т. е. смерть. Тем не менее, на наш взгляд, судьба Чхунхи доказывает: человек не зря приходит на этот свет, и жизнь должна победить смерть.

Заключение

Таким образом, рассмотрев роман Чхон Мёнгвана «Кит», его необычных героев и персонажей, пространства, в которых они живут и умирают, события, на фоне которых разворачивается сюжет, отношение автора к своим героям и читателям, можно сделать вывод: несмотря на оригинальность композиции, «Кит» содержит в себе много традиционного. Это и соотнесенность персонажей с героями *пхэсоль*, и стихотворные строфы, встречающиеся в тексте, и традиционные мотивы, связанные с народными верованиями, конфуцианством и одной из форм даосского учения.

Примечания

[1] 은희경. 심사평/천명관.고해. Ын Хигён. Рецензия / Чхон Мёнгван. Кит. Сеул, 2015. С. 424.

[2] *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 447—483.

[3] *Чхон Мёнгван*. Кит. М.: Текст, 2008. С. 299.

[4] *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы. СПб., 2004. С. 90.

[5] *Чхон Мёнгван*. Кит. М.: Текст, 2018. С. 129.

[6] *Пак Вансо*. Забытый вкус кислички. М., 2016. С. 295.

[7] *Чхон Мёнгван*. Указ. соч. С. 407.

[8] *Троцевич А.Ф.* История коллекции. Предисловие // А.Ф. Троцевич, А.А. Гурьева. Описание письменных памятников корейской традиционной культуры. Т. 1. СПб., 2008. С. 31.

[9] *Торчинов Е.А.* Даосизм. Опыт историко-религиозного описания. СПб., 1998. С. 170—173.

[10] *Алексеев В.М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837—908). Перевод и исследование. Пг. С. 9—12.

[11] *Чхон Мёнгван*. Указ. соч. С. 15.

[12] *Торопцев С.А.* Жизнеописание Ли Бо — Поэта и Небожителя. М., 2009. С. 304—306.

References

1. *Eun Hee-Gyeong*. Assessment/ Cheon Myun-Gwan's novel “Whale”. Seoul, 2015. P. 424.

2. *Bakhtin M.M.* Questions of Literature and Aesthetics, (Russian) M., 1975.

3. *Cheon Myung-Gwan*. 2018. Whale. M., 2018. P. 299.

4. *Trotsevich A.F.* The history of Korean traditional literature (up to the 20th century). SPb, 2004. P. 90.

5. *Cheon Myung Gwan*. Whale. M., 2018. P. 299.

6. *Park Wan-Seo*. Forgotten taste of singa. M., 2016.

7. *Cheon Myung-Gwan*. Op. cit. P. 299.

8. *Trotsevich A.F., Guryeva A.A.* Description of Manuscripts and Block-prints of Korean Traditional Culture. Part I. SPb., 2008. P. 299.

9. *Torchinov E.A.* Taoism. Experience of the historico-religious description. SPb., 1998. P. 170—173.

10. *Alexeyev V. M.* Chinese Poem on poets: Sikong Tu's Poetry, Petrograd, 1916. P. 9—12.

11. *Cheon Myung-Gwan*. Whale. M., 2018. P. 15.

12. *Toroptsev S.* The Biography of Li Po — Poet and Celestial. M., 2009. P. 304, 306.

И.В. Цой

«ЛЮДИ-ДЕРЕВЬЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ КОРЕИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ХАН ГАН «ВЕГЕТАРИАНКА»)*

Открытие в 1990 г. границ с Республикой Корея предоставило отечественным исследователям огромный пласт нового материала. Так, например, произошло знакомство с такими резонансными произведениями современных южнокорейских авторов, как Ли Сын У и Хан Ган. Те сюжетные линии, которые раскрываются в этих двух романах, описывают современные события и героев. Однако примечателен тот факт, что на фоне разворачивающихся коллизий основная идея произведений сосредоточена, тем не менее, в дальневосточной философии в целом и в традиционных представлениях корейцев в частности. Интересно посмотреть, как современные корейские авторы интерпретируют этот традиционный образ в новых реалиях, какова в новом прочтении старого доля универсального и корейского образа мышления.

* Данное исследование поддерживается Министерством образования РК и Академией корееведения РК (AKS-2016-OLU-2250002).

This work is supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (ROK) (AKS-2016-OLU-2250002).

Ключевые слова: современная проза Кореи, Ли Сын У, Хан Ган, люди-деревья, насилие, метаморфоза.

А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит.
Н. Заболоцкий. Метаморфозы[1]

Тема, которую поднимают в своих произведениях такие современные авторы, как Ли Сын У и Хан Ган, интересна с той точки зрения, что, с одной стороны, это универсальная и общая тема для европейских и азиатских писателей, связанная с жизнью человека и с природой. С другой стороны, в корейских произведениях все же сохраняется традиционный взгляд на мир, который присущ именно корейскому образу мышления. Возможно, сразу уловить эти традиционные очертания сложно, однако под слоем бытового сюжета и еще одной из многочисленных жизненных историй и находится этот сокровенный корейский смысл. Безусловно, образ дерева — это общеизвестная мировая символика. Древо жизни, или мировое древо, и взаимосвязь человека и растительного мира хорошо описаны в европейской классической и современной литературе. Это сюжет мифов и рассказов, поэтический образ и метафора. Корейские исследователи, литературные критики[2], говоря о подобных сюжетах, часто приводят слова Германа Гессе: «Я считаю деревья самыми проникновенными проповедниками. Я благоговею перед ними, когда они живут племенами и семействами, в лесах и рощах. Но еще больше я благоговею перед деревьями, стоящими одиноко. Они напоминают мне одиноких людей. Не отшельников, скрывающихся от всех из-за каких-то своих слабостей, а великих одиночек...»[3] В произведениях выше отмеченных авторов люди не только соприкасаются с пространством природы, разговаривают с растениями, но и, более того, пытаются представить себя деревьями и облечься в растительный образ.

В 2013 г. в Санкт-Петербургском издательстве «Гиперион» вышел перевод романа корейского писателя Ли Сын У «Тайная жизнь

растений». Об этом произведении автор уже писал в «Вестнике Центра корейского языка и культуры» в 2014 г., поэтому в данном случае упомянем лишь кратко основные моменты[4,5]. В 2000 г. Ли Сын У (род. в 1959 г.) написал роман под названием «Тайная жизнь растений»[6] (식물들의 사생활)*. Автор принадлежит к тому поколению молодых писателей, которые дебютировали в 80-е годы прошлого столетия, в период политических репрессий, студенческого движения и социальной нестабильности, на фоне которых человек терял ощущение целостности мира и душевное равновесие. Корейские литературоведы называют Ли Сын У «писателем внутреннего мира»[7]. Многие отмечают его безупречный художественный стиль и чувство слова. В ранних произведениях автора его герои ищут спасения от внутренней неустроенности и психологических потрясений. Он представляет поколение литераторов, которые обращаются к теме семьи, видят и обсуждают признаки перемен в связи с тем, что модель традиционной корейской семьи с приходом 1990-х годов оказалась в критическом состоянии и утратила свою силу[8].

В романе «Тайная жизнь растений» показана традиционная корейская семья: отец, мать и два сына. Но в реальности у каждого своя жизнь, свой мир, и между этими «внутренними мирами» нет никаких связей. Писатель показывает, что разбить стену непонимания может только человек, близкий к природе и понимающий естественную гармонию жизни растений. Эту роль выполняет отец, который ассоциируется с высоким деревом.

В древней корейской культуре дерево мыслилось как «растительное воплощение облика старшего»[9,10]. Традиционно такое дере-

* В 2006 г. роман был переведен на французский язык и издан в одном из известных французских издательств. Роман вызвал большой интерес у французского читателя, и первый тираж в количестве 2500 экземпляров был сразу же распродан. Примечательно, что Ли Сын У более известен за пределами Кореи, нежели внутри страны, а некоторые европейские литераторы говорят о нем как о возможном кандидате на получение Нобелевской премии в области литературы наряду с таким корейским автором, как Хван Сокён. Ср. с рассказом «Древо возможного» (2002) французского писателя Бернарда Вербера (род. в 1961 г.), в котором автор выдвигает гипотезу о том, как изменится мир, если окажется, что деревья — это мыслящие разумные существа.

во всегда представлялось высоким и не изменяющим свой вид (вечнозеленым). Так же и «старший» — правитель, глава рода или семьи не должен менять свои решения по воле случая и своими действиями должен поддерживать порядок в государстве (семье) и гармонию в космосе. Так же и в романе: отец всегда оказывается там, где требуется его поддержка, и без лишнего шума (незаметно для окружающих) наводит порядок. Известная идея «естественного человека», который обрел внутреннюю гармонию, ушел от людей в мир природы, в романе представлена уже в современном образе «отца-садовника — любителя растений». Люди в современном мире страдают, разобщены, утратили естественные связи, предоставлены сами себе, потому им плохо. Но нашелся отец («старший»), который вернул им понимание красоты искренних чувств и отношений — таких, какие свойственны природе, миру растений. Роман Ли Сын У — еще один пример истинно корейского традиционного понимания гармоничных отношений в семье и в целом в государстве: когда наступает хаос, появляется «устроитель», который спасает ситуацию и способствует установлению гармоничных отношений.

В 2007 г. писательница Хан Ган (한강)* (род. в 1970 г. в г. Кванчжу) написала книгу** под названием «Вегетарианка» (채식주의자), в 2016 г. роман был переведен на английский язык (переводчица Дебора Смит) и завоевал Международную Букеровскую премию (Man Booker International Prize) в номинации «За литературное произведение, переведённое на английский язык и изданное в Великобритании»[11]. Для корейских литературных кругов это первое произведение, которое было удостоено такой награды. В 2018 г. московское издательство АСТ в серии «Шорт-лист» опубликовало перевод книги на русский язык (переводчица Ли Сан Юн)[12]. Хан Ган стала известна не только у себя на Родине, но и приобрела известность во всем мире.

* Дебютировала в литературных кругах с рассказа «Красный якорь» (붉은 닻), который был опубликован в «Сеульской газете» в 1993 г.

** В корейских источниках книгу «Вегетарианка» по жанру определяют либо как роман (장편소설), либо как повесть (중단편).

Роман разделен на три главы: 1) «Вегетарианка» (채식주의자)*; 2) «Монгольское пятно» (몽고반점)**; 3) «Пламя деревьев» (나무 불꽃). В первой части повествование идет от первого лица — мужа главной героини Ёнхе, во второй — события описываются от имени мужа старшей сестры, в третьей — речь ведет старшая сестра главной героини — Инхе. Иначе говоря, в романе представлены три взгляда на одного и того же героя, точнее героиню.

Сюжет повествования строится на внезапной решимости Ёнхе перестать есть мясо, и она становится вегетарианкой. Героиня видит сны со сценами насилия, и после этого выбрасывает из холодильника все мясные продукты и мясо («...И сразу их увидела. Несколько сотен кусков мяса...[13] ...Мой рот в крови. Ведь я подобрала и съела упавший кусок. Сочное сырое мясо терлось о мои десны и нёбо, оставляя кровавый след. ...Снова приснился сон. Кто-то убил человека, кто-то другой незаметно спрятал труп, но когда я проснулась, я поняла, что забыла. Забыла, то ли я убила, то ли убили меня[14]... После пятого круга у собаки изо рта появляется пена. С шеи, обвязанной веревкой, стекает кровь. Собаку тянет мотоцикл, она волочится, поскуливая от боли. На шестом круге ее рвет темно-красной кровью[15]... И все из-за мяса. Я ела слишком много мяса. Дýши всех этих животных скопились в этом месте...»[16]). Сама Ёнхе, несмотря на то что по сюжету является центральным персонажем, не имеет своего голоса, и читатель узнает о ней только со слов окружающих ее людей, из их описаний происходящего. Голос Ёнхе от первого лица слышен лишь в те моменты, когда Ёнхе описывает свои сны, которые и повлияли на ее решение отказаться от мяса. Семья не принимает такой поворот событий, и пытается насильно кормить Ёнхе мясом. Ни муж, ни отец даже не задумываются о причинах, которые привели главную героиню к этому решению. Все считают, что

* Эта часть книги как отдельный рассказ была опубликована в летнем номере сборника издательства «Творчество и критика» (창작과비평) в 2004 г.

** Эта часть книги как отдельный рассказ была опубликована в ежегодном сборнике рассказов — лауреатов литературной премии имени Ли Сана в 2005 г. Рассказ стал победителем в данной номинации, а Хан Ган оказалась самым молодым автором-победителем со времени учреждения этой литературной премии.

она сошла с ума, ведь, по их мнению, нормальный человек не станет добровольно отказываться от мяса. Более того, в итоге Ёнхе попадает в психиатрическую клинику, где ее страдания продолжаются. Проблема выходит за рамки одной семьи, уже все окружающие люди и общество в целом воспринимают поведение героини как ненормальное, не вписывающееся в привычные нормы и стандарты поведения.

На первый взгляд, это одна из очередных семейных историй, которые в последнее время широко представлены в современном художественном пространстве корейской литературы. Недопонимание и отчужденность, сложные (равнодушные, безразличные) отношения между членами семьи и близкими — актуальные темы современных рассказов и романов. Корни проблем во взрослой жизни берут свое начало из детских воспоминаний и впечатлений. Отец Ёнхе — представитель традиционного консервативного и не терпящего протестов типа корейских мужчин («Свою тяжелую руку отец опускал только на вторую дочь...»[17]), ее муж женился на ней не по любви, а просто потому, что так надо было и так положено («...Иногда я думал, что нет ничего плохого в том, чтобы жить со странноватой женщиной. Жить как с чужим человеком. Или нет, как со старшей сестрой, которая готовит, накрывает на стол, убирает квартиру, или даже как с приходящей домработницей...»[18]), сестра Ёнхе пыталась построить обычную традиционную семью, где все послушно и привычно выполняют свои обязанности и роли, но при этом не испытывают теплоты и близости. В этом повествовании причина семейной драмы — вегетарианство, однако лишь на первый взгляд. Как представляется, акцент в книге сделан все же на последнюю часть романа — главу «Пламя деревьев». Ёнхе не только напрочь отказывается есть мясо, но и вообще перестает есть любую другую пищу, за исключением воды. Она стремится превратиться в дерево, стать им и питаться только тем, чем питаются растения («...Все деревья на свете нам братья и сестры...[19] ...Когда я стояла вниз головой... из моего тела выросли листочки, из рук вылезли корни... и я начала зарываться в землю. Все глубже и глубже... В паху стали пробиваться цветы, и я раздвинула ноги...[20] ...Я уже не животное... Я теперь могу вообще ничего не есть. Могу жить без

еды. Лишь бы солнце светило...[21] ...Сестра, я стою на руках, на моем теле выросли листья, из рук пробились корни... Я вросла в землю...»[22]). В романе это ключевая идея, которая, надо отметить, изначально родилась у Хан Ган еще в более раннем ее произведении под названием «Плоды моей женщины» (내 여자의 열매), 2000. В этом рассказе жена героя превращается в комнатное растение. Семейная жизнь не приносит радости, герои проживают жизнь по инерции, героиня ощущает несвободу и тяготится своей семейной жизнью. Однако однажды, превратившись в комнатное растение, героиня впервые испытывает чувство свободы и простора. Когда муж поливает растение — свою жену, — то вдруг обнаруживает, насколько же она красива.

Когда у писательницы берут интервью, то часто спрашивают об истоках написания «Вегетарианки». Хан Ган, отвечая на этот вопрос, поднимает такую тему, в которой ключевым является слово «насилие» (폭력). Еще в раннем возрасте писательницу интересовало, в чем призвание человека и его миссия, можно ли жить без насилия, как сохранить невинность и чистоту (결벽) и во взрослой жизни. Автора не перестает интересовать природа насилия, ее причины и последствия, влияние на жизнь человека и общества, а также на ход истории. Тем самым сюжет романа «Вегетарианка» не ограничивается только лишь семейной коллизией, проблемой семейных отношений, а транслирует идею насилия и агрессии в целом — как проявление человеческой сути. С другой стороны, насилие представлено здесь отчасти и как проблема гендерного (полового) неравенства: по-прежнему мужчина доминирует в корейском традиционном обществе. Возможно, стремление одного из героев — мужа старшей сестры главной героини — добиться максимального художественного воплощения некой идеи в искусстве, выводит его за грань дозволенного, и в итоге разрушает жизни героев. Однако Ёнхе здесь не только жертва обстоятельств, в какой-то мере она принимает осознанное решение и участвует в видеосъемке добровольно. Почему? Сюжет видеосъемки посвящен цветам, природной сущности, а главная героиня к этому природному существованию и стремится.

Можно сказать, что кульминация романа — это третья часть, в которой Ёнхе уже открыто говорит о своей мечте стать деревом. Само современное общество, не только корейское, навязывает человеку через средства массовой информации определенные стандарты — поведения, внешности, питания и пр. В романе героиня не такая как все во всём. Например, в фирмах принято устраивать «корпоративы» и приходить туда с женами — героиня не хочет туда ходить. А когда приходит, то оказывается одетой не так, как принято, и не ест то, что едят все. В романе есть и другие примеры ее «непохожести», отмеченные автором как бы мимоходом. На этом плане разворачивается трагедия героини. Человек, в сущности, животное, а животному свойственно насилие, агрессия. Героиня же хочет преодолеть в себе эту животную сущность, и ее первый шаг — отказ от мяса. Ее второй шаг — стремление стать растением. И к этому, возможно, ее подводит муж старшей сестры — художник. Художник появляется не зря: он тоже особый, не такой, как все. Он хочет сделать особое видео, показать человека в особом плане. Его поиски — изобразить человека как растение. Он раздевает и расписывает тело героини растениями, цветами. Для других — это порно, для него — живое растение, первозданная растительная сущность, естественность. Он ищет модель, которая по своей внутренней природе соответствовала бы его замыслу — изобразить человека-растение, человека-цветок. И обращает внимание на героиню. Он расписывает её дважды, и первый раз терпит неудачу, потому что она — цветок, растение, а он остался человеком, мужчиной, животным. А когда и он расписывает себя цветами, они оба становятся растениями, приобретают одну сущность, и потому естественно соединяются, как соединяются природные существа, растения — тычинки с пестиками. И в этой сцене, пожалуй, нет насилия, просто два растения, два цветка нашли друг друга. Вот герой и снимает видео, в котором показывает соединение цветов, первозданно чистых, как первозданно чиста и сама природа. Здесь вспоминается фрагмент из прозы Мацуо Басё: «...Коль скоро ты видишь, то не можешь не видеть цветы, коль скоро ты думаешь, — не можешь не думать о луне. Когда то, что ты видишь, не является цветами, ты все равно что грубый варвар. Когда нет цветов в твоих мыслях, ты подобен дикому зверю. Уйди от

варварского, отвратись от дикости, подчинись естеству, вернись к естеству»[23]. Но эту естественность и чистоту разрушает старшая сестра, которой, как и всем другим, дано в этой сцене увидеть лишь чудовищное порно, разврат, безумие. Ведь именно после этого сама сестра помещает героиню в психиатрическую клинику. И как старшая сестра она ее любит и жалеет и хочет вылечить, т. е. сделать такой, как все, как принято.

Героиня не мечтает стать деревом, она и есть дерево, и чувствует себя деревом, естественным природным существом, растением, а растениям не свойственны ни насилие, ни агрессия, не нужна ни какая-то искусственно изготовленная одежда, ни какой-то специально приготовленный корм — все дано самой природой, растение (=героиня) и есть природа. Обычные люди, окружающие, воспринимают все это как отклонение от нормы — безумие, которое надо излечить. В традиционной корейской поэзии в жанре *сичжо* есть упоминания о том, что природа воспринимается не как внешняя среда, окружающая человека. Человек и есть та самая сосна, которая одиноко стоит на обрыве, тот самый журавль, замерзающий под осенним ветром и дождем. Он ощущает себя природным существом. Не превращается, не воображает, а есть на самом деле.

С одной стороны, идея превратиться в дерево — это попытка отказаться от самой сути насилия, ведь растения не причиняют никому вреда. И тогда это история, которая имеет свое продолжение в другом романе Хан Ган «Идет мальчик» (소년이 온다), 2014. Речь в нем идет об исторических событиях, произошедших в г. Кванчжу — родине писательницы. В романе описываются свидетели и очевидцы произошедшей трагедии, предстает картина череды смертей в вихре насилия и агрессии.

Если рассматривать сюжет романа с точки зрения восприятия современным обществом, то это рассказ о том, как один человек предпринял попытку вернуться к истокам гармоничного «девственного» существования. Современный мир — это мир скоростей, безграничного количества информации и технологий. Под личиной высокообразованного интеллектуала скрывается ранимый и чувствительный человек, не могущий вести себя естественно в сложившихся условиях и вынужденный скрывать свои эмоции под маской

«современного жителя мегаполиса». И тогда поднимается вопрос: а что подразумевать под словом «норма», «нормальный», «адекватный»? Нормальные ли все те, кто живет, надев маски приличия, или нормален тот, кто снимает маску и остается таким, каков он есть на самом деле? Тот, кто живет не по стандартам общества, кто не стремится следовать им, кто не боится свободно проявлять свои чувства, в понимании всего остального мира становится «ненормальным», изгоем, странным и непонятным.

Есть также мнения и суждения, что роман «Вегетарианка» — это иллюстрация к популярной ныне идее экофеминизма[24]. Данная философия подчёркивает, что и женщины, и природа подвергаются подавлению, угнетению со стороны патриархата[25]. Иначе говоря, в романе обыгрывается вот этот порыв отказа от мяса как попытка освободиться из-под мужского влияния. Ведь с мясом, с плотью ассоциируется «маскулинная» сила, мужская суть. И тогда растительная пища — это ассоциация с женской сущностью, с отсутствием агрессии.

Следует все же рассмотреть историю вопроса, обратившись к классике и к традиционным взглядам корейцев.

Если посмотреть с точки зрения ретроспективы, то идея природного существования и близости с природой не нова для традиционных взглядов корейцев. Как уже было сказано ранее, эта идея была озвучена и в традиционной корейской литературе, в классических сюжетах. Интересно, что в современной корейской литературе наряду с Хан Ган этой теме посвятили свои произведения и такие авторы, как упомянутый выше Ли Сын У[26] и Чхве Инсок[27]. Хан Ган упоминает о том, что ранее о взаимосвязи людей и деревьев писал и известный корейский модернист первой половины прошлого века Ли Сан в своих черновых записях («Я думаю, что лишь человек и есть растение», — 이상은 '나는 인간만은 식물이라고 생각한다'고 자신의 습작 노트에 썼다.)

Однако если в прошлые века мир природы ассоциировался с местом, где человек находил умиротворение и успокоение, возможность собраться с мыслями и посвятить себя творчеству, в понимании современных корейских авторов возврат к природе и природному существованию — это попытка отказаться от насилия и агрессивных проявлений человеческой сути. Это попытка вернуться к

начальному, первобытному, «чистому» состоянию. Иначе говоря, идея возврата к природе присутствует и в современной литературе, однако причина такого возврата может разниться. Например, в произведениях других авторов тема возврата к природному существованию — это уход и протест против любого политического давления и агрессии.

Почему эта тема по-прежнему актуальна для художественной литературы Кореи сегодняшнего времени? Возможно, именно по той самой причине, что современные корейцы все чаще (вольно или невольно) забывают о своих корнях, утрачивают связь с природой, однако в глубине, неосознанно, все еще ощущают близость с ней. Главные персонажи — женщины, пусть и слабые, но все же интуитивно ощущающие свою силу. Для них корни деревьев — это то, что находится в земле, почве, а земля ассоциируется с образом матери, материнским началом. Неслучайно вторая глава романа в то же самое время называется «Монгольское пятно». Благодаря своей локализации в области крестца пятно еще называют «сакральное пятно»*. Главная героиня, хотя давно уже вышла из младенческого возраста, все еще имеет на теле монгольское пятно, что довольно редкое для такого возраста явление. Не отсылка ли это к подсознательному желанию вернуться к началу пути, к младенчеству, которое ассоциируется с чистотой, с невинностью, с гармоничным существованием. («Непонятно, как это пятно могло до сих пор оставаться на теле. Но он не ошибался; это действительно было четкое монгольское пятно, похожее на синяк, при освещении отливавшее светлым зеленовато-голубым цветом. Казалось, что это отголосок глубокой древности, чего-то существовавшего еще до эволюции ... в нем чувствовалась некая связь с миром растений...»[28])

Примечателен тот факт, что в последнее время в корейской литературе все чаще звучит такая тема, которую можно обозначить словом «метаморфоза»[29]. Авторы, не переставая размышлять о вечных вопросах бытия, задумываются о том, какая сущность или форма человеческого бытия может быть самой подходящей для естест-

* Ср. ассоциацию с годичными кольцами деревьев.

венного развития и выживания человека в условиях техногенных революций*.

В целом можно сказать, что корейские исследователи, как правило, рассматривают корейскую современную прозу с точки зрения мировой литературы, находят точки соприкосновения с универсальными идеями и взглядами, с христианскими идеями, таким образом, пытаясь интегрировать корейскую литературу в общемировую традицию. Это понятное стремление. Однако есть все же смысл рассматривать литературу Кореи и как часть традиционного пласта, часть корейской классики, находить преемственность традиций и подмечать, как традиционные представления продолжают сохраняться и в современной прозе. Здесь взгляд со стороны помогает увидеть не только перспективу, но и провести параллели с традицией, наблюдать весь процесс в его непрерывности.

Примечания

[1] *Заболоцкий Н.А.* Метаморфозы. Издательство «ОГИ». М., 2019.

[2] *Ким Сонсу*. Намуе гванхан сигмульсоне сансан // Кхатхобыллепхасые унмён. Мунхакпхённончип. Ким Сонсу. Фантазии на тему растительных образов, связанных с деревьями // Судьба Катоблепаса. Сборник критических статей о литературе. Сеул, 2008. С. 300—314.

[3] *Герман Гессе*. Деревья (из цикла «Странствия: записки и зарисовки»). URL: https://falyosa.livejournal.com/3986660.html (дата обращения: 28.02.2019).

[4] *Цой И.В.* Люди-растения в романе Ли Сыну «Тайная жизнь растений» (2000) // Вестник Центра корейского языка и культуры. 2014. № 16. С. 152—163.

[5] *Цой И.В.* «Неземная любовь в мире обыденности» (роман Ли Сыну «Тайная жизнь растений» и роман Каори Экуни «Божественная лодка»). Сборник материалов VI Международной научной конференции (25—29 июня 2014 г.) // Проблемы литератур Дальнего Востока. СПб.: Студия НП-Принт, 2014. С. 433—446.

* Некоторые корейские исследователи рассматривают творчество Хан Ган с буддийской точки зрения, если речь идет о метаморфозах, случающихся с главными героями. Другими словами, видят в происходящем как бы «буддийское» перерождение и очищение.

[6] *Ли Сын У.* Тайная жизнь растений. Пер. с корейского Марии Кузнецовой. СПб.: Гиперион, 2013.

[7] Who's Who in Korean Literature. The Korean Culture and Arts Foundation. HOLLYM, Seoul, 1996. P. 347.

[8] Towards a New Family. By Kim Hyoung-Joong // _list Books from Korea. Vol. 1. Autumn, 2008. P. 12.

[9] *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М., 1982.

[10] *Троцевич А.Ф.* Миф и сюжетная проза Кореи. СПб., 1996.

[11] *Han Kang*. The Vegetarian. Portobello Books. 2015.

[12] *Хан Ган*. Вегетарианка. Пер. с корейского Ли Сан Юн. М.: АСТ, 2018.

[13] Там же. С. 22.

[14] Там же. С. 50.

[15] Там же. С. 76.

[16] Там же. С. 88.

[17] Там же. С. 276.

[18] Там же. С. 55.

[19] Там же. С. 252.

[20] Там же. С. 259.

[21] Там же. С. 268.

[22] Там же. С. 221.

[23] *Мацуо Басё.* Стихи. Проза. СПб.: Гиперион, 2002. С. 116.

[24] *Ли Чхангю, Ли Ынчжи.* Хангане чакпхум соге натханан экхопхеминижым ёнгу — «Чхэсикчжуича»рыль чунсимыро. Сонгюнгван тэхаккё инмунхак ёнгувон. Инмунквахак, Экофеминизма в произведениях Хан Ган — на примере романа «Вегетарианка». НИИ гуманитарных наук Университета Сонгюнгван. Т. 46. 2010. 43—67.

[25] URL: http://ona.org.ru/post/159948716288/what-is-ecofeminism (дата обращения: 28.02.2019).

[26] *Ли Сыну.* Комын наму. Чаккасеге. Ли Сыну. Черное дерево. М.: Мир писателя, 2000.

[27] *Чхве Инсок.* Модын намунын йэгирыль ханда. Чханчжакква пхипхён. Чхве Инсок. Все деревья разговаривают. М.: Творчество и критика, 2000.

[28] *Хан Ган.* Вегетарианка. Пер. с корейского Ли Сан Юн. М.: АСТ, 2018. С. 147.

[29] *Чхон Мёнгван.* Кит. Пер. с корейского Ким Хвана и Ли Сан Юн. М.: Текст, 2018.

References

1. *Zabolotsky N.A.* Metamorphosis. Publishing House "OGI". M., 2019.

2. *Kim Seong-Soo.* Fantasies on the Theme of Plant Images Associated with Trees // The Fate of Catoblepas. Collection of critical articles on literature. Seoul. 2008. P. 300—314.

3. *Herman Hesse.* Trees (from the Cycle "Wanderings: notes and sketches"). URL: https://falyosa.livejournal.com/3986660.html (accessed: 28.02.2019).

4. *Tsoi I.V.* Plants-people in the novel "The Secret Life of Plants" (2000) // Proceedings of the Center for Korean Language and Culture. 2014. № 16. P. 152—163.

5. *Tsoi I.V.* Unearthly Love in the World of Routine (Lee Seung-Woo's novel "The Secret Life of Plants" and Kaori Ekuni's novel "The Divine Boat") // Proceedings of the VI International Scientific Conference (June 25—29, 2014) "Problems of the Literature of the Far East". Publishing House "Studio NP-Print". SPb., 2014. P. 433—446.

6. *Lee Seung-Woo.* The Secret Life of Plants. Translated from the Korean by Maria Kuznetsova. Publishing House "Hyperion". SPb., 2013.

7. Who's Who in Korean Literature. The Korean Culture and Arts Foundation. HOLLYM, Seoul. 1996. P. 347.

8. Towards a New Family. By Kim Hyoung-Joong // _list Books from Korea. Vol. 1 Autumn. 2008. P. 12.

9. *Nikitina M.I.* Ancient Korean Poetry in Connection with Ritual and Myth. M., 1982.

10. *Trotsevich A.* F. The Myth and Story Prose of Korea. SPb., 1996.

11. *Han Kang.* The Vegetarian. Publishing House "Portobello Books", 2015.

12. *Han Kang.* The Vegetarian. Translated from the Korean by Lee San-Yun. M.: AST, 2018.

13. Ibid. P. 22.

14. Ibid. P. 50.

15. Ibid. P. 76.

16. Ibid. P. 88.

17. Ibid. P. 276.

18. Ibid. P. 55.

19. Ibid. P. 252.

20. Ibid. P. 259.

21. Ibid. P. 268.

22. Ibid. P. 221.

23. *Matsuo Basho*. Verse. Prose. SPb.: Hyperion, 2002. P. 116.

24. *Lee Chan Kyu, Lee Eun Ji*. A Research on Ecofeminism Shown in Han Gang's Work "Vegetarian148 as the Center. Sungkyunkwan University. Vol. 46. Seoul, 2010. P. 43—67.

25. URL: http://ona.org.ru/post/159948716288/what-is-ecofeminism (accessed: 28.02.2019).

26. *Lee Seung-Woo*. The Ebony. M.: World of the Writer, 2000.

27. *Choi In-Seok*. All the Trees are Talking. M.: Creativity and Criticism, 2000.

28. *Ch'on Meong-Gwan*. The Whale. Translated from the Korean by Kim Hwan and Lee San-Yun. Moscow: The Text, 2018.

Е.А. Хохлова

ДЕКОРАЦИИ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СПЕКТАКЛЯ: ИСКУССТВО НА МЕЖКОРЕЙСКОМ САММИТЕ В ПХАНМУЧЖОМЕ

27 апреля 2018 г. лидеры КНДР и РК встретились в «Доме мира» в деревне Пханмунчжом. Южнокорейская сторона тщательно готовилась к встрече. Особая роль была отведена произведениям искусства. Чтобы украсить помещения, а также задать тон встрече, администрация президента выбрала крупные картины, фотографии и видео-арт с изображением корейской природы. Каждый этап саммита проходил на фоне искусства. В статье рассматриваются выставленные в «Доме мира» произведения искусства. Раскрывается их содержание и символизм. Автор делает вывод, что использование искусства на межкорейском саммите является удачным примером того, как при помощи произведений можно создать настроение и придать встрече нужный для заинтересованной стороны характер.

Ключевые слова: межкорейский саммит в Пханмунчжоме, искусство, живопись, фотография, символизм.

27 апреля 2018 г. лидеры КНДР и РК встретились в «Доме мира» в деревне Пханмунчжом, переговоры на высшем уровне состоялись впервые за 11 лет. Внимание международного сообщества и жителей РК и КНДР было приковано к развернувшемуся в «Доме мира» дей-

ству. Саммит был насыщен положительными эмоциями, напоминал всеобщий праздник, участники которого приветливо общались, обменивались рукопожатиями и улыбками, вкусно ели, выпивали, гуляли. Как писали южнокорейские СМИ, на встрече не было места «стеснению», ощущение создавалось такое, будто все давно ждали этого события и были безмерно счастливы видеть друг друга.

Организацией саммита занималась южнокорейская сторона. Подготовка шла тщательная, администрация президента Мун Чжэ Ина продумала все до мелочей, включая десерт и символику на стульях лидеров. «Дом мира» отремонтировали, интерьер наполнили символами, которые должны были придать встрече нужный характер и убедить общественность, что намерения у южнокорейской стороны самые искренние. Особая роль была отведена произведениям искусства. Чтобы украсить пространство, создать эффект единения и задать тон встрече, администрация президента и супруга Мун Чжэ Ина выбрали крупные картины, фотографии и видео-арт с изображением корейской природы. Каждый этап встречи проходил на фоне искусства.

«Дом мира» открыли после реставрации 25 апреля 2018 г., его сразу же стали сравнивать с художественной галереей, так как на всех трех этажах были представлены произведения искусства. Курс администрации Мун Чжэ Ина СМИ назвали «художественной политикой», или «политикой искусства». Все выставленное искусство говорило на одну тему: красота корейской природы. Представитель Голубого дома накануне саммита прокомментировала выбор произведений и выразила надежду на то, что они помогут лидерам начать диалог. «Мы постарались продумать каждую деталь, чтобы саммит прошел успешно, надеемся на поддержку граждан»[1]. Действительно, можно рассматривать искусство в «Доме мира» как одну выставку. Голубой дом на брифинге 25 апреля объявил тему экспозиции: «Приветствие и забота, мир и надежда» (환영과 배려, 평화와 소망). Говорилось, что были отобраны произведения, в которых заложена любовь и чувства к родной стране, а также надежда преодолеть разделение. «В каждую работу мы вложили послание и чувства»[2].

Рассмотрим произведения в том порядке, в котором они были выставлены.

1-й этаж, холл

«Гора Пукхан» (2007) художника Мин Чжонги — первое произведение, которое увидел Ким Чен Ын в «Доме мира» (рис. 1). Мин Чжонги — крупный художник, в 1980-е годы был участником движения *минчжун мисуль* («искусство для народа»), участвовал в демонстрациях, боролся за демократические свободы. Начиная с 1990-х он посвятил себя изображению видов корейской природы и городов. Картина «Гора Пукхан» представляет собой масштабный холст размером 264,5х452,5 см. Акрилом написана гора Пукхан, главная гора Сеула. Произведение продолжает традицию корейских пейзажей XVIII в. *чингён сансухва*. Голубой дом поместил этот пейзаж в холле, поскольку хотел тепло поприветствовать северокорейского лидера и «пригласить его в Сеул, посмотреть на главную природную достопримечательность города». Само название горы «Пукхан» (северокорейская) было принято во внимание[3]. Ким Чен Ын обратил внимание на картину, спросил, в какой технике она выполнена, на что Мун Чжэ Ин ответил: «Это западная живопись, но выполнена в технике восточной живописи».

Рис. 1. Мин Чжонги. *Гора Пукхан*, 2007. Акрил, 264,5х452,5 см

На правой стене холла, за столом, где Ким Чен Ын расписался в книге гостей, находилось произведение Ким Чжунгвона «Облака в горах» (2009) (рис. 2). Ким Чжунгвон — один из самых известных мастеров гравюры, он работает в технике традиционной корейской гравюры, которую сам возродил. В 1980-е годы он также создавал *минчжун мисуль*. На гравюре изображены простирающиеся вдаль горы и огромный небесный простор. Горы расположены дугообразно, кресло для Ким Чен Ына стояло в центре. По замыслу организаторов, такая композиция должна была создать эффект, словно горы «окутывают, обнимают лидера КНДР». Ким Чжунгвон — любимый художник президента Но Му Хена. Президент и художник познакомились в 1980-е. При администрации Но Му Хена Голубой дом приобрел несколько работ Ким Чжунгвона[4].

Отметим, что художники Мин Чжонги и Ким Чжунгвон в 1980-е были активными представителями направления «искусство для народа», боролись за демократические свободы и призывали покончить с диктатурой.

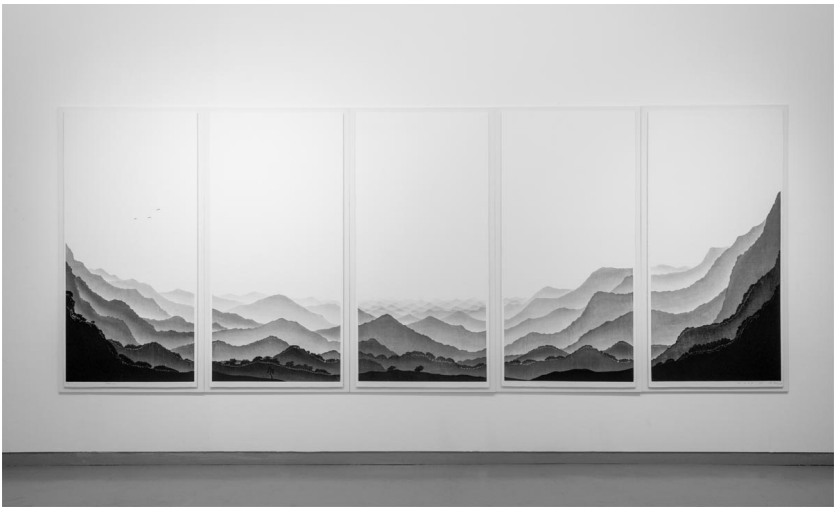

Рис. 2. Ким Чжунгвон. *Облака в горах*, 2009. Гравюра, 400x1180 см

1-й этаж, комната для переговоров

Большое внимание привлекла фотография «Тысячелетний путь. Начало» (2018) Ким Чжунгмана (рис. 3). На фотографии изображен один лист из рукописи знаменитого каллиграфа Ким Ынхёна (1927—2007). Ким Чжунгман по просьбе Голубого дома выделил голубым цветом букву «миым» ㅁ в слове *саматти* («понимать друг друга») и красным букву «киёк» ㄱ в слове *мэнганони* («создавать»). Первая для Мун Чжэ Ина, вторая — для Ким Чен Ына. Таким образом, в произведении содержалась надежда на то, что два лидера достигнут взаимопонимания и создадут что-то вместе[5]. Мун Чжэ Ин лично объяснил Ким Чен Ыну заложенный в произведении смысл. Ким похвалил Муна, отметив, что президент позаботился даже о деталях[6].

Также комнату украшали две картины Пак Тэсона «Водопад Чанбэк» и «Пик Ильчхуль», выполненные в технике традиционной корейской живописи (1990) (рис. 4, 5). Водопад Чанбэк находится

Рис. 3. Ким Чжунгман. *Тысячелетний путь. Начало*, 2018. Фотография

Рис. 4. Пак Тэсон. *Водопад Чанбэк*. 61x97,8 см. Минеральные краски, тушь, ткань

Рис. 5. Пак Тэсон. *Пик Ильчхуль*. 61x97,5 см. Минеральные краски, тушь, ткань

на горе Пэктусан, а пик Ильчхуль на острове Чечжу. Висящие рядом картины должны были напоминать о том, что Северная и Южная Кореи — это единая земля.

2-й этаж, зал для переговоров

Зал для переговоров украшала картина Син Чанщика «Горы Кымган» (2001) (рис. 6). Длина картины 6,8 м. Изображены знамени-

Рис. 6. Син Чанщик. *Горы Кымган*. 2001. Акрил, холст. 681x181 см

тые горы Кымган осенью, когда листва деревьев окрашивается в разные цвета. Син Чанщик известен как художник гор Кымган, он бывал там 10 раз в то время, когда туризм был разрешен. Написал множество их видов. Горы Кымган, как известно, являются символом примирения Севера и Юга. Как объяснил представитель Голубого дома, картину «повесили, чтобы лидеры словно оказались в горах, которые являются символом перемирия и сотрудничества двух стран»[7]. Произведение выставили в надежде на успех саммита и как напоминание о том, что туризм в горы Кымган пора возобновить.

На входе в зал переговоров висели две картины художницы Ли Сукча: «Чертополох на ячменном поле» и «Цветок рапса» из серии «Поле ячменя» (рис. 7, 8). Ярко-зеленые весенние ячменные поля должны были символизировать корейский народ, полный жизненной энергии. Картины не привлекли особого внимания, так как на их фоне лидеры не фотографировались.

Рис. 7. Ли Сукча. *Цветок рапса*, 2012. 130,3x162,1 см

Рис. 8. Ли Сукча. *Чертополох на ячменном поле*, 2012. 130,3x162,1 см

3-й этаж, обеденный зал

В обеденном зале висело еще одно масштабное полотно, картина Син Тхэсу «Вид на мыс Чжансан со скалы Тумучжин» (рис. 9). Размер картины 430x130 см. Скала Тумучжин находится на южнокорейском острове Пэннён, расположенном в 10—15 км от северокорейского побережья. 27 марта 2010 г. недалеко от острова затонул южнокорейский корвет «Чхонан». Художник несколько раз бывал на острове, нарисовал серию пейзажей. Это произведение должно было выражать надежду южнокорейского правительства на то, что остров Пэннён и морская граница между странами из причины противостояния превратятся в символ мира. На фоне картины Ким и Мун выступали с речью, произносили тосты.

На входе в обеденный зал разместили произведения Ли Инама «Счастье старой живописи» и «Путь мира» (рис. 10, 11). Ли Инам создает видео-арт. «Путь мира» — это переосмысление пейзажей с

Рис. 9. Син Тхэсу. *Вид на мыс Чжансан со скалы Тумучжжин*, 2012. 430x130 см

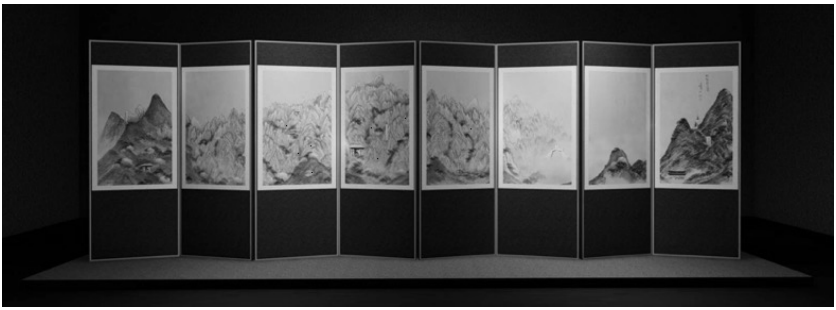

Рис. 10. Ли Инам. *Путь мира*. Мониторы, ширма. 700x229x100 см

Рис. 11. Ли Инам. *Счастье старой живописи*. Мониторы, ширма. 700x229x100 см

видами гор Кымган художника XVIII в. Кёмчжэ Чон Сона (1676—1759). Произведение представляет собой восьмистворчатую ширму с движущимися пейзажами Чон Сона. В работе горы Кымган постепенно со сменой сезонов приобретают современный вид, у их подножия вырастают города. Представлено будущее объединенного Корейского полуострова[8].

Искусству в Пханмунчжоме было посвящено множество новостных статей. Накануне саммита журналисты описали внутренне убранство помещений, объяснили содержание картин, опираясь на слова Голубого дома. После саммита вышли статьи, посвященные художникам, чьи картины привлекли особое внимание, а именно на фоне которых лидеры сфотографировались.

Оценок качества экспозиции высказано было немного. Нам удалось найти лишь две статьи с указанием мнений искусствоведов и представителей корейского мира искусства. Критики и специалисты положительно оценили выставку. В частности, газета e-daily написала: «“Гора Пукхан” и “Тысячелетний путь. Начало” помогли лидерами справиться с неловкостью». «Межкорейский саммит состоялся впервые за 11 лет, но ощущения неловкости не было»[9]. «Экспозиция в Пханмунчжоме стала хорошим примером того, как в решающий момент можно использовать произведения искусства, наполнив их соответствующим смыслом»[10].

На сайте центра исследования корейского искусства «Кимдальчжин» была опубликована радостная статья, в которой говорилось, что искусство сыграло большую роль на встрече двух лидеров[11]. «Пханмунчжом превратился в художественную галерею. Редко столько внимания уделяют искусству и роли, которую оно может сыграть. Нужно отдать должное произведениям искусства, они поспособствовали успеху саммита. Искусство сыграет немалую роль в объединении двух стран и воцарении мира на Корейском полуострове»[12]. В другой статье говорилось: «Наконец-то наше общество поняло, какой силой и ценностью обладает искусство»[13]. Конечно, подобные оценки могут звучать наивно, тем не менее искусство на саммите пусть и не повлияло на ход встречи, но помогло создать торжественную атмосферу и придать встрече нужный характер.

Попробуем выделить особенности представленных в «Доме мира» произведений искусства.

1. Все произведения были крупного размера. Они заполняли пространство, являлись фоном для происходящих событий. Произведения должны были легко считываться без внимательного рассмотрения. Большой размер решал вопрос заполнения и декорирования пространства.

2. Все произведения посвящены природе. Нейтральная тема природы Корейского полуострова позволяла не упоминать разногласия Севера и Юга в вопросах идеологии, политического курса и в целом разницы в уровне жизни. Не были представлены на картинах люди, дома, т. е. то, что могло указывать на отличия двух стран. Произведения говорили о том, что объединяет две Кореи: любовь к родной земле, красоты Корейского полуострова, общая история. Они словно пели гимн корейской земле и напоминали лидерам и общественности о том, что Корейский полуостров — это единая земля, а красота и величие гор и морей — это основа для примирения.

3. Все произведения были простыми для восприятия и понимания, выполнены в реалистичной манере. Южнокорейское искусство сегодня — это буйство техник и тем, зачастую сложных для понимания, требующих от зрителя определенной подготовки и терпения. На саммите были представлены исключительно фигуративные несложные для восприятия произведения, акцент был сделан на красоту и визуальный эффект. На Севере, как известно, не воспринимают абстрактную живопись, постмодернистские веяния пока не затронули северокорейский мир искусства. Там царит фигуративная живопись в осовремененном традиционном стиле и вариации на тему советского реализма. Для саммита были отобраны картины, понятные как для жителей Северной, так и Южной Кореи, а также всему миру[14].

4. Пейзажи выбрали не только за их красоту, но и за символичность. Гора Пукхан приветствовала и приглашала северокорейского лидера в Сеул. Горы Кымган — символ примирения — напоминали о том, что пора возобновить туризм, который был выгоден как для Севера, так и для Юга, и что возобновление туризма поможет двум

странам прийти к миру. Прибрежные воды и северокорейский берег, который виден с острова Пэннён, предлагали северокорейскому лидеру создать зону мира там, где ранее случались столкновения. И южнокорейская сторона словно предложила простить друг другу конфликты, которые происходили в этих водах. «Тысячелетний путь» говорил об основах основ — едином языке и письменности. Фотография напомнила лидерам о великом короле Седжоне (1418—1450), который заботился о народе и мечтал о благополучии и процветании страны, и словно еще раз подчеркивала необходимость мира и примирения.

Лидеры двух стран эффектно смотрелись на фоне крупных полотен с изображением корейской природы. Картины были с корейским настроением, хотя и выполнены в технике западной живописи. Для мировой общественности Корея предстала страной прекрасной, восточной, где люди любят и ценят отведенный им уголок земли. Для жителей Юга и Севера произведения искусства говорили о том, что Корейский полуостров — это единая земля и что страны готовы найти путь к примирению.

Отметим, что «Дом мира», наполненный произведениями искусства и символикой единой Кореи, напоминал дворцовые убранства старой Кореи, где предметы быта и декора говорили на особом языке и были наполнены благопожелательным смыслом. Ход саммита был четко продуман: мебель, символичные кушанья, совместные действия лидеров, произведения искусства помогали создать нужное впечатление. Экспозиция в «Доме мира» — это удачный пример того, как можно создать настроение и придать встрече нужный для заинтересованных сторон характер.

Примечания

[1] *Но Хёнсок*. Пхёнхваэ чип мисульгванчхором : [«Дом мира» словно галерея искусства...»] // Хан гёрэ. 25.04.2018. URL: http//www.hani.co.kr/arti/culture/culture_general/842102.html (дата обращения: 08.02.2019).

[2] Пукхансан хунминчжонъын намбукчонсан осэкхам чиум мисульчакпхум : [Гора Пукхан и Хунмин Чжонъым помогли справиться с неловкостью на межко-

рейском саммите] // Идэйли. 27.04.2018. URL: http://www.edaily.co.kr/news/read?newsId=05205366619180384&mediaCodeNo=257 (дата обращения: 13.02.2019).

[3] *Но Хёнсок*. Пхёнхваэ чип мисульганчхором : [«Дом мира» словно галерея искусства...»] // Хан гёрэ. 25.04.2018. URL: http//www.hani.co.kr/arti/culture/culture_general/842102.html (дата обращения: 08.02.2019).

[4] *Ким Намгю*. Номухён тэтхоннён саранхан пханхвана кимчжунгвон чходэчжон ёллинда : [Открылась выставка Ким Чжунгвона, любимого художника Но Мухёна] // Ohmynews. 4.09.2018. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0002468988 (дата обращения: 06.02.2019).

[5] *Пэк Чэхён*. Мун тэтхоннён хунминчжоным согэхамё «соро тхоначанын ыйми» качжо : [Президент Мун объяснил содержание фотографии «Хунмин Чжогъына» и подчеркнул надежду на взаимопонимание] // Кунмин. 27.04.2018. URL: http://www.news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0012313938 (дата обращения: 20.02.2019).

[6] Пукхансан хунминчжонъын намбукчонсан осэкхам чиум мисульчакпхум [Гора Пукхан и Хунмин Чжонъым помогли справиться с неловкостью на межкорейском саммите] // Идэйли. 27.04.2018. URL: http://www.edaily.co.kr/news/read?newsId=05205366619180384&mediaCodeNo=257 (дата обращения: 13.02.2019).

[7] *Но Хёнсок*. Пхёнхваэ чип мисульганчхором : [«Дом мира» словно галерея искусства...»] // Хан гёрэ. 25.04.2018. URL: http//www.hani.co.kr/arti/culture/culture_general/842102.html (дата обращения: 08.02.2019).

[8] *Чон Гёнхван*. Ханбандо санчхони пханмунчжом хведамчжанэ тыроонда : [Ландшафты Корейского полуострова раскинулись в залах для переговоров в Пханмунчжоме] // Ньюсыпхим. 25.04.2018. URL: http://www.newspim.com/news/view/20180425000281 (дата обращения: 07.02.2019).

[9] Пукхансан хунминчжонъын намбукчонсан осэкхам чиум мисульчакпхум : [Гора Пукхан и Хунмин Чжонъым помогли справиться с неловкостью на межкорейском саммите] // Идэйли. 27.04.2018. URL: http://www.edaily.co.kr/news/read?newsId=05205366619180384&mediaCodeNo=257 (дата обращения: 13.02.2019).

[10] *Сон Ёнок*. Кымгансан ... Пэннёндо... Намбук чонсангхведамчангэ «мисуль чончхи» : [Горы Кымган... Остров Пэннён. Политика искусства на межкорейском саммита] // Кунминильбо. 05.01.2018. URL: http://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0923942415 (дата обращения: 18.02.2019).

[11] Пханмунчжом мисульганэсоэ намбук чонсангхведам : [Межкорейский саммит в галерее искусств «Пханмучжом»] // Сайт Центра исследования искусства «Кимдальчжин». URL: http://www.daljin.com/column/15844 (дата обращения: 16.02.2019).

[12] *Юн Поммо*. Пханмунчжом мисульганэсоэ намбук чонсангхведам : [Межкорейский саммит в галерее искусства Пханмунчжом] // Сайт Центра исследова-

ния искусства «Кимдальчжин». URL: http://www.daljin.com/column/15844 (дата обращения: 20.02.2019).

[13] *Хам Хэри*. Пхёнхваэ чип хведамчжанэ пукхансаныль помёнсо : [Рассматривая картину «Гора Пукхан» в «Доме мира»]. Сайт Центра исследования искусства «Кимдальчжин». URL: http://www.daljin.com/column/15845 (дата обращения: 20.02.2019).

[14] *Сон Ёнок*. Кымгансан... Пэннёндо... Намбук чонсангхведамчангэ «мисуль чончхи» : [Горы Кымган... Остров Пэннён. Политика искусства на межкорейском саммита] // Кунминильбо. 05.01.2018. URL: http://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0923942415 (дата обращения: 18.02.2019).

References

1. *No Hyonsok*. Pyeonghwa chip misulgvanchorom : ["House of Peace" like a gallery of art ... "] // Hankyoreh. 25.04.2018 URL: http://www.hani.co.kr/arti/culture/culture_general/842102.html (accessed: 02.08.2019).

2. Bukhansan Hunminjeongeum nambukchonsan osekham chium : [Mount Pukhan and Hunminjeongeum helped to cope with the awkwardness at the inter-Korean summit] // Idealy. 27.04.2018 URL: http://www.edaily.co.kr/news/read?newsId=05205366619180384&mediaCodeNo=257 (accessed: 13.02.2019).

3. *No Hyonsok*. Pyeonghwa chip misulgvanchorom : ["House of Peace" like a gallery of art ... "] // Hankyoreh. 25.04.2018. URL: http://www.hani.co.kr/arti/culture/culture_general/842102.html (accessed: 02.08.2019).

4. *Kim Namgyu*. Nomoohyun sarankhan phankhvana kimzhungvon chodechong : [An exhibition of Kim Jhungwon, the favorite artist of Roh Moo-hyun] // Ohmynews. 04.09.2018. URL: http://www.ohmynews.com/NWS_Web/View/at_pg.aspx?CNTN_CD=A0002468988 (accessed: 06.02.2019).

5. *Baek Chekhyun*. President Moon explained the content of the photo "Hunminjeongeum" and stressed the hope of mutual understanding // Kukmin ilbo. 27.04.2018. URL: http://www.news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0012313938 (accessed: 02.20.2019).

6. Bukhansan Hunminjeongeum nambukchonsan osekham chium : [Mount Pukhan and Hunminjeongeum helped to cope with the awkwardness at the inter-Korean summit] // Idealy. 27.04.2018. URL: http://www.edaily.co.kr/news/read?newsId=05205366619180384&mediaCodeNo=257 (accessed: 13.02.2019).

7. *No Hyonsok*. Pyeonghwa chip misulgvanchorom : ["House of Peace" like a gallery of art ... "] // Hankyoreh. 25.04.2018. URL: http://www.hani.co.kr/arti/culture/culture_general/842102.html (accessed: 02.08.2019).

8. Jong Hyonhwan. Landscapes of the Korean Peninsula spread out in the halls for negotiations in Panmunjom // Newsykhim. 25.04.2018. URL: http://www.newspim.com/news/view/20180425000281 (accessed: 07.02.2019).

9. Bukhansan Hunminjeongeum nambukchonsan osekham chium : [Mount Pukhan and Hunminjeongeum helped to cope with the awkwardness at the inter-Korean summit] // Idealy. 27.04.2018. URL: http://www.edaily.co.kr/news/read?newsId=05205366619180384&mediaCodeNo=257 (accessed: 13.02.2019).

10. *Son Yonok*. Kumgan Mountains ... Pennen Island. Art policy at the inter-Korean summit // Kunmin ilbo. 01.05.2018. URL: http://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0923942415 (accessed: 02.18.2019).

11. *Yun Pommo*. Panmunjom misulgvanesoe nambuk chongsangkhvedam : [Inter-Korean Summit in the Art Gallery "Panmunjom"] // Site of the Center for the Study of Art "Kimdalzhin". URL: http://www.daljin.com/column/15844 (accessed: 16.02 2019).

12. *Yun Pommo*. Panmunjom misulgvanesoe nambuk chonsangvedam : [Inter-Korean summit in the art gallery of Panmunzhu] // Site of the Center for the Study of Art "Kimdalzhin". URL: http://www.daljin.com/column/15844 (accessed: 02.20.2019).

13. *Ham Hari*. Pyeonghwa chip hvedamzhane pukhansanyl pomenso : [Examining the film "Mount Pukhan" in the "House of Peace"]. Site of the Center for the Study of Art "Kimdalzhin". URL: http://www.daljin.com/column/15845 (accessed: 20.02.2019).

14. *Son Yonok*. Kymgansan ... Pannöndo ... Nambuk jongsanhvedamchange "misul jeonhi" : [Kumgan Mountains ... Pennen Island. Art policy at the inter-Korean summit] // Kunminilbo. 01.05.2018. URL: http://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0923942415 (accessed: 02.18.2019).

О.В. Лазарева

РАЗВИТИЕ ВИЗУАЛЬНОЙ ОБРАЗНОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Целью работы является теоретическое преодоление разрыва между спецификой визуальной образности корейских музыкальных видео и контекстом их существования (музыкальной индустрией 1988—2018 гг.). Представлено деление на основные этапы развития корейской музыкальной индустрии, указана специфика каждого этапа, целевая аудитория и регионы распространения культурного продукта. Определено влияние подобных трансформаций на формирование специфической визуальной традиции. Делается вывод, что особенностью визуальной образности корейского видеоклипа выступает ее быстрое обновление в соответствии с происходящими изменениями в индустрии и корейском обществе в целом. Вместе с тем, по мере того как усиливается межкультурная коммуникация в условиях глобализации, визуальная образность корейского видеоклипа обретает транскультурный характер.

Ключевые слова: музыкальная индустрия Республики Корея, «Корейская волна», k-pop.

Исследование визуальной образности предполагает предваряющее понимание специфики создания, распространения и потребления культурного продукта. Подобный контекст заключает в себе представления о том, что в корейской культуре является важным для демонстрации, что предлагается в качестве визуальной нормы, что

целевая аудитория способна увидеть и интерпретировать исходя из своего культурного опыта.

Для данной работы таким контекстом выступает корейская музыкальная индустрия, которая является частью более крупного явления, связанного с мировой популярностью современной массовой культуры Республики Корея. Существует представление о трех этапах развития явления под названием «Корейская волна»[1] (или «Халлю») с 1995 г. и до настоящего времени. По нашему мнению, становление корейской музыкальной индустрии также совпадает с предлагаемой периодизацией.

Тем не менее представляется необходимым дополнительно принять во внимание период *1988—1995 гг.*, который включает зарождение данной культурной практики.

На конец 1980-х годов производство музыкального продукта оказалось сосредоточено на площадках государственных вещательных каналов. Они регулировали весь процесс подготовки выступления и отбора репертуара в рамках «звездной системы»[2]. Потому именно вещательные каналы определяли содержание музыкальных видео, которые должны были предлагать благоприятные образы, сохранять определенную сдержанность в соответствии с устанавливаемыми государством нормами[3].

В обозначенный период в существующей системе аудиовизуального производства начали происходить изменения, связанные с начавшейся демократизацией корейского общества и смягчением законодательства в сфере вещания. Особое значение имело и проведение Олимпиады-88, которое включило Республику Корея в международное культурное пространство. Поэтому в музыкальную индустрию стремительно стало проникать и развиваться то, что уже долгое время существовало в неофициальном статусе на ее периферии — американские и японские тренды.

Подобные изменения соответствовали потребностям целевой аудитории, среди которой все большую часть занимали молодые люди и подростки. Для них доминирующими способами потребления культурного продукта оставался просмотр телевизора дома или присутствие на живом концерте.

Потому первые корейские музыкальные видео (клипы) представляли собой записи или трансляции подобных живых выступлений, их демонстрация по телевидению являлась единственным способом музыкальных продаж.

В качестве примера обратимся к клипу группы SoBangChae «Last night» (1988), визуальная образность которого в буквальном смысле сосредоточена на пересечении прошлого и будущего: молодые люди в модных костюмах выступали на фоне здания в традиционном стиле, которое почти скрыто за современной аппаратурой и ярким светом. Все три участника группы выглядели привлекательными и были значительно моложе исполнителей прошлого. Они вели себя раскрепощенно, использовали синхронную хореографию и почти цирковые элементы. Выступление олицетворяло зрелищность танцевальной музыки через яркие костюмы и эффектную хореографию. Однако при этом сохранялась определенная нейтральность и сдержанность в соответствии с устоявшейся многолетней традицией. Молодежные вокальные поп-группы уже давно были популярны в Европе и Америке, воплощение этого формата было важным шагом и для корейской музыкальной индустрии.

Однако уже в начале 1990-х музыкальный рынок стал открываться для зарубежных исполнителей, что определило необходимость повышения качества внутреннего продукта. Поиск новых идей и форматов заставил вещательные компании обратиться к неизвестным ранее исполнителям и позволить им экспериментировать. Результатом стал гибридный продукт, стилистически соответствующий зарубежным тенденциям, но по содержанию обращавшийся к общему опыту и представлявший корейскую идентичность[4]. Появлялись коммерческие каналы, зарождались новые форматы музыкальных передач, которые также требовали изобретения новых средств выразительности.

Указанные изменения происходили при поддержке государства[5], так как в середине десятилетия культура была определена в качестве важного фактора государственного развития. Высокая добавочная стоимость аудиовизуального продукта сделало его привлекательным и для крупных семейных корпораций, которые принесли в музыкальную индустрию бизнес-подход. В это же время появились новые

участники музыкального рынка — агентства по поиску талантов. Таким образом, музыкальные видео становились частью бизнес-стратегии, их выпуску предшествовали серьезные маркетинговые исследования, а к созданию привлекалась команда профессионалов.

Аудиовизуальный продукт в таких условиях являлся спроектированным ответом на социальный заказ молодежной аудитории, для которой все большее значение приобретала возможность самовыражения в процессе демократизации общества.

Наглядным примером происходящих изменений в музыкальной индустрии стало творчество группы «Seo Taiji and boys». Музыканты смешивали стили и жанры, реализовывали смелые визуальные решения. Композицию «I know» (1992) сопровождал один из первых корейских клипов, который являлся не простой записью выступления, а законченным аудиовизуальным повествованием. Сложный монтаж, использование технологии совмещения изображений и компьютерных спецэффектов демонстрировали готовность к экспериментам и исследованиям в сфере визуальной образности. Стандартизация и нейтральность внешнего вида сменились эмоциональным поведением с выделяющимся влиянием культуры хип-хопа. Интересны изменения, произошедшие с пространством в видеоклипе: прежде реалистичное и единое, с помощью компьютерных технологий оно разделилось и превратилось в абсолютно условное пространство.

Итак, визуальная образность клипов на данном этапе была сосредоточена на идее перемен. Это образы времени, когда происходило активное знакомство с западной культурой, одновременно с этим велись поиски собственной современной идентичности.

Указанные изменения сформировали условия для начала *первого этапа* «Корейской волны» *(1995—2006)*, когда она распространилась на рынки Юго-Восточной Азии**.** Поводом к преодолению границ стал Азиатский кризис, приведший к перераспределению ресурсов на местных культурных рынках. Начавшийся обмен медиа-продуктами в регионе позволил сформироваться транснациональным культурным потокам в Азии[6]. Крупный бизнес постепенно оставлял музыкальную сферу, обратившись к более традиционным отраслям или сфере вещания.

Потому самым значимым участником музыкальной индустрии оказались агентства[7], которые обеспечивали полный процесс производства культурного продукта на своих собственных ресурсах. Отличия «культурной технологии»[8] агентств от «звездной системы» каналов были определены их коммерческим характером, что обусловило постоянное улучшение качества продукта и ориентацию на целевую аудиторию. Четкая стратегия производства культурного продукта позволяла осуществлять крупные долгосрочные проекты, а опора на интернационализацию уже на начальном этапе ориентировала деятельность агентств на мировой рынок.

В связи с этим продукты корейской музыкальной индустрии учитывали запросы не только реальной, но и потенциальной аудитории. Потому с распространением на рынках Юго-Восточной Азии образность музыкальных видео быстро осваивала местные визуальные коды.

На значимость визуального для корейской музыкальной индустрии указывала учрежденная в 1999 г. награда за лучший видеоклип, а также официально признанная каналами практика выступления под уже записанную композицию с голосом[9].

Обозначенные процессы напрямую определили визуальную образность клипов, что можно проследить на примере деятельности агентства SM-Entertainment[10]. В клипе группы S.E.S. «Oh, my love» (1997) главными героями выступали три молодые девушки в одинаковой повседневной одежде, внимание было сосредоточено на их лицах, которые выражали женский идеал кротости, молодости и привлекательности. Так как данный клип был еще ориентирован на внутреннюю аудиторию, единственным средством связи с которой оставались корейские телеканалы, то визуальная образность соответствовала существующим нормам[11]. Стоит отметить то, что изменились коммуникации со зрителем, который теперь активно вовлекался в диалог путем визуального контакта глаз и крупных кадров с передачей эмоций исполнителя.

В клипе группы H.O.T. «Outside Castle» (2000) сохранялась выверенная безупречность во внешности молодых людей, однако присутствовало множество запрещенных ранее элементов (цветные волосы, удлиненные прически, серьги), а одежда более напоминала

сложные театральные костюмы. Одни уже эти изменения усложняли визуальный язык клипа, превращали его в продуманное сценическое повествование, а исполнителей — в героев с собственной индивидуальностью. Образность клипов обогащалась с расширением музыкального рынка за пределы страны и возобновлением культурных контактов с Японией. Долгое время японская музыкальная индустрия оставалась лидером на рынке региона, потому ее визуальный язык оказал решающее влияние на создание корейской версии паназиатского культурного продукта. Пространство в клипе оставалось условным, однако в данном случае наблюдалась прямая отсылка к европейскому интерьеру в классическом стиле. Подобное контрастное сочетание образов западной и восточной культур указывало на готовность дальнейшего расширение географии визуального языка.

Деятельность певицы BoA уже изначально имела паназиатский характер, однако визуальная образность ее клипов не замкнулась в региональном вакууме, а реагировала на общемировые тренды музыкальной индустрии. Так, в клипе «My name» (2004) уже ставший неизменным танцевальный элемент развился за счет свойственной западной поп-культуре экспрессии. В этом же русле переосмыслялся образ исполнителя, который соответствовал не только региональным, но и мировым представлениям о нормах поведения и внешнего вида. В целом, данный клип представал как абсолютно глобальный культурный продукт, сформированный в едином культурно-информационном пространстве и демонстрирующий общие нормы и принципы культурного производства.

Итак, визуальная образность корейского клипа на данном этапе переживала свое становление и развитие. В процессе освоения сначала паназиатского, а затем и визуального кода западной поп-культуры корейские видеоклипы постепенно унифицировались, обретали способность говорить на общем глобальном языке.

Настоящий расцвет визуальной образности клипа произошел во времена Халлю 2.0 *(2005—2015)*, когда музыкальная индустрия начала представлять страну на международной сцене. В первую очередь это связывают с переходом к социальным сетям и виртуальным платформам, что кардиальным образом изменило практики создания, потребления и распространения культурного продукта[12].

Дигитилизация контента позволила находиться круглосуточно в контакте со зрителем, независимо от его местонахождения и без участия традиционных посредников. Целевой аудиторией, таким образом, стало молодое активное поколение по всему миру, которое привыкло получать информацию о происходящем в реальном времени, общаться и развлекаться в пространстве Интернета.

Масштаб и глобальность новой доступной аудитории определили потребность в универсальном визуальном языке, который поняли бы люди из разных стран и культур. Освоенные на предыдущем этапе глобальные выразительные тренды стали базисом для коммуникации в подобных условиях. Вместе с тем возникал вопрос сохранения собственной идентичности, что было способно выделить корейский продукт в контексте глобальной культуры. Данные противоречивые тенденции глокализации обозначили главный принцип корейского аудиовизуального продукта — гибридность[13].

Ведущую роль в структуре индустрии сохраняли музыкальные агентства. Быстрое увеличение масштабов производства привело к оформлению отличительных стилей, которые закрепились между агентствами.

Так, JYP-Entertainment сделало упор на романтичные повествования и сближение с североамериканской поп-сценой. Клип группы Wonder Girls «Nobody» (2008) представлял собой прямую отсылку к американской ретро-культуре 1960-х годов. Атрибуты эпохи использовались как декорации, в клипе разыгрывалась на их фоне собственная история. Простая запоминающаяся хореография, повествование с элементами юмора, эффектные костюмы, красочность и узнаваемые образы определили международный успех клипа. Поэтому в дальнейшем эти принципы визуального повествования стали основополагающими и для всей корейской музыкальной индустрии.

Агентство SM-Entertainment изначально было нацелено на охват музыкальных рынков по всему миру. Используя стратегию аутсорсинга и привлекая креативных работников из разных стран, агентство получало универсальный культурный продукт, затем адаптировало его согласно собственному видению и вновь отправляло на глобальные виртуальные платформы[14]. Клип группы Super Junior «Mr. Simple» (2011) представлял собой пример подобной культурной

гибридизации. Главными действующими лицами являлись исполнители — молодые привлекательные люди с акцентированной индивидуальностью, которых, однако, сложно отнести к представителям той или иной культуры. Это образы успешных и энергичных людей, которые мыслят мир единым и свободно ориентируются в разнообразных культурных явлениях современности. Транскультурность подчеркивала и условность пространства, в котором разворачивалось действие. В целом спецификой визуальной образности клипа являлось то, что она не использовала отсылки к прошлому, а только к существующему в настоящий момент.

Третье крупнейшее агентство — YG-Entertainment — продолжало традицию смелых экспериментов, и выбрало источником вдохновения культуру андеграунда. Главной темой клипа группы Big Bang «Fantastic baby» (2012), действие которого разворачивалось в футуристическом мире, являлось противостояние. В клипе представлено множество атрибутов борьбы, в большинстве своем они театрально стилизованы. Игра с привычными образами и их переосмысление делало визуальное повествование насыщенным и диалогичным по отношению к ожиданиям зрителя. А обращение за вдохновением к культуре андеграунда открывало обширное поле для визуальных экспериментов.

Схожим для столь разных клипов оказывается конструирование обособленного и идеализированного мира молодежи, полного «игры, духа товарищества и любви»[15].

Итак, данный этап отмечен быстрым развитием визуальной образности на стыке противоречивых тенденций глокализации. Коды глобальной поп-культуры, локальных культур по всему миру и культуры андеграунда смешивались с местной визуальной традицией. Именно этот процесс поиска и экспериментов и сформировал отличительный визуальный стиль корейской музыкальной индустрии, находящийся в постоянном развитии и ориентирующийся на изменчивую современность.

Отдельно необходимо остановиться на клипе PSY «Gangnam style» (2012), одном из самых известных во всем мире примеров деятельности корейской музыкальной индустрии. Клип этот демонстрирует то, как легко локальная история про урбанизированный рай-

он столицы может перейти в статус глобальной, если при этом был освоен универсальный визуальный язык поп-культуры[16]. А также то, как важен этот язык в современном мире, как легко люди из разных стран и культур вступают в контакт на его основании.

На третьем этапе «Корейской волны» *(2015 г. — настоящее время)* музыкальная индустрия продолжает конструировать и конституировать современный вариант корейской культуры, постоянно находящейся в развитии под воздействием трансформаций социальной жизни.

Продвижение Всемирной сети даже в отдаленные регионы позволяет свободно цитировать и взаимно обогащаться локальным визуальным традициям. Распространение персональных экранов с высоким разрешением определяет необходимость совершенствовать визуальную образность клипа и стремиться к «поп-перфекционизму»[17]. Одновременно с этим перед музыкальной индустрией встает необходимость увеличения разнообразия культурного производства, поиска новых идей и продолжения экспериментов.

Интересным примером предстает творчество группы BTS, где оформляется современный вариант транскультуры второго десятилетия XXI в. Клип «Blood Sweat & Tears» (2016) представляет собой искусно созданное визуальное повествование, полное метафор и сложных решений. Отчасти это определено тем, что основной темой выступает искусство во всем его многообразии: живопись, архитектура, скульптура, музыка. Действие разворачивается в музее, наполненном произведениями европейского классического искусства, использование форм которого в ином контексте превращает визуальное повествование в игру со смыслами. Несмотря на то что в клипе сохраняются признаки поп-культуры, обилие метафор и выразительность визуального языка размывают границы между мейнстримом и андеграундом. Таким образом, перед зрителем разворачивается гипертекст, отражающий сложность современной культурной ситуации и насыщенность межкультурного обмена.

Итак, на современном этапе образность корейских клипов продолжает проявлять транскультурный характер. Одним из методов достижения этого является интертекстуальная насыщенность, вовлекающая в диалог образы культур разных регионов и субкультур.

Другими словами, данная визуальная образность соответствует современному глокальному миру, в котором сосуществуют взаимно детерминированные единство и разнообразие культур.

Подводя итог, можно сказать, что корейская музыкальная индустрия представляет собой непрерывную традицию создания, распространения и потребления аудиовизуальных произведений. История формирования и современное состояние ее визуального языка хранят в себе отпечаток более общих преобразований в корейском обществе. При этом визуальное сопровождение исторически имело особое значение, так как становление музыкальной индустрии тесно связано с развитием телекоммуникационных технологий. Прагматический смысл музыкальных видео как продуктов массового культурного производства заключается в утверждении приемлемых практик и ценностей, однако их набор расширялся вместе с включением корейского общества в процесс глобализации.

Можно предположить, что перспективы сохранения актуальности музыкальных видео заключаются в сохранении подвижности визуальной образности, способности своевременно реагировать на изменения в индустрии и корейском обществе в целом. Вместе с тем по мере того как корейское общество все более плотно вступает в межкультурную коммуникацию в условиях глобализации, визуальная образность видеоклипа обретает транскультурный характер.

Примечания

[1] *Kim Boa-rae*. Past, Present and Future of Hallyu (Korean Wave) // American International Journal of Contemporary Research. 2015. Vol. 5. No 5. P. 154—160.

[2] *Howard Keith*. Exploding Ballads: The Transformation of Korean Pop Music // Global Goes Local: Popular Culture in Asia. Ed. by Timothy J. Craig, Richard King. Vancouver: University of British Columbia Press, 2002. P. 81.

[3] *Maliangkay Roald*. Konjon kayo: South Korea's propaganda pop // Korea: The Past and the Present (volume 1): Selected Papers From the British Association for Korean studies. Ed. by Susan Pares. Folkestone, Kent: Global Oriental, 2008. P. 179.

[4] *Howard Keith*. Op. cit. P. 90.

[5] *Park Mi Sook*. South Korea cultural history between 1960s and 2012 // International Journal of Korean Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 1. P. 93—100.

[6] *Chua Beng Huat*. Conceptualizing an East Asian popular Culture // Inter-Asia Cultural Studies. 2004. Vol. 5. No 2. P. 200—221.

[7] *Shin Solee I., Kim Lanu*. Organizing K-Pop: Emergence and Market Making of Large Korean Entertainment Houses, 1980—2010 // East Asia. 2013. Vol. 30. P. 255—272.

[8] *Shin Hyunjoon*. Have you ever seen the Rain? And who'll stop theRain?: the globalizing project of Korean pop (K?pop) // Inter-Asia Cultural Studies. 2009. Vol. 10. No 4. P. 509—511.

[9] *Lee Jung-yup*. Broadcasting media and popular music: institutional, technologies, and power // Made in Korea: studies in popular music. Ed. by Hyunjoon Shin, Seung-Ah Lee. New York; Abingdon, Oxon: Routledge, 2017. P. 42.

[10] *Kim Ju Oak*. Establishing an Imagined SM Town: How Korea's Leading Music Company Has Produced a Global Cultural Phenomenon // The Journal of Popular Culture. 2016. Vol. 49. No 5. P. 1046—1051.

[11] *Howard Keith*. Op. cit. P. 80.

[12] *Oh Ingyu, Lee Hyo-Jung*. Mass Media Technologies and Popular Music Genres: K-pop and YouTube. 2013. Vol. 53. No 4. P. 34—58.

[13] *Shim Doobo*. Hybridity and the rise of Korean popular culture in Asia // Media, Culture & Society. 2006. Vol. 28 (1). P. 35—38.

[14] *Park Gil-Sung*. Manufacturing Creativity: Production, Performance, and Dissemination of K-pop // Korea Journal. 2013. Vol. 53. No 4. P. 22—27.

[15] *Lee Sooyeon*. The Structure of the Appeal of Korean Wave Texts // Korea observer. 2012. Vol. 43. No 3. P. 463—464.

[16] Lee Claire Seungeun, Kuwahara Yasue. “Gangnam Style” as Format: When a Localized Korean Song Meets a Global Audience // The Korean Wave:Korean Popular Culture in Global Context. Ed. by Yasue Kuwahara. New York : Palgrave Macmillan, 2014. P. 101—116.

[17] Lie John. What Is the K in K-pop? South Korean Popular Music, the Culture Industry, and National Identity // Korea observer. 2012. Vol. 43. No 3. P. 356.

References

1. *Kim Boa-rae. Past.* Present and Future of Hallyu (Korean Wave) // American International Journal of Contemporary Research. Vol.5. No 5. 2015. Pp.154—160.

2. *Howard Keith*. Exploding Ballads: The Transformation of Korean Pop Music // Global Goes Local: Popular Culture in Asia. Ed. by Timothy J. Craig, Richard King. Vancouver: University of British Columbia Press. 2002. P. 81.

3. *Maliangkay Roald*. Konjon kayo: South Korea's propaganda pop // Korea: The Past and the Present (volume 1): Selected Papers From the British Association for Korean studies. Ed. by Susan Pares. Folkestone, Kent: Global Oriental. 2008. P. 179.

4. *Howard Keith*. Op. cit. P. 90.

5. *Park Mi Sook*. South Korea cultural history between 1960s and 2012 // International Journal of Korean Humanities and Social Sciences. Vol. 1. 2015. P. 93—100.

6. *Chua Beng Huat*. Conceptualizing an East Asian popular Culture // Inter-Asia Cultural Studies. Vol. 5. No 2. 2004. P. 200—221.

7. *Shin Solee I., Kim Lanu*. Organizing K-Pop: Emergence and Market Making of Large Korean Entertainment Houses, 1980—2010 // East Asia. Vol. 30. 2013. P. 255—272.

8. *Shin Hyunjoon*. Have you ever seen the Rain? And who'll stop the Rain?: the globalizing project of Korean pop (K?pop) // Inter-Asia Cultural Studies. Vol.10. No 4. 2009. P. 509—511.

9. *Lee Jung-yup*. Broadcasting media and popular music: institutional, technologies, and power // Made in Korea: studies in popular music. Ed. by Hyunjoon Shin, Seung-Ah Lee. New York; Abingdon, Oxon: Routledge. 2017. P. 42.

10. *Kim Ju Oak*. Establishing an Imagined SM Town: How Korea's Leading Music Company Has Produced a Global Cultural Phenomenon // The Journal of Popular Culture. Vol.49. No 5. 2016. P. 1046—1051.

11. *Howard Keith*. Op. cit. P. 80.

12. *Oh Ingyu, Lee Hyo-Jung*. Mass Media Technologies and Popular Music Genres: K-pop and YouTube. Vol. 53. No 4. 2013. P. 34—58.

13. Shim Doobo. Hybridity and the rise of Korean popular culture in Asia // Media, Culture & Society. Vol. 28 (1). 2006. P. 35—38.

14. *Park Gil-Sung*. Manufacturing Creativity: Production, Performance, and Dissemination of K-pop // Korea Journal. Vol. 53. No 4. 2013. P. 22—27.

15. *Lee Sooyeon*. The Structure of the Appeal of Korean Wave Texts // Korea observer. Vol. 43. No 3. 2012. P. 463—464.

16. *Lee Claire Seungeun, Kuwahara Yasue*. "Gangnam Style" as Format: When a Localized Korean Song Meets a Global Audience // The Korean Wave: Korean Popular Culture in Global Context. Ed. by Yasue Kuwahara. New York : Palgrave Macmillan. 2014. P. 101—116.

17. *Lie John*. What Is the K in K-pop? South Korean Popular Music, the Culture Industry, and National Identity // Korea observer. Vol. 43. No 3. 2012. P. 356.

Summary

Kim En Un

Nationwide Scale of the March First Movement and Its Influence on the Korean History

The March First Movement of the Korean people against the Japanese colonial rule was not the first or the last. It was born as a protest against Japan's most brutal colonial policy in Korea. And it also relied on the traditions of the struggle of predecessors. Each part of the population, each class in its own way, often not as it seemed to other forces, each with great shortcomings, each imperfectly, often ineffective, each to the extent of their positive and limited opportunities, but each in the interests of their people, their proud country fought against Japanese domination.

The assessment of these events in two parts of Korea has a slightly different emphasis, for example, in the DPRK it is called as the March First Uprising, i.e. as a time-limited speech of the masses, that was defeated and did not produce any further social or political movement. In the Republic of Korea it is called the March First Movement, i.e. a phenomenon of a public nature, which had a significant impact on the entire national liberation struggle of the Korean people against the Japanese colonial rule. In South Korea, it is believed that the direct consequence of this movement is the formation of the Provisional government of the Republic of Korea.

The March First Movement was one of the brightest events in the long history of the Korean people, which they are proud of and therefore need to remain faithful to its ideals.

Keywords: March First Movement, Korea, Japan, Japanese colonialism, genocide, predecessors, followers.

Vishnyakova V.V.

Declarations of Independence of February 8 and March 1 Through the Prism of Values and Assessments

This article is focused on the analysis of the value appeals addressed to the Japanese government and the Korean nation in Declarations of Independence of February 8 and March 1 announced during March 1st Movement of 1919. First, the aim is to explain the nature of the illocutionary force; in particular, the illocutionary force of the value appeals. The sincerity conditions of the authors of the Declarations were different. On the one hand, the young people who were the authors of the Declarations of February 8 appealed to the Japanese government and the Western leaders from the position of strength. On the other hand, the intellectuals who created the Declarations of March 1 attempted to engage antagonists in dialogue of equals. Eventually, the sincerity conditions are considered to be one of the constituents of the illocutionary force. It is also typical of the appeals in the Declarations under consideration. Second, the goal is to explain the subjective nature of values which are not equal in the person's value view of the world. The analysis of the evolution of the subjective nature of values leads to the conclusion that the values have a hierarchical structure. The value "Justice" is the basic value in the Declaration and the authors first appealed to it. "Justice" ascends to the archetype of "Equality". The "Equality" has been denied by the Japanese authorities. That was why the second value "Independence" has been lost. The last value "Freedom" is a condition under "Independence".

Keywords: sincerity conditions, illocutionary force, values, assessments, declaration of independence.

Ovchinnikova L.V.

March First Uprising of 1919 and Reforms of «Cultural Rule»

Commemorating the 100th anniversary of the March First Uprising the article looks back at the history of Korea of the late 1910s and 1920s. At that time the tension of social protest against national suppression, when most Koreans were deprived of their social rights, was extremely high. This had predetermined the outbreak of national discontent, which led to the widest — at the time in the Asian colonies — national liberation movement. The so-called March First uprising promoted ideas of national

liberation and social equality among Koreans. This uprising was harshly suppressed. As a result, reforms followed being referred to as reforms of the "cultural rule". Those reforms which Governor General's administration was compelled to make were part of the victory of the 1919 uprising. Old methods of governance in the colony in a new international and national environment demanded big changes, and reforms were conducted. They had a limited nature, but gave rise to some governance liberalization and eased the conditions of the Korean liberation movement.

Keywords: colonial Korea, Japanese administration, Governor General, liberation movement, March First uprising.

Pak A.V.

Christian Factor in the March First Movement of 1919

The March First uprising became a significant event not only in the history of Korea, but also in the history of the Christian church. It became the first national movement with the participation of Christians, as well as representatives of all classes and strata of the Korean society. The Protestant church represented by simple parishioners and Korean preachers sustained with dignity this critical moment of its history, having managed, in spite of all obstacles and cruel repression, to organize the initially spontaneous movement for independence and ensured its legitimate status. The main feature of the March First Uprising was its peaceful, non-violent nature and the religious aspect of the movement, which was caused both by the lack of traditions of European political culture in the country and by unity in the ranks of the Korean national liberation movement.

Despite its formal defeat, and countless human sacrifices, March 1919 for a long time became a symbol of the spiritual victory of the Korean people. By publicizing the facts of the brutal suppression of peaceful demonstrations through foreign missionaries in front of the whole world, the "civilizing" image of Japan in Korea was shaken for the first time. The authorities were forced to sit down at the negotiating table, go to a forced dialogue with the Koreans, and subsequently alleviate the conditions of colonial rule.

Keywords: First March movement in Korea in 1919, Christian factor, Japanese Kumiyai Congregational Church, Anglo-American missionaries, Cheamri village.

Dyakova O.V.

Unknown Facts of the History of Koryo and Dun Xia

The relationship between Koryo (918—1392) and the Jurchen state of Dong Xia (1215—1234) has not been studied in the Korean historiography. The Koryo Kingdom was a vassal of the Jurchen Empire Jin (1115—1234) and regularly paid them a tribute. The Jurchen state Dong Xia was located on the way to Koryo for the Mongols and became an active partner in their military operations. The Jiangdungzhenskiy agreement between the Koryo Kingdom, the Mongols and the Eastern Xia was concluded in 1218. According to it, the Koryo Kingdom became a vassal state of the two States and paid them a tribute. Russian historiography believes that Dong Xia was conquered by the Mongols in 1234. However, Korean and Chinese written sources indicate that Dong Xia not only survived, but actively participated in the military campaigns of the Mongols against the Koryo Kingdom until 1259. No information has been found about Dong Xia state after 1259 in Korean written sources. In Primorye, the settlement of Dong Xia continued to exist until the Min times. It is possible they were destroyed by the Koryo Kingdom, not the Mongols.

Keywords: Eastern Xia, Koryo Kingdom, Mongols, Yuan, Min.

Boltach Y.V.

Formation of the Text of Samguk Yusa and the Problems of Its Translation into the Russian Language

Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk yusa), which was composed at the end of the 13th century by Korean Buddhist monk Iryeon (1206—1289), is one of the most important historical sources on the early history of Korea.

The paper deals with the problems related to the translation of this text into the Russian language. Those problems mostly arise from the complicated history of Memorabilia... and, in particular, include:

1. Problem of choosing the most reliable version of the text for translation (caused by the complicated fate of Memorabilia... after its completion by Iryeon).

2. Problems of dealing with misprints and missed characters (also caused by later fate of the text).

3. Problems of understanding the text (related to the "language filter" applied to those narratives which were originally composed in Korean and then translated into classical Chinese, as well as to the composing and later circulation of those narratives).

4. Problems of rendering of Memorabilia... into the Russian language (arising from the differences between Russian and classical Chinese in grammar and style, as well as from the differences of the systems of writing used in those two languages).

5. Problems of composing commentary and indexes (connected to the gap between ancient Korean and modern Western cultures and inevitable technical disparities between medieval Far Eastern "editorial standards" and requirements applied to modern scientific publications).

Keywords: study of historical sources on the early history of Korea, historiography of the Koryo period, problems of interpretation of historical texts composed in classical Chinese, Memorabilia of the Three Kingdoms (Samguk yusa).

Musinova I.A., Loginovskii E.L.

Revolution or Reform: The 1884 Coup Viewed in DPRK Political and Scholarly Discourse, 1992—2012

In January 1999, a previously unknown work by Kim Jong Il titled On Making an Accurate Appraisal to the Kapsin Coup was published. It allegedly presents the contents of Kim's talk with his fellow students in May 1963. The document puts that the coup d'etat Kim Ok Kyun and his followers undertook in 1884 (Kapsin year, by the Chinese traditional calendar) had been a "bourgeois reform". Such views were popular amongst North Korean academic and political circles of the 1950s to 1960s and again in the mid-1980s. The work was reprinted thrice during Kim Jong Il's years in office. Some North Korean accounts first appeared in the 2000s tell that the Kapsin events were a "bourgeois revolution", with using both "reform" and "revolution" and citing Kim's work. Books and articles for the broad audience inside and outside the DPRK portray this coup as a reform, also borrowing heavily from On Making an Accurate Appraisal to the Kapsin Coup. Well-known North Korean experts in modern Korean political history such as Prof. Li Chong Hyon insist on that reforms, not revolution, comprise the essence of Kim Ok Kyun's followers. North Ko-

rean leaders' revolutionary outlook leaves no room to evaluate the Kapsin Coup as a “revolution”. After the mid-1980s, the DPRK historical science had had no fresh discussions on the matter.

Keywords: Kim Jong Il, Kim Ok Kyun, Kapsin Coup, historical science, revolution.

Kurbanov S.O.

First Teacher of the Korean Language at St. Petersburg Imperial University Kim Byeong-ok (1874-?): Unknown Interviews

The history of Korean studies in Russia goes back many centuries. Its active development begins from the end of the 19th century, and its flourishing — from the second half of the 20th century. However, while the history of Russian Korean studies of the 1940s — 2010s is known relatively well, there are still many white spots in the history of pre-revolutionary (before 1917) Korean Studies.

One of these white spots is the life and work of the first teacher of the Korean language at St. Petersburg Imperial University — Kim Byeong-ok. Until recently, nothing was known about this man except his name and the fact that he was engaged in teaching activities and prepared two textbooks on the Korean language.

In 2017, the author of the paper managed to find the first bits of new information about Kim Byeong-ok. For example, on the basis of archival documents, it was established that the year of birth of Kim Byeong-ok is presumably 1874. However, 2018 brought a truly remarkable discovery: the text of a unique interview was discovered, in which Kim Byeong-ok unexpectedly appears not only as a professional, but also as a person, a patriot of his country.

The article presents a detailed analysis of an interview with Kim Byeong-ok for the first time in Russian Korean Studies.

Keywords: Kim Byeong-ok, Korean language, teaching, biography, interview, professionalism.

Ermolaeva E.M.

South Korea: Media and Ideology during Rhee Syngman's Presidency

Rhee Syngman's policy was judged differently. It depended on the historical background. In the 1950s people saw Rhee as “a fighter for inde-

pendence", "a protector of the nation", "a patriot". It can be explained by the objective reasons related to the confrontation of the South and the North during the Cold War. In addition, Rhee Syngman himself made efforts to create positive image of his policy.

Rhee outlined seven points limiting the activity of the press. The main thing was the ban on publications that "run counter to national policy". Further, these restrictions became not only a way to protect the information field from communist influence, but also an excuse for attacking the political opposition.

Not all media followed the direct instructions of the President, in a number of publications there were critical remarks addressed to him, but the content of the controversy was changing in view of changes in the political background. Before the Korean War, "left-wing" sentiments were strong in the South, but after 1953 the ideology of anti-communism became common to all, and controversy shifted to the issues of government, nature and quality of power structures. It was important for Rhee Syngman to create positive image of the ROK and its government in the press, both Korean and American. He tried to control information about Korea which was presented not only in national but also in foreign media.

Keywords: Rhee Syngman, media, ideology, media control.

Voloshchak V.I.

The Problems of U.S.-ROK Alliance under D. Eisenhower Administration (1953—1961)

The article explores the key issues of economic and military cooperation between the USA and the Republic of Korea in the 1950s from the Washington perspective. The author stresses that the ROK's opposition to the US' view on the conclusion of Mutual Defense Treaty and Armistice Agreement had the greatest impact on bilateral relations. The question of potential use of nuclear weapons in the final stages of Korean War in 1953 is highlighted among the greatest difficulties for the US in the establishing of the courses of action with respect to Korea. The plans and instruments of the US economic and military assistance to the ROK are outlined in the research, as well as some particular problems affecting it, including the uncertainties regarding the won and hwan exchange rate and the conclusion

of tungsten trade deal between the US and South Korea. A special focus is placed on a diversity of opinions in the US National Security Council and the influence of D. Eisenhower's "New Look" ideas on the US policy towards the ROK, which encouraged a discussion on the deployment of dual-capable weapons in Korea in order to minimize expenses on the military aid program. The article is based on memoirs, research literature and official documents provided in the Foreign Relations of the United States (FRUS) book series.

Keywords: Republic of Korea, Syngman Rhee, D. Eisenhower, economic assistance, military alliance.

Khrenov V.V., Bulatova E.A.

Formation and Development of the Trade Union Movement in South Korea

Labor movement in South Korea was formed on the back of rapid industrialization in the 1960—80s. For many years workers had been under political suppression and subdued by the government. After coming to power, the government of Chon Doo-hwan further tightened control over the labor movement by imposing restrictions on the freedom of association, banning third parties from interfering in their activities and participating in strikes by civil servants. In 1987 Korean workers made a stand against military dictatorship that laid the foundation of labor democratization. Despite the negative effects of the 1997 Asian financial crisis, by the early 2000s modern system of social and labor relations of South Korea was finally set. Workers became the driving force in the overthrowing of Park Geun-hye and provided Moon Jae-in with a great support. However, the reforms of the government did not meet the expectations of the trade unions, therefore the strikes continue to arise with a new power. This article discusses the main stages of the formation of the trade union movement in South Korea and the degree of influence of trade unions on the government. Special attention is paid to the relationship between the current government and the labor movement of the Republic of Korea.

Keywords: labor movement, South Korea, trade unions, Moon Jae-in, chaebol.

Soldatova M.V.

Postmodern Literature of South Korea: Works of Park Min-gyu and Kim Young-ha

Comparing the works of the two most famous South Korean postmodernists Park Min gyu and Kim Young ha, the author of the article aims to find out if there are common features in their works that can be considered specifically Korean; to define the cultural fields within which the writers operate; to analyze literary techniques that they use. Special attention is paid to the short stories collections Castella by Park Min gyu and Nobody Knows What Happened by Kim Young ha in terms of both form and content. The author raises the following questions: to what extent are the components of the texts of the two writers "translatable" into Russian, what may get lost in the translation process; is it possible to provide the Russian readers with the opportunity to participate in the creation of meaning of the translated postmodern works; how do such works contribute to the acquaintance of the Russian readers with the Korean culture. The author comes to the conclusion that Park Min-gyu bases his texts mostly on Korean reality (though actively augmenting it), refers to Global and Korean cultural phenomena as well and makes full use of his native language features, while Kim Yong-ha more often chooses non-national themes, prefers play on senses to play on words. That is why the works of Kim Young-ha are easier to translate than the works of Park Min-gyu.

Keywords: Korean Literature, postmodern literature, Park Min gyu, Kim Young ha, translatability.

Gurieva A.A.

«President's Bookshelf»: Reading as a Strategy of Success in the Republic of Korea

The paper introduces multiple aspects of a recently formed tendency to place reading as a strategy of success in the Republic of Korea with a focus on the president of the state. Moon Jae-In, the president of the Republic of Korea, has been actively positioning himself as a "continuously reading president". One of the meaningful roles in formation of such an image has been played by the book published before the President elections: «Moon Jae-In's Bookshelf» explaining what books made him stand in front of the Nation with a certain Program and views. For the past almost

two years there have been several cases when the president produced widely discussed informational issues related with books. This feature of the country leader relates with the traditional East Asian respect to working with texts. At the same time, it follows the contemporary tendency to represent reading as a way for developing leadership skills. Besides, this is an opportunity for the president to express a linkage with some of the presidents of the past as press lately tends to discuss former leaders also through the lenses of reading habits.

The paper analyzes the logical pair «reading — figure of a president» from the perspective of the intellectual culture of the Republic of Korea, both with regard to traditions and within the context of contemporary trends and specifics.

Keywords: contemporary culture of the Republic of Korea, Moon Jae-In, President of the Republic of Korea, reading, book culture, book and a man.

Lee San Youn

Traditional Motives in Contemporary South Korean Literature (referencing Cheon Myun-Gwan's novel "Whale")

This article analyzes Cheon Myun-Gwan's novel "Whale", named by critics as "unusual" for its originality, frequent time shifts, and odd — if not fantastic — characters. Reality quietly morphs into fantasy, romantic stories absorb naturalistic scenes, lines of poetry augment descriptions of tragic events. The author himself is present in this fictional universe. Rarely does Korean fiction admit author's digression, yet in "Whale", the author addresses the reader and offers his own opinion on characters' actions and background events making reference to related historical episodes.

This article explores traditional motives related to folk beliefs, shamanism, Confucianism, and one of the forms of the Tao teachings. The unusual characters resembling those from the Korean medieval novellas paeseol can, too, be called traditional. Special attention is given to the main idea going through the entire novel — the life and death opposition. The author repeatedly mentions the laws of the universe (the laws of love, flesh, heredity, crime, etc.) that govern the lives of the novel characters,

and those laws are distant from the Confucian laws, which in turn regulate relationships between people in traditional Korean society.

Keywords: contemporary Korean literature, Cheon Myun-Gwan, "Whale" novel, traditional motives.

Choi I.V.

"Plants-people" in the Contemporary Prose of Korea (at the example of "Vegetarian" novel by Han Gang)

The opening of the borders with the Republic of Korea in 1990 provided Russian researchers with a huge layer of new material. Thanks to the efforts of Russian translators, with the support of the Korean Literature Translations Institute (KLTI), the popularization of South Korean modern prose and poetry began in Russia. For example, there was an acquaintance with such resonant works of modern South Korean authors as Lee Seung Woo (novel "The Secret Life of Plants", 2013, publishing house "Hyperion") and Han Gang (novel "Vegetarian", 2018, publishing house "AST"). It would seem that the stories and storylines that are revealed in these two novels describe modern events and characters. However, it is noteworthy that against the background of the unfolding conflicts and family dramas, the main idea of the works is concentrated, nevertheless, in the Far Eastern philosophy in general and in the traditional representations of the Koreans in particular. It is interesting to see how modern Korean authors interpret the traditional image in the new realities, what is the share of the universal and Korean way of thinking in the new interpretation of the old, how this new image correlates with images from traditional classical Korean literature. And finally, why modern writers do not stop referring to this topic and, moreover, actualized the problems.

Keywords: Korean modern prose, Lee Seung Woo, Han Gang, plants-people, violence, metamorphosis.

Khokhlova E.A.

Stage Set for "a Political Spectacle": Art at Inter-Korean Summit in Panmunjom

On April 27, 2018, the DPRK and ROK leaders met at the "House of Peace" in the village of Phanmujom. The summit was filled with positive emotions and resembled a universal holiday. The South Korean side care-

fully prepared for the meeting. A special role was assigned to the works of art. To decorate the space and set the tone for the meeting, the presidential administration chose large paintings, photographs and video art depicting Korean nature. Each stage of the meeting took place against the background of art.

The article discusses works of art exhibited in the "House of Peace" at the inter-Korean summit in Panmujom. It explains the content and symbolism with which the South Korean side filled them. The use of art during the inter-Korean summit seems to be a good example of how to create a mood and inspire a meeting with necessary feelings.

Keywords: April 2018 inter-Korean summit in Panmunjom, art, painting, photography, symbolism.

Lazareva O.V.

The Development of Visual Imagery in the South Korea Music Industry

The aim of the article is to study relations between the visual imagery of Korean music videos and the context of its existence (the music industry 1988—2018). We discuss the main stages of development of the Korean music industry, each stage is characterized by a target audience, a geographical area and the main distribution channels of the cultural product. Based on the analysis of ten music videos, we show the influence of such context on the formation of a specific visual tradition. We prove that the Korean music industry is an unbroken tradition of the creation, distribution and consumption of audiovisual cultural products. The feature of the visual imagery of Korean music videos is its timely compliance with changes in the industry. And its modern form was generated by a unique set of historical transformations in various spheres of the Republic of Korea public life. When the Korean society is actively involved in intercultural communication in the context of globalization, the visual imagery of music videos acquires transcultural characteristics. There is an intertextual saturation that involves images of cultures from different regions and subcultures in the dialogue. In other words, the visual imagery of the Korean music videos corresponds to present global world, where the unity and diversity of cultures are mutually determined.

Keywords: South Korea music industry, Korean wave, K-pop.

Список авторов

Болтач Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН.

E-mail: julia.boltach@gmail.com

Булатова Евгения Андреевна, студентка УрФУ.

E-mail: bulatova.evgeniya@mail.ru

Вишнякова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, руководитель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

E-mail: vvishnyakova@hse.ru

Волощак Валентин Игоревич, ассистент кафедры международных отношений ДВФУ.

E-mail: voloshchak.vi@dvfu.ru

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения СПбГУ.

E-mail: nastyagur@hotmail.com

Дьякова Ольга Васильевна, заведующая лабораторией, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.

E-mail: emelianova49@mail.ru

Ермолаева Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой корееведения ДВФУ.

E-mail: x-files80@mail.ru

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: kim@ifes-ras.ru

Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой корееведения СПбГУ.

E-mail: sokspb@inbox.ru

Лазарева Ольга Викторовна, аспирантка Санкт-Петербургского государственного института культуры.
E-mail: ov_lazareva@mail.ru

Ли Сан Юн, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ СПб.
E-mail: sanyoun@gmail.com

Логиновский Егор Леонидович, магистрант НИУ ВШЭ.
E-mail: login-egor@mail.ru

Мусинова Ирина Александровна, преподаватель кафедры востоковедения Уральского гуманитарного института.
E-mail: irina.musinova@gmail.com

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки МГУ.
E-mail: lovchin@yandex.ru

Пак Александр Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.
E-mail: fenixmirage@yandex.ru

Солдатова Мария Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков МГЛУ.
E-mail: maria_soldatova@hotmail.com

Хохлова Елена Анатольевна, преподаватель НИУ ВШЭ.
E-mail: lena.khokhlova@gmail.com

Хренов Валентин Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения УрФУ.
E-mail: val-khrenov@yandex.ru

Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры корееведения СПбГУ.
E-mail: innachoi@hotmail.com

Научное издание

Корейский полуостров в поисках мира и процветания

В двух томах

Том 2

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 10.10.2019.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 14,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.).
Заказ № 17

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН, размещаются в электронной библиотеке института со свободным доступом, находящейся на интернет-сайте ИДВ РАН www.ifes-ras.ru

Контакты:
по вопросам работы электронной библиотеки — Отдел наукометрии и информационных технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.